

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДАВЫДОВ

**2.СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ.
ЗА ДВА ЧАСА ДО
НАЧАЛА ЛЕТА**

Сергей Давыдов

**2.Сергей Давыдов. За
два часа до начала лета**

«АСТ»

Давыдов С. А.

2.Сергей Давыдов. За два часа до начала лета / С. А. Давыдов — «АСТ»,

Приключения Серёни Вьюжанина и других ребят продолжаются. Дети сражаются со всем несправедливым и случайным. Переживая и победы, и поражения, они не оставили свою борьбу с несправедливостью, как в школе, так и на улице и в пионерском лагере. Во время военной игры Зарница случается страшная беда - наводнение, которая грозит гибелью всему городу. И только смелость пионеров не даст городу стать озером...

© Давыдов С. А.

© АСТ

Сергей Давыдов

(Капитан ветров)

Роман

За два часа до начала лета

Часть I

По колено травы

"Мы обожали бегать босиком

И ели всё, что в руки попадалось:

Сирень, с пятёркой редкой лепестков,

Акации сомнительную сладость.

Горошек, непременно со стручком,

Калачики и яблоки зелёные,

Редиску с нежно-розовым бочком

И вместе с вишней косточки вишнёвые.

В куриный дождик прыгали по лужам.

Зимой сосульками хрустели, как кроты.

Всего хотелось, всё нам было нужно,

Всем, что росло, мы набивали рты.

Нас нянчила земля и берегла.

Она играла с нами, баловала,

И угощала с раннего утра

До бархатного ночи, покрывала.

Мы косы мыли дождевой водой,

А раны подорожником лечили...

*Как хочется вернуться к жизни той,
Туда, где это счастье нам дарили.
Где раскрывала нам ладонь земля,
Наполненную чудными дарами,
И угощала щедро и любя,
Пусть пыльными, но чистыми плодами.
Не чистили, не мыли ничего,
А просто ели и остались живы...
Недавно это было... и давно...
Когда большими все деревья были..."*

"Это было недавно... это было давно"

Глава I

Фантомас

1

В окна напротив пионерской комнаты был виден лишь кусочек школьного двора, в котором ещё не дотаял снег и блестели на солнце лужи. На улице гулял весёлый весенний ветер. Ребята собрались у стены и курочили старый компьютер, разбирали его на транзисторы.

Уроки кончились, все бежали гулять, перестреливаться снежками, играть в вышибалы и шлёпать по лужам. В общем чем и надо заниматься во дворе. Я сидел на подоконнике и с завистью глядел на играющих ребят. А всё из-за поджига, который у меня нашли дежурные.

Дашка Трепыхалина вызвала в школу мою маму. Хотя бегать за ней было недолго. Она красила стену в подъезде соседней девятиэтажки.

– Вот что он носил в школу! – гремела за дверью Дашка. – Этими штуками они и играют. А сегодня он опять подрался. Избил мальчишку!

– Кто первый полез драться? – отрывисто спросила мама.

– Не важно кто первый! – взвинченно говорила Дашка. – Важно, что ваш сын хулиган, и других детей учит плохому!

"Резинкин настучал, – с досадой подумал я. – Сам всегда первый драться лезет, а как его кто отлупит, так ябедничает учителям и вожатым!"

– Мой сын не хулиган! – накалила ответила мама. – Чем занимаются хулиганы, я отлично знаю. Мне после них пришлось сегодня стены заново красить, так их изрисовали, что не отмоешь!

– Нет хулиган! – упорствовала Дашка. – За что он дал Роме в нос?

– За дело, – слышался голос Кати. – Рома постоянно задирает его и в школе и на улице. Вьюжанин и не выдержал. Серёня добродушный, ласковый мальчик, он никого не обидит зря... Я предлагаю не делать ему выговор.

– Ну вот! Вы опять его защищаете! – вспыхнула Дашка. – А вот Ромочка сказал, что это Вьюжанин его стукнул. Да ещё из поджиг лампочку разбил!

– Это неизвестно ещё кто разбил лампочку! – накалила возразила Катя. – И кто хулиганит! Я их разнимала, я знаю, кто виноват и первым затеял драку. Вьюжанин никого не обидит зря.

– Ах неизвестно! А что же это такое?!

Я сердито засопел и отвернулся. Ребята докурочили компьютер. Раздался бэмс на весь двор. Это грохнули кирпичём по экрану.

– Серёня, пойдём в вышибалы! – прибежали мои братишки Тим и Даня.

Данька держал потрёпанный во многих дворовых играх футбольный мяч.

– Я маму должен ждать, – невесело вздохнул я. – Они ещё все там, в комнате.

– Блин, как нам теперь эту штуку сбить? – потерянно спросил Тим.

– Ничего, – утешил его Данька, – можно же луки сделать.

– А стрелы где возьмёшь? Это же удочку надо курочить.

– А вдруг чего-нибудь на задних дворах найдём?

Братья сели слева и справа от меня и мы заспорили, что лучше, поджиг или лук?

Дверь пионерской комнаты открылась.

– Ну? – к нам подошла разгорячённая мама. – И какое новое злодейство вы хотите сегодня устроить?

– Да нет, мы так... – промямлили мы.

– Домой все трое, – отрывисто сказала мама. – И не суйтесь на улицу. Я докрашу стены, и с вами сама разберусь.

Дашка вышла следом, вся красная от крика и злости.

– С самых яслей вы у меня кровь пьёте! – сказала она и быстрым, размашистым шагом пошла прочь.

– Достукались, – огорчённо вздохнула Катя и закатила глаза.

Она вертела в руках мой поджиг. Поглядев на меня, она сунула его за ремень и ушла, неся под мышкой классный журнал.

Вышли на залитый солнцем школьный двор. Сверкали лужи, из-под грязного неоттаявшего снега и льда текли ручейки. Ребята пускали кораблики и шлёпали по лужам. Кидались снежками. Солнце ярко светило, обогревая продрогшую после вчерашнего дождя землю. Всюду пахло весной.

Я размахивал расхлябанным портфелем.

– Не размахивай так портфелем, – одёрнула меня наша училка Таня Аргонова, которая шла навстречу, перепрыгивая через блестящие на солнце лужи. – Ручка оторвётся, и он улетит в другую галактику.

Я показал ей язык и взмахнул портфелем.

– Мальчишки в наше время, просто кошмар! – выразительно закатив глаза, фыркнула Таня. – А ты вообще бедствие всех дворов!

– Я с ним сама справиться не могу! – утомлённо вздохнула мама.

– А что он творит в отряде!

– Могу себе представить!

– Что у тебя за вид? – прищурилась Таня.

– Ничего... – ответил я, поплевал на пальцы и стал тереть чернильное пятно на подбородке, которое я себе посадил, оживляя ручку.

– Иди умойся, беспризорная душа! – сдержанно улыбнулась Таня. – В таком виде я тебя в отряд не пущу.

– Угу! – кивнул я, снова потёр чернильное пятно, засмеялся и побежал к бойлерной, откуда долетали до меня крики ребят.

Сегодня у моего портфеля уже отлетала ручка. А всё потому, что я трахнул им по спине Миху Бомжа, когда тот пролез в раздевалку и совал свои руки в карманы ребячьих курток. Миха бросился улепётывать, а мой портфель пролетел коридор и опрокинул ведро с

водой, забрызгав завуча и уборщицу. И пока Катя пришивала мне ручку, мне крепко досталось от завуча...

– Ой... – проронил я, когда ручка оторвалась и портфель полетел в лужу.

А у подъезда я ещё умудрился вляпаться в грязь и испачкать кроссовки.

– Серёня! Опять! – жалобно простонала мама. – Зла на тебя не хватает!

– Ну ты, обезьяна со шприцом! – послышался отчаянный крик. Навстречу спешила вожатая Лиза. Она вела мокрого и упирающегося Владьку.

– Не надо было вредничать! – огрызнулась Лизавета.

– Пусти! – ныл Влад, вяло отбиваясь от старшей сестры. – Пусти, не хочу!

– Лизавета, – обратилась к вожатой мама. – Посмотри за этими гавриками, а мне надо срочно бежать, стены красить.

– Посмотрю, – согласилась Лизавета выразительно глянув на меня, мои испачканные кроссовки и портфель, мокнувший в луже. – Идём, малявки.

– Сама ты малявка! – обиделся я. – Нам скоро двенадцать будет!

– Ты мне ещё повякай! – осадила меня Лизавета. – Переодевайтесь мальчики и на улицу. Ребята вас ждут, ждут, а вы хулиганите.

– А чё случилось? – заинтересованно спросил Тим.

– Мы сегодня мусор собираем, – сообщила Лиза.

– Ой... – сказал я и сунул пятерни в волосы. – Как же мы забыли...

– Драться и хулиганить вы не забываете!

– Ну ладно, отстань Лиза!

– И жвачку эту выплюньте! – раздражённо потребовала вожатая. – Вот один мальчик жевал жвачку и зубы у него стали резиновые!

– Чепуху ты, Лизка говоришь! – раздражённо бросил я.

– Какую чепуху?

– Чепуховую!

Мы закинули домой портфели и побежали с вожатой в отряд.

На задних дворах у леса стояла тень и лишь у клуба было солнечно. Он находился в левом крыле угловой пятиэтажки. Белая плитка и мозаичные панно горели на солнце. С одного из балконов до нас долетала музыка.

А вниз по улице шла ещё одна пятиэтажка. Там была комсомольская ячейка района. Здесь были наши друзья. На стене дома сверкало мозаичное панно с космическими ракетами, планетами и космонавтами в скафандрах.

"Комсомолец-на звездолёт!" – гласил лозунг внизу.

И мне стало стыдно за лампочку. Не этим занимаются космонавты...

Мы немного поиграли в сотки у залитой солнцем стены.

– А, прибежали! – раздался довольный Танькин голос. – Стройтесь, сейчас ребята подойдут и мы пойдём на собирать мусор.

Таня стояла у входа в своей неизменной целинке, с шевроном трудовых отрядов.

– Хоть бы раз галстук погладил, – искоса глянув на меня, заметила Таня.

– Я гладил, – оправдался я, вертя в руках радужную сотку, – только когда мы с мальчишками в футбик играли...

– И?

– Ну я же вратарь, а мяч-то надо ловить...

Наконец собрались все ребята и мы пошли к высоковольткам. Там годами сваливали дезактивированный хлам.

Когда мы расчистили от мусора лужайку, вожатые напомнили, что у нас ещё не выучены уроки и завтра нас обязательно вызовут к доске.

Если бы только уроки! И девочки всей школой меня достают...

– Ну её в болото эту школу! – фыркнул я.

Девчонки, которые шли рядом ехидно засмеялись. Я показал им кулак, потом обрызгал их водой из грязной лужи и мы с Тимой и Даней ушли домой, может ещё успеем посмотреть мультики, пока домой не вернётся мама...

2

Уроки сегодня делались медленно и скучно. Нас всё время что-то отвлекало от учебников. То мультики, то стук мяча, то радио. А внизу ещё гудели трубы и водонапорная станция, журчала вода в водозаборнике. Во дворе играли ребята, пускали кораблики в лужах и мы с Тимой и Даней заспорили, смотреть ли мультики или бежать во двор, хоть сейчас там и скучно.

– Давай к Максиму! – предложили мы с Даней Тиму. – У него телек больше каналов показывает. У него такие мультики можно посмотреть!

– Ага! – обрадовался Тим и мы побежали к Максиму.

Но нас ждало разочарование. Максим сосредоточенно ковырялся в телевизоре, экран которого безнадежно потух.

– У него что-то и изображением, – растерянно сказал Максим. – Мамка меня приберёт, если увидит...

Мы стали ковыряться вместе. Я посмотрел, что с антенной. Напробу включили, но изображение было плохое.

– Фиговое изображенин, – потерянно сказал Даня.

– М-м-м-м... – протянул я, закусив губу. – Может на станции чего?

Максим пожал плечами и вздохнул.

– А пошли на улицу! – предложил я, когда мы устали биться с телеком.

– У меня арифметика не слелана...

– Показывай.

Максим показал и мы вчетвером решили все задачи и примеры. А потом я вспомнил, как получил сегодня три двойки и неудачно свёл их из дневника, да так, что там остались дырки. Если мама увидит их, мне несдобровать и недолго думая я выкинул свой измачаленный дневник в канализацию.

И как через час стало ясно, лучше бы я этого не делал! В канализации что-то засорилось и у нижних соседей из унитаза стала хлестать вода.

– Ну, что у нас плохого? – спросила мама и тогда она услышала крики соседей, которых из-за меня затопило.

А потом откуда-то выплыл и мой намокший и испачканный дневник...

– Та-а-ак... – зловеще сказала мама. – Это вот что такое, а?!

– Ну мам ты понимаешь... – начал сочинять я. – Я капнул чернила, хотел смыть их, а он взял и утонул...

– Значит это из-за твоего дневника такой потоп?!

– Я не хотел, честное слово!

А потом мама увидала дырки, там, где были двойки.

В общем мне досталось и от мамы и от соседей которых затопило из-за моего дневника, и от соседей, которых затопили уже они. Мне припомнили всё. И как я прыгал со шкафа, да так, что у соседей упала люстра, и как, съезжая по перилам вниз, я сбил их с ног, и как чуть не сломал лифт.

– Никаких мультиков! – сказала нам с Тимой и Даней мама, когда из неё вышел пар, а соседи справились с потопом. – Такое бедствие устроили!

– Но ведь Серёнька не нарочно, – заступились за меня Тим и Даня, – он не знал, что из-за дневника засорится канаизация!

Но мама всё равно не дала нам смотреть мультики.

– Мы больше не будем! – сказали своим коленкам Тим, Даня и я.

– Я от вас с ума скоро сойду! – вздохнула мама. – Довели вы меня!

В общем мы вышли на улицу лишь вечером, когда мама куда-то ушла. И мы пошли по двору, не зная, чем заняться.

– Мальчишки! – к нам по лужам бежал Владик. – Где вы были? Я к вам, а ваша мамка, говорит, что вы наказаны. Чё натворили?

– Потоп устроили, – мрачно ответил Тим и чувствительно саданул меня локтём в бок. – Серёнька дневник в каналиизацию бросил.

– Ябеда! – обиделся я на брата.

Шлёпая по лужам, мы добрались до потока талой воды, который выливался из-под грязного льда. Мы сунули руки в карманы и вытащили пробки. Скука исчезла и началась весёлая игра в брызгах талой воды и сверкающих бликах весеннего солнца.

– Мальчики! – кричала из окна Лизавета. – Что вы по лужам шлёпаете, как маленькие! Долго я вас звать буду? Уже оборалась вся!

– Ну ладно тебе сеструха! – миролюбиво отозвался Влад. Он стоял в луже и улыбался. – Рано ещё!

– Раз мамы нет, я в доме главная!

– Командир полка-нос до потолка!

– А ты Вьюжанин умолкни! Твоя мама оставила вас на меня.

– У-у-у!

– Как маленькие! – с осуждением бросила девочка.

Это потому, что мы с Тимой и Даней показали ей языки. Вылезли из лужи и кинув в неё петарду, дали дёру. Но убежать не успели. Взрыв петарды обдал нас грязной водой. Мы посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Ладно пацаны, айда уроки делать, – со вздохом предложил Владик. – Нам завтра по зоологии отвечать.

И мы решили покончить с уроками сейчас. Только Данька не пошёл домой, а куда-то убежал с другими мальчишками.

Лиза встретила нас в тамбуре и велела раздеться. Она убирала квартиру.

– Этим должны заниматься вы, мальчики! – язвительно сказала она, и чуть не споткнулась о пылесос. Мы засмеялись. – Да, вы! Вы играли и превратили квартиру в поле боя, а мне убираться!

И затолкала нас в ванную, чтобы мы умылись. Умывание, как всегда превратилось в брызготню и девочка вывела нас сушиться.

– Начинайте делать уроки! – строгим, учительским тоном велела она нам.

Мы легли животами на ковёр и начали выполнять примеры, болтая ногами. Лизавета читала нам нотации, грозила пожаловаться родителям, если мы не сядем за стол, но тут зазвонили в дверь.

Лизавета пошла открывать. И вдруг раздался её испуганный вздох.

– Лиза, Серёня и Тима здесь? – раздался Данькин голос.

– Даня! – обрадовались мы с Тимой и выбежали из комнаты.

В дверях стоял Даня, весь заляпанный грязью. С него стекала вода, прямо на пропылесосенный ковёр. Лиза лишилась дара речи.

– Пацаны, вы только не говорите маме, – просил Даня, шмыгнув носом. – Мы у грязного канала играли и я провалился...

Данька улыбался, переступая с ноги на ногу. Лиза смотрела на него и икала, словно это был не наш брат, а инопланетянин или привидение...

Лизавета была поражена таким варварством до глубины души. Даня не успел сделать и шага, как девочка схватила его и потащила в ванную. Данька визжал и отбивался, мы хохотали. Лиза сказала, что мы бедствие улицы и призывала помочь отмыть грязнулю. В результате яростного боя в ванной оказались мы все, а Лиза поливала нас водой. Из ванной мы с мальчишками вышли мокрые до нитки. Лиза сушила одежду, которую сорвала с Даньки, а потом замывала в прихожей его грязные следы.

– Изверги вы, – сказала она в сердцах, входя в комнату. – Если б не я, вы бы вообще устроили здесь болото!

– Да здравствуют мусор и нечистоты! – запели дразнилку мы. – Наша квартира станет болотом!

– Какие же вы ещё дети! – сокрушённо покачала головой Лиза.

– Разнесу заразу, не моргнёте и глазом! – ехидно дразнились мы. – Наш дом превратится в помойку сразу!

Лизавета сунула мокрые вещи в стиральную машинку, а мы стали делать уроки, но учёба превратилась в борьбу на диване. Тим хлопнул меня учебником по голове, я лягнул его пяткой и началось!

Машинка гудела, Лиза нас не слышала. Возня прекратилась, когда из учебника зоологии полетели страницы.

– Всё мальчишки, хватит, – решительно сказал, отдуваясь, Влад, – а то моя сеструха нам задаст, когда увидит!

Мы склеили учебник, но уроки никак не учились. Во дворе играли ребята, слышался стук мяча. Я поглядел в окно и тоскливо засопел.

– Мальчики, сходите кто-нибудь за сосисками, – вошла к нам Лизавета. – У вас сосиски кончились, а мне надо вас покормить.

– Да ну эти сосиски! – пренебрежительно махнул рукой Тим.

– Да вы поглядите на себя, вы же вылитые кощеи! – в сердцах всплестнула руками вожа-тая. – Вас хоть кормили?

– Пытались, – честно признался я.

– Идите за сосисками!

– Ладно.

Мы оделись и вышли на улицу, но сразу забыли о сосисках и помчались играть с ребятами на плотине в выше ноги от земли.

Бегая по ржавым скрипучим трубам, мы уворачивались от Влада, который был галей. Земли касаться было нельзя. Можно было бегать только по трубам, по решоткам, лесенкам и крыше водозаборника.

Владька наконец упал в воду. А всё вредный Павлик, который ему подставил под-ножку! Мы вытянули друга из воды и игра закончилась.

– У меня нет слов! – сокрушённо сказала Танька, закатывая глаза. – Павлик, разве можно своему товарищу ставить подножку?

– Да я случайно, Тань! – хихикая, сказал Павлик.

– Вот я тебе случайно, как вделаю! – взвился я, заступаясь за Влада.

– Сейчас сам как трахну тебе по лбу! – погрозил мне кулаком Павлик.

Я ринулся на обидчика.

– Вьюжанин! – схватила меня за руку Таня. – Сейчас возьму и выдеру!

Павлик показал мне язык и ушёл к друзьям.

– Найдёнов, тебя это тоже касается! – крикнула ему вслед Таня, отпустив меня и повернулась к нам. – Идём.

Мы зашли в школу.

– Сакурин, – обратилась она к Владу, – раздевайся, а то продоргнешь. Я тебя сейчас вытру.

Владик стал раздеваться, чтобы быстрее высохнуть. Танька принесла полотенце и байковое одеяло, какие мы обычно брали в походы.

– Вытирайся и к батарее, – не терпящим возражений голосом сказала Таня, и когда начавший зябнуть Влад вытерся, она укутала его одеялом. – И постарайся больше в такие игры не играть, а то я с вами просто замучалась.

Я сбегал в пионерскую комнату и принёс Владу запасную форму.

Влад переоделся и мы уселись с ним на подоконнике. Владька был всё ещё мокрый и холодный, но зато снова стал весёлым и жизнерадостным.

– Ну я и искупался! – весело заметил Влад.

– Ага! Здорово ты нырнул! – хихикнул я, пихнув Влада и обняв его.

– Каждую весну одна и та же история! – раздражённо фыркнула Таня. – Мальчишки мокнут в воде, а мне их суши!

Танька отпустила нас через час.

– Ой, нам же за сосисками надо! – спохватился Даня. – Лиза нас ждёт! Ща такое нам устроит!

– Съест... – согласился я, воображая, как нам достанется от Лизаветы.

– Подавится, – задиристо хмыкнул Тима.

– Ты мою сестру не знаешь... – невесело отозвался Влад.

Срезали задними дворами и оказались у гастронома. На асфальте пузырилась шипучка, а на проводе ветер колыхал размотку. Гудел и гремел холодильник где-то в гастрономе, пахло рыбой.

Но сейчас был обед и мы с мальчишками побежали играть в маялки...

4

За игрой в маялки я совсем забыл о сосисках, но когда я наступил в лужу и промочил ноги, я о них вспомнил и побежал в гастроном. Я шёл по улице, размахивая авоськой и тут сзади у меня кто-то чихнул. Я обернулся. В трёх шагах от меня застыл коричневый пёс. Он стоял, поджав одну лапу, уши его висели, морда была дурашливой и любопытной.

– Чего тебе? – неловко спросил я.

– Ух ты! – обернулись ребята.

Пёс снова чихнул. Мы зашагали дальше. Врядли Лизавета обрадуется, если мы приведём домой такое чудо...

И снова обернулся. Пёс не отставал. Я засмеялся.

– Голодный наверное?

Пёс заворчал.

– Идём, сосиски тебе возьмём!

Пёс снова заворчал, будто всё понял. Я погладил его. Пёс облизал мне пальцы. За тем погладили пса все мальчишки. Мы пошли вместе. Пёс то отставал, то забегал вперёд, то возвращался и всё что-то вынюхивал.

Мы веселились вместе с псом, но в нас зрела тревога. Прошлым летом один гад отравил пса, а другого, с которым играли все мальчишки у Тиньки чуть не отняли только потому, что он защищал друзей...

"Нет, – упрямо подумал я, – его у нас никто не заберёт!"

Пёс чихнул и замотал ушами.

– Как же тебя звать? – спросил я пса, когда мы шли по улице. – Рэкс?

Пёс словно слышал и мотнул головой.

– Значит не Рэкс... – с пониманием кивнул я. – Может Джек?

И снова пёс помотал головой, так, что его уши забавно затряслись.

Я засмеялся.

– Джони? Нет... Джульбарс? Не... О! Будешь у нас Фантомас! Правда Фантомас был плохим, он преступления совершал... Но ты-то хороший!

Пёс заворчал.

– Фантомас, ко мне!

Пёс лизнул мне руку.

– Фантомас, ко мне! – приказал Тим.

Пёс вылизал руки всем мальчишкам.

– Значит всё, – решил Влад, ласково поглядев на пса, – отныне ты Фантомас!

Мы зашагали по улице. Пёс бегал, залезал под автомобили, пописал у забора и обнюхал двоих малышей. Я побежал за ним, к танцплощадке.

– Ух ты, твой? – подбежал ко мне Костик Раскатов и погладил пса.

– Мой, – не долго думая ответил я. – Ну то есть общий, дворовый.

– Как зовут?

– Фантомас.

Костик оседлал пса. Фантомас побежал по дороге и мальчик свалился в лужу талой воды. Игравшие во дворе ребята рассмеялись. Костя вылез из лужи и сам рассмеялся. Пёс сидел на плите, высунув язык.

– Мальчики, вы что тут устроили? – раздался недовольный Дашкин крик. Фантомас гавкнул, и мы зашагали к продмагу.

– Батюшки, – сказала тётка в белом халате и косынке, та самая, которая позапрошлым летом бросала мусор в бассейн, – опять этот Вьюжанин кого-то с помойки привёл!

– Сама ты с помойки! – огрызнулся я.

– Что ты сказал?

– Что слышала!

– Ты хоть видишь, что ты со взрослыми говоришь?!

Я показал тётке язык и мы с мальчишками и Фантомасом пошли дальше, не слушая тёткиных криков и обещаний сказать отцу, как я себя веду.

– Он уж тебе задаст ремня! – крикнула она издали. – Хулиган!

Я только фыркнул. Отец ни разу никого из нас не ударил. Он знает, что детей бить подло, да и не поверит он ей. Ни мне, ни ему не нравились люди, которые обзывали тебя хулиганом, а сами делали всем гадости.

Наконец мы остановилось у гастронома. Я посмотрел сквозь витрину и задумался, пустит ли нас с Фантомасом тётя Маша или нет?

Наверное нет...

– Та-ак, – сказал я, глядя на витрину гастронома. – Сиди смирно, как воспитанный пёс. Нам вместе нельзя... Я сейчас тебе пожевать принесу.

– Мы с ним пока поиграем! – сказали нам Влад и Костя. Пёс послушно наклонил голову и гавкнул, наверное говоря, чтоб мы поторопились.

– Жди здесь! – велел псу я, и мы с Тимой и Даней побежали в продмаг.

Владик и Костя остались с псом.

А вышли мы с лентой сосисок. Фантомас завилял хвостом и гавкнул. Я потрепал его по голове и бросил сосиску. Фантомас с чавканьем её слопал. Я кинул другую. Наконец, когда от ленты осталась половина, мы снова двинулись по дороге по ручейкам воды и лужам.

– Хочешь, пойдём к ребятам? – предложил я Фантомасу.

А за нами бежали мальчишки. Им тоже хотелось угостить пса.

5

Лиза пришла в ужас. И от того, что мы мотались целый час чёрти где, и от появления пса, и от того, что осталось от ленты сосисок. Машинка стучала и выла, гудел холодильник, булькала вода в кастрюльке. Пёс принюхался. Лиза щёлкнула его по носу. Фантомас присел. Лизу он явно боялся.

– Вас только за смертью посылать, – язвительно вздохнула Лизавета.

– А чё... – начал Тим, но я пнул его по ноге.

– Идите во двор с этим чудом лохматым, – сухо сказала Лизавета. – Я позаву вас, мальчишки...

Но едва выбежав во двор, мы снова забыли обо всём и принялись играть с псом в галю. А потом Тим подал интересную идею. Мы стали играть в пограничников и диверсантов и пёс стал пограничным.

Было весело. Фантомас бегал вокруг нас и лаял, виляя хвостом.

– Ребята, айда в отряд! – прибежал во двор Лёнчик.

В отряде нас ждала ракета, которую мы делали сами, чтоб потом запустить, в первый день весенних каникул. Мы копались на задних дворах, натаскали в отряд электронного хлама и принялись за создание ракеты...

А вернулись из отряда уже после полудня.

– Мальчики! – высунулась в окно Лизавета. – Сколько можно гулять? Идите мыть руки, ужин готов!

– Ну мы же играем! – нетерпеливо отозвался я. – В пограничников.

– Иди есть, Карацупа! – сдержанно отрезала Лизавета. – Не ребёнок, а вылитый Кощей!

А потом Лиза увидела наши джинсы. Фантомас во время игры здорово пожевал их и вожатая опять чуть не грохнулась в обморок.

Фантомас носился под окном, играя с ребятами...

Мы доделали уроки и выбежали гулять. Во дворе гоняли мяч ребята.

– Пацаны, ваш пёс? – подбежал к нам старый друг Митька.

– Он общий, – со значением сказал Тим.

– Значит нам можно его взять поиграть?

– Ну конечно!

– До вечера?

– Хоть до ночи!

– Ура! Пацаны, айда в догонялки!

Ребятня орава и весёлый пёс умчались на косогор, а мы зашагали вдоль выложенного бетонными плитами берега озера и свернули во дворы вдоль длинных, блестящих на солнце плиткой и стёклами балконов, пятиэтажек.

– Мальчики, чё скажу! – за нами увязалась Светка Загремухина по прозвищу Крапива, как её называли все ребята во дворе.

Её большие зелёные глаза глядели на нас с хитринкой.

– Ещё одна! – в сердцах сказал я, а Светка всю дорогу агитировала нас заняться малышами, вместо того, чтоб до ночи слоняться по дворам.

Светка была самой красивой девочкой в отряде. Она была длинная, коренастая, как я, Тим и Даня, и загорелая. Девочка носила каштановые волосы, собранные в конский хвост. В косу она их уже не заплетала. Наверное, чтоб я за неё не дёргал. А может потому, что ей уже двенадцать...

– А что за пугало вы нашли во дворе? – с интересом спросила нас Светка.

– Сама ты пугало! – обиделся я. – И он сам нас нашёл!

– А нам с девчонками можно с ним погулять? – прищурилась Светка.

– Ага, чтоб вы с ним в дочки-матери играли? – съехидничал я.

В этот миг нас догнали ребята. Митька бежал за псом прямо по лужам и они забрызгав нас водой с головы до ног, скрылись за углом.

Глава II

И котёнку нужен друг

1

На улице вечерело. Мы с мальчишками играли сначала в чикку, потом на гаражах в догонялки. На задних дворах лежала зябкая тень, но на улице и пустыре было ещё светло и солнечно. Устав бегать, мы слезли вниз и утопая по щиколотки в грязи заспорили, у кого будет ночевать Фантомас. Решили по очереди, чтоб было честно, пока не соорудим ему домик.

А утром мы ушли в школу.

– Вьюжанин! – поймала меня на перемене Дашка Трепыхалина.

– Чего тебе? – насторожился я. Я знал, что от Дашки хорошего не жди...

– Сегодня ваш клас дежурит, – спокойно сказала Дашка. – В переходе между корпусами будешь ты с Загремужиной. И смотрите, чтоб без бедствий!

Дашка была сегодня какой-то странной. И тут я понял! Дашка не кричала, а говорила весело и всё время поглядывала на часы.

– За что ты меня опять с ней? – недовольно застонал я.

– Света просила, чтоб её с тобой поставили, – пожала плечами Дашка.

– Оу-у-ух! – застонал я.

Я убежал играть с мальчишками в сотки.

– Серёнь, тебя Светка искала, – догнал меня Саша Жариков.

– Да ну эту вредину! – сердито отмахнулся я.

– Она тебя опять доставала? – посочувствовал мне Данька, взяв за руку.

– Не то слово! – обиженно выдохнул я. – Сил моих больше нет её терпеть!

Ребята озорно заулыбались. Уж они знали, как меня достаёт эта вредина.

"Им смешно, – с обидой подумал я, – а я мучайся!"

Больше всего на свете мне хотелось окунуть её в лужу.

– А чего она тебе сделала? – хитро прищурясь, спросил Даня.

– Ну как, что сделала? – всплестнул я руками. – Всё тоже самое!

– Дразнит? – спросил командир барабанщиков рыжий мальчишка-семиклассник Кирилл Смирнов.

– Угу, – мрачно кивнул я, – и дразнит и дерётся. Я ей сколько раз говорил, чтоб она перестала меня доставать! А она всё равно достаёт, хоть ты лопни!

Ребята захихикали. Я сердито посмотрел на них. Прозвенел звонок и ребята убежали на занятия. Начинались уроки, а ребята из нашего класса дежурили по школе. Я сунул в рот жвачку и надул пузырь.

– Эй, парень, когда кончаются уроки? – спросил один старшеклассник другого.

– Не знаю, – ответил мальчишка, – никогда не досиживал до конца!

– У! – в сердцах я пнул лежащий на полу мячик-тотошку. Мячик отскочил от стены и стуннул Ксюху Гордееву по затылку.

– Ой! – вскрикнула девочка. – Ты чего кидаешься?

– Это не я! – обронил я.

– Ну ты Вьюжанин вообще!

– У-у-у! – показал я Ксюхе язык.

Незаметно пролетели занятия в школе, а дежурство ещё не закончено. Светка, которая убежала попить ещё не вернулась.

Я сидел на подоконнике в пионерской комнате и рассматривал плакаты, знамя в углу, выпелы и разрисованные космическими ракетами, пароходами и звездолётами стены, на которых плясали тени и световые пятна.

– Вьюжанин, это ваше пугало во дворе бежит? – это вернулась Светка.

– Угу... – рассеянно сказал я. – Вчера за нами увязался.

– А он чей? – приставала Светка.

– Ничей. С ним все мальчишки играют.

– И наверное такой же, как вы невоспитанный!

– Да чё ты врёшь! – вознегодовал я. – Он самый умный пёс на свете!

– Грязный, блохастый...

– Сама ты блохастая! – рассердился я.

Но Светку уже было не остановить. Мы вцепились друг в друга. В ход пошли меловые тряпки и портфели.

– Ну что за наказание! – раздался сокрушённый Танькин голос. – Не успела я отлучиться, а вы опять дерётесь!

Мы со Светкой мигом перестали бороться. Разгорячённые, красные, мы тяжело дышали. Светкины волосы были растрёпаны, бантик развязался, мой пионерский галстук и школьная рубашка висели на мне тряпками.

– Что на этот раз? – со вздохом спросила Таня.

– Она на Фантомаса блохастым обзывается! – звенящим голосом ответил я, бросив на вредную Светку негодующий взгляд.

– Какого ещё Фантомаса? – испуглась Таня. – Вы что, опять хулиганите?

– Да какой хулиганим! – вспыхнул я, убирая с глаз волосы. – Так нашего пса зовут. Мы его вчера нашли, и теперь с ним все ребята играют.

– Покажете?

– Ну конечно!

Дежурство закончилось и мы выбежали из школы. Таня пошла с нами во двор, где солнце играло в лужах. Митькина ватажка привела пса.

– Надо его выкупать, – оценивающе оглядев пса, сказала Таня. – Идём-ка сейчас ко мне. У меня от Найды ошейник остался...

Найда была овчаркой, которая жила у Тани в детстве. Вечерами, когда мы с мальчишками собирались в отряде травить байки, командор часто рассказывала о своей собаке и весёлые, и грустные истории.

Фантомас был не против выкупаться, только когда мы вывели его из ванной, он встряхнулся и забрызгал нас с головы до ног.

Мы рассмеялись. Венька прыгал вокруг пса и тянул его за уши. Фантомас терпел, дурашливо улыбался и пытался лизнуть малыша.

– Веня, не мучай пса, – одёрнула Танька сына, – он уже бедный не знает, куда от тебя сбежать!

– Мам, а это наш пёс, да? – радостно спросил Венька.

– Он общий, – ответили мы с мальчишками. – Друг для всех ребят!

Таня надела на пса ошейник.

– Ну теперь ты не беспризорник, – одобрительно посмотрев на Фантомаса, сказала она, – никто тебя не тронет.

– Ага не тронет! – насутился я. – Знаешь, какие бывают живодёры!

– А вы смотрите за ним, – посоветовала Таня, – чтоб в переделки не попадал. Он ведь и не взрослый даже, а ребёнок, как вы.

Мы побежали играть.

Светка вдруг вспомнила, что у неё не выучена география и убежала, а мы с мальчишками пошли играть в прятки. Фантомас носился с малышами...

– Интересно, а собаки газировку пьют? – спросил я Влада.

Мы вышли из продмага с двумя бутылками газировки.

– Да ты чё! – запротестовал Влад. – Им это вредно.

– А если нам его говорить научить?

– Как? Собак говорящих вроде нету...

– Но есть же говорящие вороны и попугаи...

– Собака не попугай...

Под ноги нам попалась банка и мы погнали её по улице. Прохожие оборачивались и неодобрительно качали головой. У меня развязался шнурок, я взмахнул рукой, раздался звон.

Бутылка газировки, вернее её осколки лежали на асфальте, а сама газировка пузырилась на нём и сверкала на солнце...

– Держи, – Владька протянул мне свою газировку.

– Спасибо, – я отпил и вернул газировку Владу.

К нам подкатил робот-дворник, замигал лампочками и быстро собрал всё стекло, и нашу банку, пока я завязывал шнурок. Мигнув, робот укатил прочь, только мокрое пятно ещё блестело на асфальте...

– Слушай, а чё Дашка сегодня такая весёлая? – удивлённо спросил Влад, отпив газировки. – Не орёт, ни к кому не цепляется...

– Не знаю, – не менее удивлённо сказал я и тоже сделал глоток. – Может экзамены сдала на пять?

– Какие экзамены?

– Ну она же в педогогическом учится!

– А-а-а...

Мы шли по улице и пили из одной бутылки. У "Энергетика" стояли ребята, ждали начало киносеанса. Мы кинули пустую бутылку в урну.

– Серёня! – тронул меня за плечо Влад. – Чё это она?

Я повернулся и сразу понял, куда подевалась Дашка...

Воспитательница стояла возле входа в кинозал у автоматов с газировкой. В белом платье в синий горошек и в туфельках. А рядом с ней парень в целинке, с книгой в руке. Оба о чём-то весело болтали.

Я разинул рот от удивления. Никогда я не видел, чтоб вечно занятая в школе, или шныряющая по улицам Дашка ходила с кем-то на свидание. А то, что это свидание, я не сомневался. Дашка и этот парень шли в кино.

– Тили-тили тесто, жених и невеста! – прокричали мы с Владом, пробегая мимо них. – На полу валялись, сексом занимались!

– Ах вы! – повернулся к нам парень и сделал вид, что хочет нас схватить.

– Жених и невеста! – дразнились мы с Владом. – Поцелуйте унитаза!

– Вьюжанин! Сакурин! – прикрикнула на нас Дашка. – Не обязательно так вульгарно реагировать! Идите вон, завтра я вами займусь.

Мы с Владом только рассмеялись, подразнились, показывая на них пальцами и пошли к мороженнице, которая катила голубую тележку по улице.

– А кто это были? – долетел до нас голос парня.

– Это самое страшное бедствие наших дворов, – вздохнула Дашка. – Моё школьное мучение. Вьюжанин и Сакурин. Не обращай на них внимание. Им и двенадцати ещё нет... Им рано.

Мы обернулись, показали им язык и побежали за мороженым.

2

Влад убежал к ребятам, гонять мяч, а я пошёл домой, потому, что болела нога, которую я ушиб, прыгая с труб, нависших над дорогой. Я дошёл до трёхэтажки на косогоре, снял кроссовки, закатал до колен джинсы и в первый раз за эту весну пробежался босиком по тёплым плитам и лужам. Дующий с пустыря тёплый ветер приятно обдувал мне лицо и ноги.

– Твой отряд убит! – играли в солдатиков на балконе Тим и Даня.

– Фиг! – спорил с братом Даня. – Я твой पहले подвзорвал!

– А вот и нет! – не сдавался Тим. – Он за моими танками спрятался!

На балконе они устроили настоящее побоище.

– А я сбросил атомную бомбу! – крикнул я и прыгнул на братьев.

Началась борьба с хохотом и визгом.

– Всем армиям капут! – жизнерадостно хохотал я.

– Фиг тебе! Мои в убежище! – визжал Данька.

– А мои зенитки сбили тебя! – смеялся Тим, положив мне на лицо икру, а другой ногой пытался пихнуть Даню.

Когда играть надоело, я побежал в школьный бассейн, прошёл по кафелю заливаемого солнечными отсветами перехода между корпусами. Из бассейна доносился плеск и ребячьи крики.

– Чё, купаться идёшь? – прыгнул с подоконника Костя Раскатов.

– Угу, – сказал я и вдруг вспомнил. – Слу-у-ушай! Идея!

– М-м-м?

– Я гулял короче... – взволнованно сказал я. – Помнишь пустырь за второй бойлерной? Ну, где мусор валяется. Давай позовём всех наших и уберём его. А то на нашем поле всё большие мальчишки играют, а нам где? А на том поставим ворота и будем играть после школы!

– А что, это здорово! – на миг задумавшись, согласился Костя. – Давно пора убрать весь этот мусор!

– Ещё бы! – увлечённо сказал я. – Уберём мусор, может тогда и раниться никто не будет. А то помнишь я себе лодыжку окарябал, когда я мяч доставал...

Мы искупались в бассейне и побежали за ребятами.

Ребят пришлось собирать по всем дворам. Наконец, через час, предупредив воспитателей, мы всем отрядом пошли убирать пустырь.

3

Убирать пустырь было трудно. Много мусора приходилось выдирать из весенней земли. Здесь были и трубы, и батареи, и поручни от автобусов. А ещё нам, буквально по стёклышку пришлось собирать разбитые лампочки. Играли-то мы в футбол всегда босиком! А кому охота поранить ногу? Хотя сейчас для этого было ещё холодно. На улице стоял март...

– Ну что ребята, трудитесь? – подошёл к нам Владислав Семёнович, наш обэжешник. – Уже давно за вами из окна наблюдаю.

– Ох, трудимся! – утомлённо выдохнул я, утирая вспотевший лоб. – Мы здесь футбольную площадку устроим!

– Это правильно, – согласился Владислав Семёнович. – Пионеру без спорта никак нельзя. Ну играйте, а я скажу, чтоб больше сюда мусор не бросли.

– Ес! – обрадовался я. – А вот мусор куда девать?

– Ничего, увезём мусор, – успокоил нас обэжешник.

Но вместо того, чтобы вернуться домой, он помог нам таскать с пустыря мусор и вываливать его на бетонку. А потом, уставшие, мы зашагали домой.

– Мальчики, – догнала нас комсомолка и младшая воспитательница Юля, ведя за собой ребят из кружка юных космонавтов, – вы любите костры жечь... Сожгите весь мусор, который остался.

– Чё, можно? – оживился Тима, удивлённо посмотрев на Юлю.

– Можно, – разрешила Юля. – Только без баловства.

– Честное пионерское! – хитро сощурился Даня.

– Я на вас надеюсь, – серьёзно ответила Юлька.

Мы подпалили собранный мусор и огонь взвился чуть ли не до небес. А когда весь мусор почти прогорел, мы устроили прыжки через костёр.

Закончилось это тем, что подошвы моих ботинок сгорели и домой я зашагал босиком, шлёпая по холодным лужам и ручейкам воды.

– Босиком, по такому холоду! – ахнула мама, взглянув на меня с неодобрением. – Что мне стобой делать?!

– Мам, Серёнька не виноват, – заступился за меня Тим. – У него ботинки сгорели...

– У других детей не горят ботинки! – раздражённо отрезала мама, и потянула меня за руки в квартиру. – Признавайтесь, – окинула нас мама свирепым взглядом, – опять через костёр прыгали?

Мы опустили головы. Мама велела мне вымыться, а потом нехотя отпустила на улицу, где уже играли в коли наши ребята.

– Пацаны, можно с вами? – подошёл к нам робкий Ромик Резинкин.

Мы с мальчишками переглянулись. С прошлого лета, когда Ромик струсил при всех на дуэли с ним мало кто дружил. В школе с ним тоже не общались, а во дворе он сидел с краю и смотрел, как играют другие ребята.

– Да ладно, пусть играет, – окинув ребят взглядом, разрешил я. Мне стало жалко Ромика. Не всё же время ему быть одному. – Айда по всей улице!

Игра началась и через десять минут беготни мы были все в грязи, а я умудрился упасть в лужу.

– Ты ляпа! – осалил меня Юрик Звонов.

Я погнался за ним и осалил его, но тут мы поскользнулись обо что-то и плюхнулись в грязь. Ребята засмеялись.

– Вьюжанин, опять в грязи играл! – подошла ко мне Лизавета, обведя меня колючим, неодобрительным взглядом. – Даня, ну сколько можно падать в лужи? И действовать мне на нервы?!

– Я Серёня, – буркнул я, вставая на ноги.

– Марш домой, пока я добрая! – велела мне Лиза, не терпящим возражений голосом.

Я поплёлся домой, зная, что меня ожидало.

– Сlopал котлету? – усмехнулся мне в спину вредный Юрка Звонов.

– У-у-у! – показал я Юрику кулак. – Дождёшься ты у меня, бармалей!

И зашагал в подъезд, хлюпая безнадёжно промоченными ботинками...

Я сочинял, что скажу маме, когда приду домой, но от невесёлых мыслей меня тут же отвлекли крики мальчишек и жалобное кошачье мяуканье. Я вошёл к нам во двор и задохнулся от злости. Возле стены дома хулиганы поймали чёрного котёнка и привязали к его лапке консервную банку.

– Танцуй, мурзик, танцуй! – издевались Колян, Андрюха Квакин и Димыч.

Котёнок истошно орал. Колян и Димыч смотрели и смеялись, а Андрюха, не давая котёнку убежать, держал его за проволоку с банкой.

– Не трогать! – крикнул я, бросаясь к ним.

– Эй! – воскликнули Андрюха и Колян, когда я оттолкнул их локтями.

– Я вам щас как вделаю, вонючки с ванилью! – угрожающе сказал я, и пнул Андрюху, который издевался над котёнком и тот вскрикнув от боли, упал. – Узнаете, как животных мучать, живодёры!

Я отвязал проволоку и банку от лапки котёнка.

– Слышь ты беспризорник, ну-ка иди сюда! – агрессивно вскричал какой-то дядька.

Он был в старых трениках и куртке поверх грязной майки. Куртка была вся в пятнах. Лицо у него было злое, красное, руки грязные.

– Ага, так я тебе и пошёл! – дерзко откликнулся я. Дядька мне не понравился, слишком он напоминал мне тех людей, с которыми мы воевали во дворах, и которые хотели отнять у нас пионерский клуб.

– Ах ты маленький негодяй! – злобно выдохнул он, хватая меня за плечо грязными пальцами. – Ты как смеешь моего сына бить?!

– А нечего ему животных мучать! – дерзко вскрикнул я, неприязненно отдёргивая плечо. – Живодёр!

– А это не твоё дело, сопляк! – озлобленно сплюнул дядька.

– А гориллы должны быть в зоопарке! – расмеялся я и ударил его ступнёй между ног. Дядька согнулся, шипя от нестерпимой боли, заорал в ярости и швырнул меня в сторону. Я отлетел назад и ударился головой о стену дома.

Когда я очнулся, я не сразу понял, что случилось, и кто эти ребята в комсомольских целинках, которые кричали и били моего окровавленного и визжащего от боли обидчика.

– Нашёл герой с кем справиться! – презрительно кричали ему старшеклассники.

– Я с ним только как с мужчиной хотел поговорить! – кричал мой обидчик, вяло отбиваясь от оравы мальчишек.

– Какой ты мужчина! – презрительно кричали большие ребята. – Ты же трус, а этот мальчишка в сто раз смелее тебя!

– И слабого не обидет. Потому, что он пионер, а ты гадина!

– Ты посмотри, какой он маленький, а какой ты!

– Только посмей ещё раз тронуть кого из ребят!

Мой мучитель хрипел, сплёвывая кровью, а хулиганы стояли, прижавшись к стене дома и боязливо наблюдали за ребятами.

Наконец старшеклашки оставили его и окружили меня.

– Как, сильно он тебя? – участливо спросил один, озабоченно сдвигая на затылок зелёную испанку.

– Ничего... – ответил я, трогая то место, которым я врезался в стену и поморщившись от боли. На пальцах была кровь. – А котёнок где?

– Да вот он, – сказал другой старшеклассник.

Я посмотрел и улыбнулся, забыв о боли. Котёнок сидел у меня в ногах, пищал и дрожал, поджав хвостик.

– А он чей? – растерянно спросил я, ласково взяв котёнка на руки.

– Да не чей...

– Они его во дворе поймали.

Мне помогли встать. Меня кружило и мне подставили плечо, чтоб я не упал, а котёнок мурлыкал и пищал.

– А этих к воспитателю! – зловещим голосом сказал ребятам вожатый, указывая на хулиганов, которые так и стояли под окнами.

– А чё мы? – жалобно заныли Димыч и Колян. – Мы ничего ему не сделали!

– Мы только смотрели! – оправдывался Андрюха.

– Ладно, бегите на горшок и в люлю! – презрительно бросили им ребята.

Мальчишки мигом скрутили моего обидчика и не слушая скулёж и угрозы, повели его за угол, а оставшиеся ребята перевязали мне голову.

– Спасибо... – глухо произнёс я.

– Да ладно, – небрежно отмахнулся один из мальчишек.

– А ты не побоялся, – с уважением заметил другой, заново повязав мне растрепавшийся пионерский галстук. – Этот гад вечно к ребятам пристаёт. Мы раньше его к председателю водили, а теперь ясно, что таких только бить надо.

– Мы тебя проводим до дома, – заботливо сказали мальчишки.

– А можно я возьму котёнка себе?

– Кто же спорит...

Я ласково прижал маленькое мяукающее существо к груди и улыбнулся.

5

Мама к счастью дома сейчас не было, и она не заметила, как я вделался головой о стену дома. Я сунул испуганно пищущего котёнка под куртку, полез в лужу и побежал домой. Больше никто его не обидит!

– Ой! – воскликнул Тим, увидев меня. – А где ты так треснулся?

– Играл в маялки, – соврал я, – кто-то ногу полставил, я и дрёпнулся...

– Ух ты, ты где его нашёл?! – воскликнул Тим, увидев котёнка.

– На улице, – небрежно ответил я. – Слушай, у нас сосиски ещё остались?

Мы накормили котёнка сосисками и молоком. Котёнок поел и улёгся на подоконнике, где было тепло от батареи.

– Мама не разрешит, – невесело вздохнул, жуя жвачку Тим.

– А мы ей обещаем себя хорошо вести, – сказал я, осторожно ощупывая свой ушиб, – и что пятёрки будем в школе получать!

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Вышли мы гулять поздно. Мама звонила, что задержится. Она с другими малярами красила стены в поликлинике, а ребята были давно уже на улице.

– Пацаны, давайте в догонялки?! – к нам прибежал Костик с Фантомасом.

Пёс вилял хвостом и ворчал. Физиономия у него была дурашливая и весёлая, и какая-то даже плутоватая. Мы устроили игру в маялки. Вечером во дворе было много занятий, и никто не спешил идти домой. Через час мы вернулись к нам во двор, покататься на карусельке и побегать по гаражам.

Вернулась мама и увидав нас, заворчала на счёт того, что мы шумим на все дворы и бегаем считай что раздетыми.

– Я думала, что после школы вы хоть дома посидите, – с укором сказала она, ковыряясь в клумбах под окном. – А вы и после занятий где-то пропадаете, недокричишься вас, ночевать на улице готовы!

– Ох, моего тоже не загонишь, – устало вздохнула Владькина мама. – И ходит, и ходит где-то по улице, а дома почти не бывает.

– Только попробуйте опять промочить ноги! – предупредила нас с Тимой и Даней наша мама. – Я уже боюсь вас выпускать на улицу. Как только уроки кончаются, так у всех мальчишек во дворе ноги мокрые и в грязи!

– Мой тоже будто специально по лужам ходит, – со вздохом призналась Владькина мама. – Устала с ним биться!

– Маленькие детки-маленькие бедки... – глубокомысленно заметила наша мама, вытерла взмокший лоб и выразительно посмотрела на нас с Тимой и Даней, давая понять, что нас ждёт, если мы опять намочим ноги.

Я бросил озабоченный взгляд на наш балкон. Мама ещё не знает о том маленьком сюрпризе, что спит сейчас на подоконнике...

– Мам, мы гулять! – крикнул Тим и повёл нас с Даней на косогор.

Мамы закатили глаза и стали вздыхать о том, как бы нас загнать домой.

– Никит! – свистнул Тим и на дороге возле большой лужи мы увидели Никиту Мухоморова. Его младший братишка Динька стоял в луже с ногами и толкал бумажный кораблик. В воде пузырилась и горела карбидка.

Мальчишки играли в морской бой.

– Чё делаете? – догнал нас любопытный Антон Климов.

– Топим вражескую эскадру! – увлечённо объявил Динька.

Вражеские корабли догорели и мы вшестером пошли по улице.

– Айда с нами! – предложил Лёша Чичкин. – Димку заберём и в кино!

Но в кино нас не пустили из-за грязных кроссовок.

Солнце совсем зашло за высотки. Над полосатой колончёр взошла жёлтая луна, которая отражалась в лужах и в потоке воды, по которому мы пускали кораблики и пробки. Где-то брэнчала гитара.

– Мальчики, домой! – позвала нас мама. Она и папа слезли с велосипедов и зашагали к подъезду. Я замер. Они не знали, что ждёт их дома!

– Мама, папа, вы пока домой не ходите! – сказал я родителям.

– Это ещё почему? Вы опять что-то натворили?

– Да нет. Просто у нас там сюрприз...

– Да какой же сюрприз... – насторожилась мама.

– Серёня! – позвали меня ребята.

Я обернулся и увидел, как мой кораблик закрутился в водовороте стока и я тут же забыл о том, что хотел сказать родителям, и бросился спасать кораблик.

Выдернул я кораблик из воды вовремя, а то его бы затянуло. И тут раздался мамин крик и я понял, что мама нашла сюрприз.

– Мама! – вскочили мы с Тимой и Даней и бросились домой сломя голову.

– Это и есть твой сюрприз?! – с чувством воскликнула мама. – С какой помойки ты его принёс, это пугало?

– Ну мама... – с мольбой начал я. – Никакое он не пугало!

– Смотри какой, – одобрительно усмехнулся отец. – Не пускает!

Котёнок стоял к ним боком, выгнув спинку и распушив хвост.

– Мурзик! – улыбнулся я, чувствуя, что мама оттаяла. – Знакомься, это мама и папа. Мам, пап, это наш друг!

– Я заметила, – оторопело сказала мама.

– Мам, ты ведь его не выбросишь? – мы с Тимой и Даней с надеждой посмотрели на маму. – Можно он будет у нас жить?

– Зачем выбрасывать, – вступился за нас папа. – Живите...

– Но чтоб завтра сходили с ним на прививку, – наказала нам мама.

– Ура! – обрадовались мы и обняли маму.

Мурзик перестал бояться, подошёл к нам и потёрся об мою ногу.

– Мальчишки, пошли на лазалки! – ввалились к нам ребята.

– Мам, можно? – попросили мы с Тимой и Даней маму.

– Ну что с вами сделаешь, – снисходительно вздохнула мама, – бегите уж, дети улицы!

Мы побежали вниз, на лазалки, потом устроили беготню по гаражам. А потом к нам присоединился Фантомас и играть стало веселее. Я побежал домой и стащил для него сосисок, а на улице уже стемнело и мы разошлись по домам.

– Мальчики, – встретила нас мама, и её глаза недобро сверкнули, – у нас таинственным образом пропали все сосиски!

– Ну понимаешь мам... – смущённо и растерянно промямлил Тим. – У нас ещё один друг во дворе!

– И что это за друг? – с нажимом спросила нас мама.

– Не знаю, – загадочно ответил я, саданув Тима локтём, – но сосиски люби-и-ит!

– Они пса на улице нашли! – наябедничала Лиза, которая с Владом зашла в тамбур, вслед за нами, – такое пугало, а они с ним играют!

Мама ахнула и схватилась за сердце.

– Они его даже сюда приводили! – наябедничала Лиза.

– Ябеда! – в сердцах выпалил Данька.

Мама заявила, что с неё хватит на сегодня, что мы не дети, а ужас, уличное бедствие и её наказание, и ушла пить варельянку.

Глава III

Да начнётся битва

1

Утро началось с боя подушками, который остановила лишь мама. Сонно бубнило радио, гудел холодильник, на который мы не раз лазали, от того-то он и стал гудеть, выл пылесос, который мы не раз превращали в ракету. Мама занималась нашим воспитанием. Данька боязливо поглядывал на неё. Лизавета к счастью не успела рассказать маме, что случилось вчера с ковром. А за окном бушевала весна, распускались почки, поднималась матымачеха. И снова солнце сияло над крышами, а снег таял, затопляя улицу талой водой...

– Опоздаете в школу, мальчишки! – напомнила нам мама, когда мы лениво зевая, собирали портфели. – Хоть отдохну от ваших штучек!

Я рассовал по карманам жевательные резинки, солдатиков, рогатку, броневик, сотки с битком, пугач с пистонами, бузык для игры в каплашки и другие нужные вещи. Мама это заметила.

– Ты в школу играть идёшь или учиться? – нравоучительным голосом спросила она и вытрясла из моих карманов всё, не слушая моих протестов. – Господи, что за ребёнок! Тройки, двойки и колы, все приятели мои!

О перочинном ножике, который лежал у меня в рукаве она не знала, хотя наверное и догадывалась, что он у меня есть.

Мама ушла, а я тихонько ссыпал всё обратно в карманы.

– Шпаргалки искала, – догадался Тим. – Танька ей наябедничала!

Мурзик бегал по подоконнику, пытаясь поймать солнечные блики. Чёрный кусочек ночи, который забыл спрятаться на рассвете.

– Мальчики, опаздаете в школу! – раздался из ванной мамин голос.

– Ну щас! – откликнулся Тим, а котёнок играл, сбивая игрушки и сотки от чупа-сюрпризов, фигурки акулят, динозавриков, крокодилчиков, которые не полопались, не потерялись в песочнице и в бесконечных дворовых играх.

Я потянулся и взял котёнка в руки. Мурзик мяукнул.

– Ты хороший! – засмеялся я. – Ну иди, играй.

Котёнок прыгнул на пол и погнался за солнечным зайчиком.

Ветер задувал в окно приятную музыку. Слышалось мерное гудение с водонапорной станции. Мозаика сверкала на солнце.

Мы вышли во двор на солнце.

Солнечные пятна плясали на асфальте. Асфальт был весь изрисован цветными мелками. Налетал ветерок и закачал лапы елей и сухой бурьян. В воздухе пахло весной. В тени деревьев звенели первые комары.

Не успели мы выйти гулять, как сразу затеяли драку портфелями.

– Оторвёте ручки! – вылетела следом мама и надела нам шапки.

– Ну мам! – недовольно заныли мы.

Но мама заявила, что без шапок на улице делать нечего и ушла. Мы сняли шапки и пошли в школу, пуская в ручейке бумажные кораблики.

Водяной поток уносил их вниз по улице. Из трубы бойлерной хлестала вода и та бежала через весь двор. Мы бегали из лужи в лужу, толкаясь и брызгаясь, кричали, подгоняя, каждый свой кораблик.

У трубы мы догнали свои кораблики. Мой кораблик, который я усердно раскашивал фломастерами нырнул в трубу. Я не смог его догнать.

– Всё, теперь не поймаешь... – сочувственно заметил Тим. – Фиг его знает, куда эта труба его вынесет!

Я влез в лужу и заглянул в трубу. Кораблик бесследно исчез в канализации, а мы двинулись по пустырю, чтобы срезать путь к школе.

2

На пустыре, который начинался сразу за забором по другую сторону выложенного бетонными плитами рва, мы бывали не раз. На другой его стороне солнце играло оранжевыми отблесками на плитке и окнах девятиэтажки. Ров был неглубокий, но в нём всегда стояла зелёная, воняющая болотом вода и чтобы перейти на ту сторону, нужно слезть по гаражу к трубам. И уже по ним перейти на колодезный люк, под которым журчала вода.

В школе ко мне привязался какой-то старшеклассник. Я бежал в класс на ботанику, как мне сделали подножку. Я упал и больно ударился коленками.

– Ты чего толкаешься? – обиженно вскрикнул я.

– Глаза разуй, микроб мелкий! – презрительно фыркнул мальчишка и снова толкнул меня. Я перехватил его руку и сделал подножку.

Хулиган оказался на полу под хохот ребят, которые бегали на перемене.

– Я из тебя котлету сделаю! – агрессивно выкрикнул хулиган, бросаясь на меня.

– Ну ты, индеец невоспитанный! – крикнул я и перекинул его через себя, вывернул ему руку и придавил его голову коленкой.

– Ну теперь тебе точно каюк! – встал на ноги хулиган. И ещё три раза шлёпался на пол, под хохот ребят.

Хулиган пытался подставить ногу мне, но я ловко отскакивал.

– Что здесь творится? – подошла к нам вожатая Катя, которая занималась с нами зоологией и ботаникой. – Вьюжанин, опять безобразничаешь?!

– Этот вот мелкий дерётся! – обиженно крикнул хулиган. – Я его даже пальцем не тронул, а он драться!

– Ох и врешь! – зашумели ребята. – Катя, он первый полез!

– А Серёня только приёмом его повалил! – заступился за меня маленький Симка. – Это не драка!

Катя увела старшеклассника, а я побежал играть в догонялки.

А на уроке набрал в рот чернил. Но случайно конечно, я этого не хотел, просто моя ручка не писала и я захотел её реанимировать известным и первокласнику способом. Смеялись все ребята, а я плевал чернилами.

Весь рот у меня был синим...

– Ксюха, у тебя есть вкладыши с барби? – зашептались девчонки.

– Не, – вздохнула Ксюха, – у меня таких нет.

– А ты у Вютки спроси! – посоветовала девчонкам Светка Крапива. – У него всякие есть! Он и мне давал. Только я их потеряла...

– Эх ты, шляпа!

– Вютка! – догнали меня девчоки. – У тебя есть вкладыши с барби?

– Какая ещё Вютка? – обиделся я.

– Ну тебя так все девчонки называют, – застенчиво потупилась Ксюха.

– Сама ты Вютка!

– Ну тебя так называют...

Я застонал, зная, что теперь меня все будут так дразнить.

– Ну у тебя есть вкладыши с барби? – с надеждой спросила Ксюха.

– Да ну, девчачьи! – презрительно фыркнул я. – Я Сашке Панкиной на бумер сменял.

– А у тебя рот синий! – засмеялась Светка Крапива.

– Вютка! – дразнились девчонки. – Вютка!

Уроки кончились и мы выбежали на улицу, чуть не сбив с ног завуча и снова стали пускать кораблики и так дошли до самой плотины.

– Пошли пацаны в киношку! – предложил Павлик Найдёнов, наш дворовый заводила.

– Айда с нами! – взял меня за плечи Влал.

– Не, – вздохнул я. – Вы, пацаны идите, а я погуляю...

Во дворе орали мальчишки. Аднрюха Квакин катался на велике, а ребята бежали за ним, не замечая ни грязи, ни луж.

– Квакин, дай прокатиться! – просил бежавший за Андрюхой Костик.

– Фиг! – откликнулся вредный Андрюха.

– Да блин! – кричал с досадой Максим Девяткин. – Жадина! Дай прокатиться!

– Дай! – шумели возмущённые ребята. – Дай велик, он общий, на весь двор!

Я хитро улыбнулся, вынул из кармана куртки пластилиновую бомбочку из хлопушки, кинул её на асфальт и когда Андрюха проехал мимо, обрызгав мои ноги, шарахнул по хлопушке камнем.

– Мама! – в испуге вскрикнул Андрюха и упал с велика, прямо лицом в лужу.

– Ес! – обрадованно воскликнул Костя. – Молодец Вьюжа! – поблагодарил меня друг и повернулся к хнычущему Андрюхе. – Так тебе и надо, жила!

Костя влез на велик и поехал.

– Чур я потом катаюсь! – ревниво крикнул Максим Девяткин.

– А чё это ты?! – возмутились остальные ребята.

И тут я ахнул! Потерянный кораблик плавал в глубокой луже, а из трубы хлестала в отстойник вода, крутился мусор и поток уносил его на пустырь.

Я пустил кораблик в поток воды и побежал за ним.

Между бетонными плитами рос радиоактивный мох. На плотине на покосившейся ржавой сетке забора кто-то давно повесил противопогаз. Столбик с треугольником знака радиационной угрозы торчал из воды.

– Серёня! – меня догнали ребята.

– Нашёл? – обрадовался за меня Тим.

– Угу! – довольно сказал я. Кораблик сильно намок, но я был доволен, что сумел его спасти. – Побежали за ним!

Мы побежали за корабликом и остановились на самой дальней плотине возле водозабора. С одной стороны зелёная вода со световой дорожкой от солнца лизала бетонные плиты, с другой вытекал ручей в овраг.

Владик разулся и влез по колено в ржавую жижу.

– Чё ты там нашёл? – фыркнула Светка Загremухина.

– А чё, всё равно кроссовки мокрые! – жизнерадостно ответил Влад.

Влад неисправим. Девчонки об этом щебечут постоянно. Владику непременно нужно зайти в лужу, проверяя водонепроницаемость своих новых кроссовок. Влад обязательно измажется в грязи, или больше других детей промокнет в снегу зимой. А уж Владькины пальцы и ладони вечно искалечены чернилами, особенно после диктанта.

– Владь, вылезай! – я протянул Владу руку и вытянул из канала.

Во дворы мы вернулись через час и помчались гонять на великах.

– Держись, сейчас с горки полетим! – весело крикнул я Митьке.

Митька держался за меня, выставив вперёд ноги, так, что они касались моих и визжал от восторга. На всём ходу мы влетели в дебри сухой крапивы...

3

Я ушёл домой, сочиняя, что скажу маме, когда та вернётся. Я порвал джинсы, покарябал ногу, испачкал куртку и потерял шапку. Но к счастью мама куда-то ушла и я избежал очередной головомойки. Я попил воды, сунул танчик и двух чубриков в карманы и одел уже здорово измочаленную за прошлое лето пионерскую форму, и такие же кроссовки. Накинул куртку, и съехал по перилам вниз. Солнце просвечивало сквозь жёлтые облака. Оно заливало двор таинственными оранжевыми лучами, как бывало после дождя.

– Картошка-тошка-тошка! – напевал я, выбегая во двор.

– Серёня! – свистнули мне ребята. – Айда с нами.

– Сыграем в вышибалы? – предложил Тим.

– У нас мяч сдулся, – урезонил его Даня.

– Блин, – погрузнел Тим, и мы пошли по улице.

Впереди белели высотки, горели на солнце окна. Я нашёл наконец шапку и нахлобучил её на уши.

– Пацаны! – к нам шёл Влад, – айда в бассейн купаться! Катька нам хоть до вечера разрешила плавать!

– Ну чё, айда в бассейн? – сонно зевнув и потянувшись во всю свою длину, спросил я Тиму, который полез в песочницу за чубриком.

– А чё, пошли купаться! – улыбнулся Тима и прихлопнул комара.

– Ага! – улыбнулся я.

Мы купались в бассейне, и устроили салочки. Я довольно быстро догнал Влада, но он нырнул и случайно треснул мне ногой по носу. А удар у него был сильный, хоть и не со зла. У меня закапала кровь.

А потом мы сидели в пионерской комнате нашего отряда.

– Серёня, – затормошил меня за коленку Влад, который играл в тетрис и отмахивался от весенних комаров, залетевших в форточку. Я смотрел на облака.

– А-а? – очнулся от витания в облаках я и повернулся к другу.

– Ты не сердишься на меня, за то, что я тебе ногой двинул? – спросил меня мальчик, рассматривая мой нос.

– Не, я не сержусь, – замотал головой я и потёр нос. Я сидел, запрокинув голову на Владыкину коленку, чтобы унять кровь. – Ты же не нарочно.

– Больно? – участливо спросил Влад.

– Ни чуточки, – соврал я.

– Врёшь, – неверяще сощурился Влад. – Тебе точно больно.

Я посмотрел на друга. Владик мне не верил и беспокоился.

– Да мне честно не больно, – поспешил я успокоить лучшего друга.

– Я по-правде не хотел... – с беспокойством заметил Влад.

– Но я же не заплакал! – весело хмыкнул я.

Влад нахмурился, отложил тетрис и зашевелил пальцами на ногах. А через час, после игры в чикку мы побежали на детский сеанс, но пришли рано и стали играть в панки. Пора было идти делать домашку, но тащиться домой не хотелось. Мы сидели на бетонных плитах и ждали детского сеанса в клубе. Но играть в панки было сегодня не интересно, я послушался вокруг бойлерной.

– Защищайся! – с вызовом сказал я Тимке, схватив с земли палку.

Тимка тоже схватил палку. Минуты две мы сражались и сражение кончилось, пока я не отбил брату палец. Мы чуть не подрались.

– А давай в "Горца" играть? – подал идею неугомонный выдумщик Гурька.

– А чё за горец? – сощурился Тим.

– Вы чё, "Горца" никогда не смотрели? – с усмешкой спросил Гурька, и перепрыгнул лужу. – Во даёте!

– Ну смотрели, – уклончиво сказал я. – Это про бессмертных чтоль?

– Ну да, бессмертные, – быстро кивнул Гурька. – Короче сделаем мечи и будем сражаться. И кто останется в живых-тот победил!

Минут десять мы делали мечи из реек, на которые мы разобрали несколько старых оконных рам, а потом начался спор, кто будет Дунканом Макклаудом. Мы выясняли это с помощью считалочек, чуть не подрались и решили, что Дунканом Макклаудом будет последний выживший.

А потом началась весёлая беготня и сражение по улице, под окнами и по крышам гаражей, от которого разлетались в испуге воробьи. И в конце концов остались мы одни с Гурькой. Оба мы были в синяках, зато победили всех ребят.

Началась последняя битва между бессмертными.

– Да начнётся битва! – воинственно возвестил Гурька. – Нас двое бессмертных, но в живых останется только один!

– Вы что там разорались? – высунулась в окно тётка с чашкой чая в руке.

– Мы играем! – крикнул Тим, облизывая ушибленный в бою палец.

Тётка что-то проворчала про опасные и шумные игры и закрыла окно.

– Я Гурька Симаков из клана Симаковых, – значительно сказал Гурька, поднимая меч, с которого слетела белая краска, – вызываю тебя на смертельную битву, в которой останется только один бессмертный!

– А я Серёня Вьюжанин, из клана Вьюжаниных, – с чувством произнёс я, замахиваясь своим мечём. – Я принимаю твой вызов! Я отрублю твою голову и вся твоя сила перейдёт ко мне-е-е!!

И началась такая драка, что через минуту мой меч переломился, а Гурька вделал мне своим по лбу. Так, что я и вправду увидел молнии, которые появлялись, когда горец забирает силу у поверженного врага.

– Я выиграл! – победно расхохотался Гурька. – Я последний бессмертный! Я Дункан Макклауд!!

– Не честно! – всхлипнул я, ощупывая шишку на лбу. – Мой меч сломался! Я так не играю!

– Всё честно! Я теперь бессмертный!

– Ща я тебе башку твою бессмертную оторву! – крикнул я, и прежде, чем ребята что-то смогли сделать, мы подрались.

– Тихо ты! – раздался голос Вити Лагунова. – Двое дерутся, третий-не мешай.

Лёша засопел и отошёл назад. А мы с Гурькой упали в сухой бурьян и продолжили сражение бессмертных среди репейников и сухой крапивы, отчаянно лупя друг друга уже кулаками.

– Я бессмертный! Я! – кричал я, обхватив Гурьку ногами.

– У-у-у! – мычал Гурька, пытаюсь разжать захват моих ног.

Наконец он вырвался и побежал, спотыкаясь и подвывая. Я бросился за ним, но тут выбежала из подъезда тётка. Уже без кружки чая.

– Ну-ка прекратили безобразничать! – накинулась она на нас.

Мы дали дёру. Гурька побежал к себе.

– Ну вы даёте! – неодобрительно покачал головой Сашка Жариков. – А ещё друзья!

Я поглядел на себя в лужу. Разбита губа, кровь из носа, шишка во весь лоб, репейник на куртке, джинсах и в волосах. Наверное именно так выглядят бессмертные горцы, победив в смертельной битве...

– Пацаны, айда газировку попьём! – позвал ребят Костик Раскатов.

Ребята побежали на косогор, а я ушёл домой, потирая шишку на лбу. На сегодня играть в "Горца" мне расхотелось. Крики ребят затихли вдали. Впереди показались залитые солнцем балконы моей трёхэтажки.

Сейчас меня увидит мама...

Я остановился на дороге, оглянулся назад. Гурька тоже наверное дома, и уже гулять наверное не выйдет.

Рассерженно пнув банку, я остановился. Впереди, в большой луже играли два мальчика, пускали кораблики. По асфальту бежал ручеек талой воды. Я забыл про то, что надо бежать домой и опустил на воду свой кораблик.

– Серёнька, пошли играть! – это догнали меня ребята.

Я побежал к ним, а кораблик так и остался плавать в луже...

4

А вечером мама гонялась за мной по квартире с веником. Она застучала меня за тем, как я замазывал в дневнике двойку. Я то вскакивал на диван, то прыгал на подоконник, то спасался от неё на шкафу и под столом.

– Вот я тебе задам веником! – грозно покрикивала на меня мама.

– Я больше не буду мама! – кричал я, высовываясь из-под стола и тут же получил веником по макушке. – А что я сделал?

– Ещё раз такое сделаешь, я тебя мультиков лишу! – крикнула мама и опять накинута на меня с веником. – Вместо того, чтобы исправлять свои тройки, двойки и колы, он портит дневник!

Я сидел под столом, ожидая, когда из мамы выйдет пар.

– Можно я пойду с ребятами погуляю? – робко спросил я маму.

– Сиди и не высовывайся, – отозвалась сердитая мама, – не то веником схлопочешь!

– Ну мам, сейчас же все ребята гуляют!

– А я ещё не успокоилась! Наказание ты моё!

Но стоило маме зазеваться, как я выскользнул из-под стола и прошмыгнув в тамбур, застегнул кроссовки и в миг оказался на улице.

– Серёня, сейчас же домой, ты наказан! – запоздало крикнула мне вслед мама.

– Я в отряд, к ребятам! – откликнулся я и заспешил вниз. – Мне пора заниматься!

– Тане ты там будешь действовать на нервы, а не заниматься! – раздражённо крикнула мама, но я уже её не слушал и бежал к ребятам.

Мы снова собрались у большой лужи и пускали кораблики. Их подхватывал поток и уносил вниз по улице. Сверкала на солнце вода. А потом я убежал в школу, посмотреть, как занимаются мои малыши.

Малыши в который раз довели вожатых, которые были в основном девочками и те восприняли моё появление, как своё спасение.

– Серёнечка, миленький, спаси! – накинута на меня. – Они совсем не слушаются! Бегают, не хотят есть, а класс географии превратили в поле боя!

Минут через десять я успокоил малышей, дав им задание построить ракету для полётов в космос. А сам побежал к игравшим на дороге ребятам. Мы поклонялись по двору и вскоре нашли себе интересное занятие. Мы сидели на заднем дворе у леса и всюду делали самострелы и поджиги.

А солнце скрылось за высотками. Мы уселись на заборе, за которым жильцы сажали цветы, делая из старых, раскрашенных покрышек клумбы, и спорили, где испытать самострелы и как нам влетит, если взрослые узнают. Я ещё помнил, как четыре дня назад мне попало за поджиг, но всё же прицелился и разбил стеклянную бутылку. Бабахнуло так, что казалось дома закачались.

– Что ж вы делаете, шпана малолетняя! Беспризорники! – из подъезда выскочил какой-то небритый дядька. – Уши оборву и к макушке приставлю!

Мы с хохотом бросились бежать, а остановились возле бойлерной.

– А вообще это всё фигня, – небрежно заявил Максим. – Ещё от взрослых попадёт, и тогда никаких мультиков... Лучше сделать луки.

– Луки небось всякий умеет делать, – резонно возразил я.

– Ага, видел я ваши луки! – презрительно усмехнулся Максим. – А вот чтоб стрелял отсюда до гаражей не каждый может!

– А как такой сделать?! – заинтересовались мы с мальчишками.

– Ну-у-у... – задумчиво протянул Максим, глядя на антенны на крышах домов, – короче берёшь длинную, гибкую такую железку, тетиву из толстой капроновой лески, а стрелы из камыша. Или из старой пластмассовой удочки. А наконечник из гвоздя. Звезданёт такая, и всё...

– А ты стрелял?

– Ещё бы! Сеструха только отняла...

– Все старшие сёстры одинаковы... – сочувственно вздохнул Владик и заболтал ногами.

Я оглянулся по сторонам.

– А новый сможем сделать? – оживился я.

– Сложно, – задумчиво помотал головой Максим, – я сам хочу. А главное мы сможем и вправду задать хулиганам. Петарду к стреле привяжи... а ещё лучше ракету! Такое будет, что все улицы взвоят!

А потом мы снова пускали кораблики в потоке талой воды. С какого-то балкона долетала музыка, а вверх над крышами поднялся воздушный змей.

Я побежал домой попить и показаться маме.

– Мяу! – к моим ногам подлетел котёнок.

– Мурзик! – обрадовался я, взяв котёнка на руки и ласково чмокнув его в макушку. – Ну, как ты без нас? Не скучал?

– Серёня, айда во двор! – свистнули мне с улицы ребята.

Мурзик запрыгнул на подоконник и стал внимательно смотреть на воробьёв, а я помчался на улицу, играть с ребятами, пока не загнали спать.

Свет вечера померк. Я взглянул на небо. Солнце спряталось за облако, его края засветились. А по синему небу бежали серые дождевые тучи. Мы спустились по бетонной лестнице на другую улицу. Позади стояла кирпичная, поросшая мхом стена, и дом на холме, утонувший в сухом бурьяне. Хмурились тучи, в прорехи в них синело небо и светило солнце.

– Мальчишки! – нам навстречу выбежала Алёна.

– Привет пацаны! – дружелюбно помахал нам её младший брат Лёня. – Не видели, пылесос не пробегал?

– Какой ещё пылесос? – удивился я, хотя знал, что если пылесос Лёнькин и его сестры, то ничего удивительного, что он научился бегать и вытворять всякие штуки, от которых взрослые хватаются за голову.

Они такое иногда делали... Взять хотя бы шаловливого роботёнка Меркурия и вечного забияку индикатора Жорика, которые жили у нас в отряде и распевали разные хулиганские песенки.

– Мы короче оживили пылесос, – увлечённо начал Лёнчик. – Ну разобрали, напихали в него электронных блоков...

– Хотели, чтоб он сам пылесосил, – поделилась с нами Алёна. – Но тут мама пришла, а он на неё как наскочит! Мама нас выгнала на улицу с этой штукой. А он погнался за вороной, хотел засосать её в трубу и куда-то исчез.

– Мы его по всем дворам ищем, – утомлённо закончил за сестрой Лёня и быстро окинул взглядом весь двор. – Не видали?

– У-у! – сдерживая смех, ответил я.

– Побежали искать, – махнул рукой Тим. – А то вдруг он кого-то засосёт?

Мы отправились на поиски, и все взрослые, у которых мы спрашивали о сбежавшем пылесосе либо смеялись, какие мы выдумщики, либо брюзжали о том, что мы занимаемся глупостями и играем у людей на нервах.

Только ребята нам верили и тоже искали сбежавший пылесос

На соседней улице орала кошка и слышался гул. Мы побежали туда и увидели катающийся вокруг столба, перемигивающийся лампочками и индикаторами пылесос, который тянул трубу к сидевшей на столбе кошке.

– Тошка! – обрадованно крикнул Лёня пылесосу. – Тошка, фу, нельзя!

Мы чуть не покатались со смеху.

– Ловите его! – взвинченно взвизгнула Алёна.

Насилу мы утихомирили пылесос! Я слезал на столб и снял бедную перепуганную кошку, которая тут же шмыгнула по трубе на балкон.

– А с ним что делать? – озадаченно спросил Даня, глядя на пылесос.

– А давай его в отряд! – предложил я. – Будет нам помогать убираться.

Мы затащили упирающийся пылесос в отряд, сказали дежурным, смотреть за ним, чтоб не хулиганил и не обижал других роботов.

– Ух ты, а он умеет играть в маялки? – воскликнул Славка, сбросив с себя байковое одеяло, в которое его закутали вожатые, потому, что он упал в лужу.

– Ещё бы! – с достоинством заявил Лёня. – Щас так от нас удирал!

И на весь вечер мы как-то забыли о тревогах. Но когда в темноте родители загнали нас домой, я вспомнил о драке и загрустил.

Гурька наверное ещё на меня злится и мы с ним так и не помирились...

Я вернулся домой только, когда солнце зашло за лес. Я лёг спать, измученный, и сквозь сон слышал мерный гул с водонапорки.

Глава IV

Отданный улице

1

В пионерской комнате нашего детского клуба я был один. Я влез на подоконник, заболтал ногами и посмотрел на улицу, где играли ребята. Они играли в галю, прыгали на гаражах, носились по сухой бетонке и вокруг подстанции. В углу лежал мой расхлябанный портфель. Из школы я сразу убежал в отряд. Лиза, наша вожатая надеялась, что хоть на вахте я не буду безобразничать. Форточка была открыта, в неё задувал ветер...

"О тебе здесь до слёз, помнит мой лохматый пёс, – гремел на улице у кого-то из ребят магнитофон, – помню я, помнит тихий плёс!"

На лестнице раздались шаги и ребячьи голоса. Я слез с подоконника, поправил красную повязку на рукаве отрядной рубашки и направился к двери.

– Вьюжанин! – в дверь влетел Лёнчик и ещё пятеро мальчишек из кружка электроники. Все в чёрных отрядных рубашках, в шортах, в беретах и с пионерскими галстуками. – Как, Тошка ничего не натворил?

– Не, но он очень старался, – хмыкнув, ответил я, бросив красноречивый взгляд под шкаф, куда забился пылесос, когда я убирался. – Осторожней, я полы мыл, – остановил я ребят. – Если надолго, то разувайтесь.

– Пацаны, а давай его сюда притащим? – таинственно спросил у ребят девятилетний Симка Орехов, который занимался в клубе уже второй год.

– Что хоть делать хотите? – заинтригованно спросил я.

– Робота, – возбуждённо сказал мой старый друг Тилька Чуваткин. – А у тебя вахта не окончилась?

– Нет, ещё полчаса осталось, – огорчённо вздохнул я.

Если честно, я терпеть не мог дежурить, когда за окном светило солнце, голубело небо и ветер гулял по крышам. Самое время запускать змея, а приходится сидеть в душной пионерской комнате, делать заметки в пионерской газете о жизни отряда, и смотреть за теми, кто приходит на занятия...

Я невыносимо скучал, когда меня заставляли дежурить. Мне нравилось в такие дни гулять по крышам, бегать и лазать по гаражам, гремя железными листами и просто гонять мяч во дворе.

"Ты безответственно себя ведёшь! – поучала меня всякий раз Катя. – Пионер, а по гаражам лазаешь. На тебя люди уже жалуются!"

Ну и пусть жалуются! Им какое дело до того, кто лазает по гаражам! И какое им дело до ребят, которым не сидится на месте...

– А можно мы тут немного посидим? – хитро спросил Лёня.

– Можно, а? – сунулся беспокойный, вертлявый Симка.

– Сидите, – вздохнул я и даже обрадовался. – Только тихо. Танька в любой миг прибежит.

Мальчики побежали через физкультурный зал в комнату, где располагался кружок электроники. Вскоре оттуда раздались крики и визг.

"Снова кто-то из них контакты замкнул, – весело подумал я. – Растяпы!"

А весёлая компания мальчишек выбежала из комнаты. Лёнчик заглянул под шкаф, отнял у пылесоса свои ботинки, которые тот успел засосать, пока я делал заметки в пионерской газете и мальчишки выбежали на улицу...

Я заглянул в комнату кружка электроники. У стен стояли, перемигиваясь лампочками роботы, которых делали ребята из старших отрядов. На полках шкафов стояли приборы, ком-

пьютеры, на большом столе гудела маленькая электростанция с высоковольтками и домами. Жорик дремал на подоконнике...

"Кажется ничего не разбили... – с облегчением подумал я. – Эти могут!"

Я улыбнулся и вернулся в пионерскую комнату.

– Вьюжанин! – в клуб вошёл вожатый Илья Громов, ведя за собой Рудьку, которого мы приняли в отряд ещё тем летом. – Как вахта?

– Нормально, – зевнув, ответил я. – Лёнчик приходил с ребятами.

– Они ничего не натворили? – в тревоге нахмурился Илья. Как и я, Илья слишком хорошо знал Лёнчика и его ватагу.

– Нет, – успокоил я вожатого. – Они как-то быстро умчались...

– Ещё одного робота делают?

– Ага.

– Слушай, – спохватившись, сказал Илья, – слезай с подоконника и пошли с ребятами на пустырь. Школе нужен металлолом.

– Как? – удивился я. – Сейчас? Не могу... Я на дежурстве!

– Я тебе сменщика привёл, – деловито объяснил Илья. – Рудька подежурит, а ты бегом за мной, нас уже ребята ждут!

– Справишься? – недоверчиво поглядел я на Рудьку.

– Он справится, – поспешно ответил за Рудьку Илья. – Я ему по дороге всё объяснил. В конце концов он привыкнет. Сдавай вахту, времени мало.

– Капитан второй группы Серёня Вьюжанин вахту сдал!

– Матрос третьей группы Рудька Никитин вахту принял!

Мы отсалютовали друг другу.

– Не скучай, скоро наши придут, заниматься, – ободрил я Рудьку, снимая с рукава красную повязку и повязывая ему.

– А я и не скучаю! – с непоколебимой уверенностью мотнул головой Рудька.

– Сейчас, – попросил я Илью. – Я ему кое-что дам.

Я подошёл к шкафу и вытащил духовую винтовку, которую принёс в отряд Сашка Жариков, ещё позапрошлой зимой. Её часто давали ребятам, которые первый раз дежурили,

чтобы поднять их дух и дать понять, что это всё всерьёз. Мы брали её в походы, но чаще всего она лежала в отряде.

– Вот, – протянул я винтовку Рудьке. – Вот так заряжать, вот такие пульки... Да, железные! Теперь ты часовой. Отвечаешь за клуб.

Рудькины глаза загорелись восторгом, а я вспомнил, как мне самому давали пульковый автомат в мою первую вахту, когда я был ещё ноябрёнком.

– Есть! – отсалютовал Рудька.

– Ладно, пошли в школу! – нетерпеливо взял меня за плечо Илья.

Мы вышли на улицу, где нас ждал большой велик, лежащий на плите.

– А где твои новые кеды? – вдруг спросил меня Илья.

– Мама отняла, – пожал я плечами и сердито засопел.

– Это ещё почему?

– Ну-у-у...

Кеды были так изрисованы, что мама не позволила мне их надеть и сказала, чтоб я побегал в старых кроссовках, а она пока их отмое.

– Опять изрисовал? – догадался Илья.

– Угу, – сказал я, понимая, что отпираться бессмысленно.

Я засмеялся и побежал за вожатым, влетел в лужу. Мои ноги тут же вымокли, потому, что в кроссовках были дырки.

– Как маленький ребёнок! – укоризненно бросил Илья, посмотрев, как я вылезаю из лужи. – Дать соску?

– А ты сам тоже ещё дитё! – довольно хмыкнул я, чувствуя, как мои старые кросовки пропитались влагой.

А магнитофон больших ребят гремел на всю улицу:

"Пройду один, мимо сельсовета..."

Услышу плеск уток на воде.

Ещё звенит где-то это лето,

Да вся беда, я не знаю где..."

Илька влез на велик, я сел на заднюю сидушку и мы помчались по улице. Ветер затрепал мои волосы, обдувал мне руки и ноги. Велик бросало то вправо, то влево и я держался за Ильку, чтоб не упасть.

Ребята уже разошлись по пыстырю.

– Тань, вот он, Вьюжанин, – деловито сказал Илья, тормозя возле Таньки.

– Очень хорошо, идите собирать.

– Есть!

Но сегодня мы занимались уборкой недолго.

Была пятница, последний день занятий перед весенними каникулами, родители приходили поздно и я был на весь день отдан улице...

3

Небо над головой было синее-синее, а в вышине плыли жёлтые облачные груды, подсвеченные солнцем. Во дворе на столбе играло радио, орали ребята, о чём-то разговаривали бабки у подъезда, тренькали велосипедные звонки.

Был солнечный день, тополя и клёны качали голыми ветвями, набухали почки, начала зеленеть трава на лужайках, чирикали воробьи. Снег уже сошёл, но было грязно, а по утрам подмораживало.

Жвачки не было и я жевал кусок битума, который содрал с крыши подстанции, потом я побежал с мальчишками играть в маялки и мы бегали вокруг чьего-то аэромобиля. Из окна высунулся дядька и начал на нас орать.

А мы всё бегали. Стремясь уйти от коли, я вскочил на аэромобиль и спрыгнул уже в луже. Дядька завизжал и тут раздался звон. Кто-то из мальчишек высадил камнем из рогатки стекло.

– Сматываемся! – испуганно закричали разгорячённые беготнёй ребята. Максим схватил меня за руку и мы пустились во весь дух в соседний двор.

А во дворе все запускали кораблики. Было сыро, текла вода, хотя снег давно растаял, и по ручейкам бежали пробки, бумажные и пенопластовые кораблики. Кораблики были самые разные и почти все самодельные.

– Дяденька, дайте попить! – зашумели мы с ребятами, когда на балкон первого этажа вышел какой-то дядька. – Дядя, можно мы попьём?

Выпив по две кружки воды, мы бросились во двор гонять мяч.

– Серёня, домой! – позвала меня из окна мама.

"И как она меня отличает от братишек? – невольно задумался я. – Нас почти все учителя и ребята путают!"

И я нехотя поплёлся в свой подъезд.

На черепахе двое больших пацанов играли на гитаре и пели.

– Любимый мой дворик, ты очень мне дорог, – пели они, – я по тебе буду скуча-а-ать!

Я остановился и стал слушать, забыв, что мне надо идти домой. Мне очень понравилась песня, хоть парни были похожи на панков.

– Серёня, долго ты будешь играть у меня на нервах? – раздражённо проговорила мама, высовываясь из окна.

– Да иду я, мам! – раздражённо ответил я и направился в подъезд.

Проглотив обед, я залез на балкон. Через минуту вбежали Тим и Даня и мы начали игру в индейцев по всей квартире. Мы размалевали себе лица акварельными красками и скакали на диване.

– Мальчики, вы что творите?! – вбежала к нам напуганная шумом мама.

– Мы в индейцев играем! – отозвались мы с Тимой и Даней.

– Вы зачем размалевали себе лица?

– Это боевая индейская раскраска! – нашёлся Тим.

– И кто из вас Чингачгук Большой Змей? – с иронией осведомилась мама.

– Я, – гордо ударил себя в грудь я. – Я вождь краснокожих!

– Мы по очереди Чингачгуком играем, – пояснил маме Даня.

– Я понимаю, – выдавила из себя мама, – только можно играть потише? А то бледнолицие соседи выйдут на тропу войны.

И мы стали играть потише, потом мама сунула нас в ванную, чтобы отмыть от краски. Братья убежали на улицу, играть в каплашки. Я снова влез на балкон и стал сооружать ледокол. Вчера я натаскал с улицы пенопласта и принялся за дело. И наконец кораблик был готов. Я посадил на него двух пластмассовых индейцев, выбежал во двор и опустил кораблик на воду. Вода сразу понесла лёгкое судно вниз, к гаражам.

Я бежал по лужам за своим корабликом.

– Вьюжанин! – раздался визг справа от меня.

Я оглянулся и чуть не помер со смеху. Несясь по лужам, я обрызгал Дашку, и её вредное лицо, очки и волосы были в грязи.

– Так тебе и надо! – засмеялся я и принялся дразнить вожатую.

– Вернись, хулиган! – истошно закричала на весь двор Дашка.

– Сейчас мы его вернём, – зловеще сказал стоявший рядом Юрка Звонов и повернулся к Тяпе Михееву и Гришке. – Ребята, взять его!

Я припустил быстрее. Началась погоня. Старшеклашки заходили на меня с двух сторон, но я ловко уворачивался от их рук.

– Влип, маля-а-авка? – протянул Тяпа, растопылив руки. Я увернулся, прыгнул на столб, обхватил его руками, повернулся вокруг него и проехался носком кроссовка по лицу кинувшемуся меня ловить верзиле.

Брызнула кровь из разбитого носа. Тяпа упал в репейник и захныкал.

– Ах ты маленький вонючка! – в ярости вскрикнул Гришка, схватил меня за ногу и я слетел вниз, больно ударившись локтём.

Юрка всё так же стоял возле вожатой и наблюдал. Гоняться за мной ему наверное не позволял значок пионерской дружины.

"Ссыкло! – со злостью подумал я. – Сам драться боишься, глиста унитазная!"

– Ну ты, фумля! – зло выкрикнул Гришка, когла я лягнулся, и кинулся меня бить, но я сделал сальто, вделал ему подошвой кроссовки в подбородок, обхватил ногами шею и уже сидел на нём верхом, прижав локти коленками.

– Ну ты, дятел Вуди! – член совета дружины наконец вмешался и дал мне по шее.

И тут я сделал всё то, за что на меня так жаловалась вожатая Дашка. Я повалил его подножкой в лужу. Звонов встал, вытряхивая из волос репьи и подвывая, вынул из лужи шапку.

– Смотри что ты наделал, псих! – совсем непритворно ревел он.

– Иди, ябедничай! – презрительно бросил я врагу, потирая глаз.

Юрик пятился, потом кинул в меня камнем. Я бросился стукнуть его и мы снова сцепились. За этим нас и застала Таня.

– Вот он опять дерётся! – визжала Даша, обрадованно показывая на меня.

– А чё... они первые полезли! – горячо воскликнул я, обернувшись к Тяпе и Гришке, но те уже удрали, только их разрисованные кеды мелькнули за углом.

Таня ничего говорить не стала, а повела нас с Юриком к школе. Выведя нас из медпункта, где нам быстро вылечили синяки, ссадины и царапины, она устроила нам выволочку в пионерской комнате.

– Честное слово, я от вас этого не ожидала! – сказала Танька разочарованно вздыхая. – Два мальчика, два звеньевых, активисты пионерского движения, а устроили драку, как уличные хулиганы...

Юрик бросил на меня скучающий взгляд.

– Ох, что мне с вами делать? – продолжала сокрушаться Таня. – Тебя Выужанин я уже устала наказывать. Это не первая твоя выходка. А вот что делать с тобой, Звонов?

Танька раздражённо заходила по пионерской комнате.

– Ты же ни разу не стукнул никого! – она повернулась в Юрке. – Девочек не дёргал за косички, не грубил взрослым. Ни одной петарды в туалете не взорвал! Не разрисовывал парты...

"Знаем мы, как ты никого не стучал! – яростно подумал я. – В школе активист, в совете дружины, а на улице с хулиганами дружишь!"

Юрка виновато вздохнул, напустив на себя вид раскаявшегося ученика.

– В понедельник на сбор, а вы так себя ведёте! – выдохнула Танька.

– Извините, – понуро опустил голову Звонов, – я больше так не буду.

– А ты, Выужанин? – требовательно повернулась ко мне Танька.

Я провёл по полу носком кроссовка.

– Ну?

– Что ну?

– Извиняться будешь?

– Вот ещё! – презрительно сказал я.

– Больно надо! – заносчиво сказал Юра Звонов и бросил на Таньку заискивающий взгляд. – Раз уж ему не совестно... Мы на совете дружины в понедельник разберём его поведение.

Я едва не вспыхнул от такого лицемерия. Больше всего мне хотелось сейчас стукнуть его по шее, но при Тане было страшно.

"Строит из себя! – клокотало у меня внутри. – А во дворе дружок своих на меня напустил! Меня сейчас убирать заставят, а его отпустят гулять!"

А на улице этот член совета дружины снова соберёт своих дружков и будет караулить где-нибудь во дворе или в подъезде...

– Идите гуляйте, бедствия вы мои, – устало вздохнув, велела нам Таня.

Она отпустила нас и мы вышли на улицу.

– Увидимся на совете дружины! – презрительно хмыкнув, сказал мне Юра Звонов.

Я показал ему язык и зашагал вниз.

Боюсь я его совета! Из пионеров всё равно не исключат. А то, что у меня будет двойка по поведению меня не пугало. Подумаешь! У половины школы плохое поведение, но ведь они же не выделяются!

В школе почти никого не было, разве что на кружках. Сейчас ведь каникулы. Даже почётный пионерский караул у горниста уже сняли.

На стене висела доска почёта с фотографиями лучших учеников:

"Ими гордится вся школа"

И фотография Юрки Звонова на фоне красного знамени.

"Сколько хороших ребят во дворе, – с досадой подумал я, – а на доске почёта этот трус и ябеда! Подумаешь отличник и активист! Видали бы они, что этот активист на улице делает, когда вас рядом нет..."

Мне показалось, что Юрик и с фотографии улыбается заносчиво и нагло.

– У-у-у! – показал я ему язык и хотел пройти мимо, но...

Я вынул из кармана химический карандаш, пососал его и в отместку нарисовал ему усы, рога, синяки под глазами и капающие слёзы.

– У-у-у! – снова показал я врагу язык. – Вот тебе, чучело!

Я спрятал карандаш и направился к выходу. Были ещё дела в этот вечер.

4

Я взял в подъезде велосипед и помчался в дальние дворы. Фантомас с весёлым лаем побежал за мной, пытаясь ухватить за кеду. Я засмеялся и началась игра в догонялки. Пёс бежал за мной по улицам, а потом я въехал в стык между плитами и улетел в сухую крапиву.

Из земли торчали поломанные замшелые плиты с кусками мозаики.

Фантомас прыгнул следом и схватил меня за джинсу.

– Ну ты, брысь со своими зубами! – засмеялся я, вылезая из бурьяна. – Айда к ребятам, так веселее будет играть!

Во дворе слышались ребячьи голоса.

Я выволок из канавы велосипед и мы снова помчались по улице.

– Вьюжанин! Иди к нам! – окликнули меня.

Мальчишки играли на холмике в царя горы. Холмик зарос бурьяном и ребята быстро нахватали сухих репьев. Зеленела молодая крапива.

– Угу! – обрадованно сказал я и мы с Фантомасом побежали играть.

Мы самозабвенно возились, визжали на весь двор и дрыгали ногами.

Я споткнулся и пропахал коленкой плиту.

Игра в царя горы незаметно переросла в игру в заразки.

Остановились возле бойлерной, засмеялись и влезли в большую лужу. Я посмотрел на коленку. На джинсах зияла дыра.

Я сел на край песочницы, закатал штанину. В ранке набухла кровь. Я сидел на краю песочницы, вытянув ноги и посыпая рану песком. Влад сел рядом, посмотрел на мою коленку. Кровь перестала идти.

– Болит? – участливо спросил меня Владик, наклонившись наж моей коленкой.

– Вот ещё! – небрежным тоном ответил я.

Владик осторожно ощупал мою ногу и я ойкнул от боли.

– Ничего, я тем летом так с велика загремел! – утешил меня Владик. – Два дня бегать не мог! Докань пацаны?

Заразки закончились и мы сели отдохнуть перед новой игрой.

Фантомас вертел головой и ушами.

– Айда мультики смотреть, – предложил спрыгнувший с лазалки Тим.

– Лучше мяч погоняем! – подал идею Егор.

– Побежали, у нас возьмём! – предложил Лёня.

Мы побежали за мячом и у стены бойлерной стали играть в вышибалы.

– Пацаны! Идём с нами, это срочно! – свистнули нам Даня, Влад и Костя.

– Чё? – спросил я, когда мы оказались за углом дома.

– Один пилот чуть малышей не сбил! – взволнованно сказал Костя Раскатов, нервно пиная травяную кочку. – Мы еле успели их оттащить. А он пролетел и не остановился! Доканьте пацаны?

– Где это случилось?! – быстро спросил я, забыв о мяче.

– Да возле танцплощадки, – разозлённо сказал Влад. – Играли себе, слона рисовали, а тут он на аэромобиле, как вылетит!

Мы подошли к качеле. Тим сел на неё и оттолкнулся ногами.

– Они что-то совсем дураки стали, – севшим голосом сказал Даня. – Я мяч пинал, закатился он под аэромобиль, полез доставать, так пилот как заорёт!

– Чё делать будем? – выжидающе оглядев нас, спросил Костя Раскатов.

– Объявим водителям войну! – решительно сказал я. – У кого сколько вкладышей от жовок?

С минуту мы рылись в карманах. Вкладышей было много.

Через десять минут мы собрали ребят и объявили о начале беспощадной войны всем пилотами аэромобилей.

А ещё через несколько минут мы разбежались по улице. Война началась!

5

У киношки затормозил красный аэромобиль, покачулся, опустился вниз, на бетонные плиты. Мы сидели на трубах рядом с бойлерной, в стену которой било солнце и когда водитель вылез из кабины, я слез с ржавой, нагретой на солнце трубы, на которой сидел.

– Серёнь, ты куда? – настороженно спросил Гурька Симаков.

Мы с ним уже помирились и снова играли вместе.

– Я сейчас, – уклончиво ответил я и пошёл вдоль забора.

В кармане ждала своего часа дюжина вкладышей-наклеек от жвачек.

– Дяденька, хотите покараулю? – невинным голосом спросил я.

– Да чё ему сделается? – пренебрежительно усмехнулся водитель.

– Ну здесь такое бывает! – возбуждённо проговорил я, жуя жвачку. – Стиляги всякие и хулиганы ходят... Вчера они аэромопед у одной девчонки угнали покататься и в столб влетели.

– Да врешь ты всё, пацан... – всё так же пренебрежительно усмехнулся водитель. – Я здесь сколько лет уже аэромобиль ставлю и ничего.

И ушёл в кино, сунув билет девушке в красной косынке.

Шёл сеанс фильма "Киборг-убийца", на который нас с мальчишками не пускали, считая, что детям такое смотреть нельзя.

– У-у-у! – показал я ему вслед язык. – Профессор кислых щей!

Девушка тоже ушла на сеанс. Я улыбнулся, огляделся и вытащил из кармана горсть вкладышей.

"Сейчас он получит фунт лиха! – мстительно подумал я. – Будет знать!"

А через несколько часов дядьки, которые оставили во дворах свои аэромобили кричали на всю улицу, пытаюсь отодрать с них наши наклейки и смыть оставленные фломастерами рисунки.

– Так им и надо! – трясся от смеха Егор.

– Ну теперь пусть помучаются! – злорадно вторил его младший брат Дёмка.

Диверсии продолжались несколько дней. Водители безуспешно пытались нас поймать, но ребячьи ноги были быстрее, чем их, и мы удирали от погони, а потом слушали их злые, истошные крики и смеялись. А водители ругались и начали прятать свои аэромобили в гаражах и караулить нас неподалёку. Одному, который пытался меня поймать, я дал носком кроссовки между ног, вделал ногой по шее и удра.

Вечером того же дня, я узнал, что того дядьку увезли в больницу из-за того, что я так сильно его ударил...

Диверсии продолжались...

Я изжевал кучу жвачек и клеил их на аэромобили, туда, откуда их было трудно выковырять. Другие ребята несколько раз клеили в воздуховод свистки и водил пугал свист, когда они пролетали по улицам, и не могли понять, откуда он исходит. Но с тех пор водители стали летать осторожно. Их пугало то, что происходит. И наконец об этом узнали в пионерском отряде.

– Ваша работа, деточки? – сдерживаясь, спросила нас Таня.

Отпираться было бессмысленно.

– Наша, – честно признался рыжий Кирик Смирнов и мы рассказали, зачем мы это делаем.

– Ладно, я поговорю с ними, – наконец после недолгого молчания обещала Таня. – Но чтоб вы не смели этим больше заниматься!

– Это ещё ладно, они такое вчера натворили! – появилась вдруг откуда ни возьмись, как чёртик из табакерки Дашка Трепыхалина. – Они в витрину гастронома стрелой пульнули! Стрелу отлепили, а липучку никак не отдерёшь!

– Ябеда! – накинулся на неё Тим.

Я невольно прыснул. Это я намазал липучку клеем и стрельнул из игрушечного ружья в витрину тем летом. Так её никто и не отодрал, вернее отодрали, но только вместе со стеклом...

– Что вы там ещё натворили? – взялась за нас Таня. – Ну-ка рассказывайте, где вы ещё пиратничали!

Но вытянуть из нас больше ей не удалось. Дашка ушла раздосадованная, обещав намылить нам уши, но нас это не испугало.

Мы побежали посмотреть мультики, а когда из-за слишком шумной возни, Лиза выкинула нас на улицу, мы пошли на косогор навстречу закату.

– Чёрт! – вдруг вспомнил Гурька, когда мы играли в догонялки. – Мне же в космический кружок надо! Мы ракету делаем.

– Ждём тебя у бойлерной, – условились мы, и ушли на ушу, а Гурька убежал на кружок юных космонавтов, который находился в политехе, куда девчонки ходили за плиточками. Гурька там пропадал каждый вечер. Ребята на кружке делали ракеты, а потом запускали их на пустырях.

А едва занятия закончились, я побежал гулять, пока не вернулась мама.

Глава V

Пожарная дружина

1

Небо хмурилось, солнце светило из-за облаков жёлтым пятном. Стало зябко, а ноги промокли в луже. Я остановился под окном, но домой не пошёл, потому, что услышал, как надрывно гудит пылесос. Это пылесосит комнату мама и соваться домой расхотелось. А всё из-за кед. Вчера на вахте в отряде я их опять разрисовал, как это делают у нас все мальчишки, а мама всякий раз устраивала мне из-за них головомойку, и потом заставляла стирать свои каракули, после чего кеды сохли на батарее...

"Вчера она их не видела, – с озабоченностью подумал я, – а если сегодня увидит, то может и дома оставить, не пустит вечером в отряд!"

И прокравшись под балконами, я побежал к большой луже, смывать свои каракули, но они не смывались. Я вздохнул и полез на лазалки.

– Ты вожа, вода, водишь! – выбежал из-за угла Влад и загалил меня.

Я осали его два раза. Влад снова тронул меня.

– Во чудик! – засмеялся я. – Сам же себя и запятнал!

И я побежал на косогор. Влад бросился меня догонять.

– Ты снова ляпа! – загалил меня Влад, когда я остановился у подстанции.

Во дворе слышались крики. Кричала Дашка и какие-то мальки. Дашкин голос узнать можно легко. Кричать она умела и любила, голос её был, как сирена атомной тревоги, далеко разносился по дворам.

– Снова на кого-то орёт! – с раздражением сказал Влад. – Вдруг на наших?

– Наши ей не далутся, дураки чтоль? – убеждённо сказал я. – Побежали!

И мы побежали на крики.

Вошли во двор. Дашка кричала на Митьку и Родьку. Схватив малышей за руки, она куда-то их тянула, а те ревели и упирались ногами.

– Ведьма! Ведьма! – отчаянно кричали мальки.

– Я вам покажу ведьму, хулиганы! – вопила, как сумасшедшая Дашка. – А ну пошли!

– Не пойду!

– Пойдёшь!

– Фиг тебе-е-е-е!

– Сейчас я отведу вас к воспитателю! – угрожающе кричала малышам Дашка. – Вот она вам покажет, как людей водой обливает!

Дашка и впрямь была мокрая. С головы до ног залитая водой. Волосы все намокли, одежда мешком облепила тело. Она была похожа на мокрую крысу.

– Пусти ведьма вреднючая! – ревел отчаянными слезами Митя.

– Дашка, ты чего творишь? – пошёл в решительную атаку Влад. – Отпусти их сейчас же!

– Такая большая, а малышню обижаешь! – язвительно сказал я. – Отпусти, пока я тебе по мягкому месту не вделал!

– Заступнички прибежали! – с досадой взвизгнула Дашка, нехотя отпуская ребят. – Это вы их научили хулиганить?

– Вечно ты вопишь, Дашка! – раздражённо проговорил я. – Тебе бы диспетчером работать на речном вокзале, объявлять о прибытии пароходов.

– Ах ты ещё и дразнишься!

– А ты вопишь, как пароходная сирена!

– Я про вас всё уличному комитету расскажу! Как вы себя ведёте!

– Иди-иди, ябеда! – в один голос презрительно откликнулись мы с Владом. – Пионерка-всем ребятам примерка!

– Дашка-какашка! – дразнились Родька и Митя.

Дашка убежала, грозясь нам всякими карами, а мы только смеялись и дразнились, пока ненавистная жоата не завывала от бессильной злости.

– Что ей надо было? – озабоченно спросил я Митю. – Чё натворили?

– Мы водой её облили! – гордо объявил Митя.

– Ага, мы думали, она ведьма! – увлечённо вторил другу Родька, возя кроссовком в луже. – Мы слышали, как её мальчишки ведьмой называли и водой облили. Вдруг бы растаяла?

– Ведьма? – расхохотались Влад и я. – Вы чего? Ведьмы совсем не такие!

– А чё она такая вредная?

– Ага, как ведьма!

Мы засмеялись и побежали играть в догонялки на гаражах. Дашка скрылась из виду, только остались мокрые следы на бетонке...

2

Вечером я шёл в детскую поликлинику, где мне должны были выдирать молочный зуб. За посещениями зубного следила мама, так что убежать от этого было нельзя, как от чистки по утрам самих зубов и умывания. Мама сама повязала мне пионерский галстук перед походом к зубному.

– И попробуй только сбежать! – строго предупредила меня она. – Зоя мне всё равно всё расскажет, был ты у неё или нет.

– Да не сбегу я, честное пионерское, – подавленно ответил я.

– Вот и хорошо.

Зоя была маминой подругой, она обязательно на меня наябедничает.

– Можно? – спросил я, входя в зубокабинет.

– Заходи, – приветливо улыбнулась врач тётя Зоя. – Зуб вырывать?

– Да, – обречённо вздохнул я.

Зуб был вырван и я не успел даже испугаться. Это было не больнее, чем когда у меня вылетел зуб из-за ириски и я шёл домой радостный и весёлый. Жаль только газировку до утра пить было нельзя, и жевать жвачки и тянучки.

Я выбежал во двор и увидел на дороге машинку, наклонился, чтобы поднять и тут меня кто-то хлопнул под коленкой. Я присел и чуть не упал.

– А ну догони! – крикнул он. Это был мой друг Лодка Гордеев.

Я вскочил и побежал за ним. Лодка влез на качели, качнулся и спрыгнул. Я тоже вскочил на качели, но это увидела тётя Наташа и погналась за мной с метлой, требуя прекратить хулиганить и действовать всем на нервы.

– А ты догони! – насмешливо крикнул я тёте Наташе.

– Вот я тебе подражусь! – возмущённо воскликнула она.

Она пыталась поймать меня, но я ловко уворачивался, катаясь на скрипучей качеле, наконец она схватила меня за ногу и сдёрнула кеду.

Я дёрнулся, повис на трубе и задрыгал ногами.

– Всё, моё терпение на исходе! – устало и разозлённо объявила тётя Наташа. – Ты ангела выведешь из себя! Я вот с этим, – она помахала изрисованной кедой, – иду к твоей маме!

Я тут же осознал весь ужас случившегося, но мальчишечья гордость не позволила мне молить её о прощении и не ходить к маме. Я показал ей язык и побежал по дороге в одной кедке, у которой развязались шнурки.

– Влетело? – помахал мне удравший на озеро Лодка.

– Всё из-за тебя! – сердито пихнул я Лодку.

– Из-за меня?!

– А из-за кого же? Кто меня осалил?

Мы двинулись вдоль забора и остановились на плотине. На бетонные плиты накатывали волны, на станции слышалась сирена.

– Шлюзы открывают, – заметил Лодька, – сейчас вода сюда пойдёт.

– Без тебя знаю! – огрызнулся я, поглядел на ноги и снял кеду.

– Слушай, а чё ты в одной кеде? – удивился Лодька. – Где вторая?

– У тёти Наташи. А сейчас наверное уже у мамы...

– И чё?

– И чё! Видел, как я их изрисовал? Мама меня утопит!

И я рассказал Лодьке о постоянной войне с мамой из-за кед, которых она мне заму-
чилась приносить, потому, что всякий раз я их превращаю в хлам, изрисовывая так, что не
поймёшь, какого цвета они были изначально...

– Это Тимкины, – грустно сказал я, вертя в руках кеду. – Мои ещё на прошлой неделе
она отдала куда-то, а я в этих пока хожу...

– Влетит наверное от брата! – сочувственно хмыкнул Лодька.

– Влетит! – передразнил я Лодьку. – Он сам кеды разрисовывает. Данька тоже, а достаётся
всегда мне...

Я сунул кеду за пионерский ремень, закатал джинсы и зашлёпал босиком. Мы вошли во
двор и полезли на гаражи. Летом здесь у забора и в канавах буйно росла жгучая радиоактивная
крапива.

– Пацаны! – к нам бежали Павлик, Серёня и Ваня. – Айда мяч погоняем!

– И как? – растерянно закусил губу я. – Нас же мало...

– А мы в одни ворота, – простодушно объявил Ваня.

Серёня пнул мяч, тот отскочил от стены дома и мы побежали играть.

3

Сначала играли в одни ворота, потом к нам прибежали другие ребята и мы разделились
на две команды. Павлик был командиром игры. В футболе, да и вообще в играх с мячом он
разбирался лучше других мальчишек.

– Серёня! – раздался не предвещающий ничего хорошего мамин голос. – Поди на минуту.

– Ну мам! – отчаянно вскрикнул я, понимая, зачем она меня зовёт.

– Сейчас же! А то в лагерь не полетишь!

– Ну блин!

Я пнул мяч мальчишкам, влез в лужу и побежал через весь двор.

Мама ждала меня в тамбуре, держа в руке кеду. Ту самую, которую стянула с меня дворничиха. Я виновато опустил голову и заёрзал ногой.

– Узнаёшь? – сдержанно спросила мама.

– Узнаю, – упавшим голосом признался я. – Это Тимкина кеда...

– Правильно, – почти ласково сказала мама. – Но сегодня она была на твоей ноге. Не знаешь, как она у меня очутилась?

И началось!

Сначала мама говорила, как она устала отстирывать кеды, которые я вечно изрисовываю, да ещё учу этому братьев! Потом она заговорила о том, что воспитанные дети не дерзят взрослым. Тётя Наташа устала от моих выходок! Мама к стати тоже. А жильцы от меня так вообще стонут.

– Дураки они... – вставил я, стоя у книжной полки и вертя в руках красивую пивную банку, которую я нашёл во дворе и теперь хранил там брелки, сотки и мелкие игрушки. – Ребятам от них ещё больше достаётся!

– Ах значит достаётся! – недобро улыбнулась мама. – А не ты ли, всё время дерёшься, когда кто-то осмеливается сделать тебе, или другому мальчишке замечание? Даша бедная опять жаловалась, как ты её достал.

– А пусть они над ребятами не издеваются! – с вызовом выпалил я.

– И ещё босиком весь день бегал! – возмутилась мама, бросив взгляд на мои исцарапанные голые ноги. – Бегаешь, как беспризорник! Ещё простуду подхватишь! А потом будешьдохать и сопливиться!

– Да ладно мам, я закалённый, – успокоил я маму.

Но маму это не успокоило. Она вдруг посмотрела на полки, где стояли принесённые мной, Тимой и Данькой с улицы пивные банки, сигаретные пачки, которыми можно было играть и сказала, что из-за нас дом скоро станет помойкой. Я уныло отвечал, что умру, но не дам их выкинуть. И вообще для каждого мальчишки это настоящее сокровище.

– Это сокровище должно лежать в помойке! – не сдавалась мама.

Я ответил, что у каждого мальчишки есть банки и пачки, и порой не иметь в кармане несколько гербов или крышек от пачек просто неприлично, все пацаны засмеют, а в банках можно хранить и другие нужные вещи.

– И какие же?

– Ну, каплашки...

– А грязные следы, которые вы оставляете? – несло маму. – Да, из-за вас, а особенно из-за тебя, в доме вечно разгром! А что вы творите на улице! Едва вы выходите во двор, так ваши ноги несут вас, куда им вздумается. Плещитесь в лужах и каждый раз приходите пыльные и грязные.

Я шмыгнул носом.

– А чего стоят ваши кроссовки, – накалённо говорила мама, – которые вы утопили в грязи, когда на той неделе вас вместо уроков отпустили погулять!

– Чесное слово, мы не хотели... – виноватым голосом пробормотал я.

– И это делают мальчишки, которые учатся в пятом классе, – наконец выдохлась мама, – и которым между прочим скоро будет уже двенадцать!

Я вздохнул и бросил быстрый взгляд в окно. А с улицы меня уже звали ребята, там начиналась новая игра.

– И пятки у тебя... – иронично сказала мама, – собака жрать не станет!

Мама устала меня воспитывать и достав мне белые Данькины кроссовки, миролюбиво попросила умыться и больше не залезать в грязь. Я в который раз обещал, что не полезу и побежал на улицу.

Футбол плавно перешёл в нагонялы-сгонялы и кончилось тем, что мяч угодил в бурьян из сухого репейника.

– Кто пойдёт вынимать? – спросил Лодька, выразительно оглядывая нас с мальчишками.

– Скинемся, – нашёлся Тимка. – Камень-ножницы-бумага-карандаш-огонь-вода-и-бутылка-лимонада-цу-е-фа!

Тима указал на себя, замер, поглядел на бурьян, в котором уже пробивалась молодая крапива и нервно сглотнул.

– Давайте ещё раз! – предложил он.

– Фиг тебе! – возмущённо загомонили ребята. – Иди доставай!

– Доставай!

Тимка на ватных ногах поплёлся к зарослям, сунул руки в рукава и стал топтать бурьян, но скоро был весь в репьях.

– Ну скоро ты там? – нетерпеливо окликнул Тимку Павлик.

– Иду...

– Чё ты трусишь?

– Вот сам бы и полез!

Тим достал мяч из крапивы и кинул его нам. Игра возобновилась и шла до тех пор, пока кому-то не пришло в голову искупаться в школьном бассейне.

4

Я клеил на нашем балконе кораблик. Мурзик играл с машинкой и загнал её под диван, а пролезть уже не мог, пискнул и вскочил мне на колени. Я ласково погладил котёнка и приклеил к кораблику рубку с трубой.

– Это просто кошмар какой-то! – слышался со двора расстроенный голос Симкиной мамы. – К нам электрик приходил. Сима ел манную кашу. А кашу я впихиваю в него силой! И знаешь, что он сделал? Сунул эту кашу в ботинки электрика, а сказал, что съел!

– Ох, мои тоже не слушаются, – сокрушённо вздохнула моя мама, которая возилась с клумбами. – С ними ни за что не сладишь! Что они сделали с бедным пылесосом! Они не пылесосят, они катаются на нём! От них одни бедствия.

– Вот и я мучаюсь! – судорожно вздохнула Симкина мама. – Бедный электрик! Я только потом поняла, куда девалась каша, когда следы в тамбуре увидела... Интересно, у кого он научился?

– Не знаю... – тяжело вздохнула моя мама. – Я со своими тоже уже который год бьюсь! Бегают, как беспризорники, разрисовывают кеды. дерутся...

Когда кораблик был готов, я побежал на улицу, нашёл большую лужу и пустил его. Сначала он покачался немного возле моих ног, но тут его подхватило течение и понесло вниз по улице.

Я повеселел, а кораблик пересёк лунную дорожку и помчался с течением по бетонным плитам вниз по улице. Я побежал за ним. И тут же втяпался в неприятности. Вадик стрельнул из рогатки и разбил лампочку на столбе.

– Мотаем! – пихнул Вадика Андрюшка Ююкин.

– Да что же это делается?! – закричала, как пароходная сирена выбежавшая во двор тётя Наташа. – Уже и стёкла бьют!

– Это не мы! – крикнул бессовестный Андрюшка. – Это Вьюжанин стекло разбил, мы просто рядом стояли!

Я не ожидал такой подлости от мальчишек, с которыми мы на улице вместе играли в общие дворовые игры. Они сами разбили стекло, а теперь взахлёб кричали, что виноват один я!

– Ну ты, ща как двину! – вскрикнул я, вырвался из рук тёти Наташи и бросился лупить их. Андрюшке я надавал по шее и тот пустил слезу.

– Ай! – кричал Андрюшка, отчаянно отбиваясь. – Я тебя трогал, чтоль?!

Они рванули за угол и пропали, а мне хотелось реветь. На лужайке под окнами дома играли с мячом ребята.

– Вьютка! – свистнули мне Дёмка и Егор. – Давай с нами, в четыре угла.

– Блин, вы чё! – разгорячённо воскликнул Колян. – Он щас так мяч пнёт, вы его потом общитесь и не найдёте!

– Да, – подтвердил вредный Ромик Резинкин. – Не давайте ему мяч!

– Фиг тебе! – накинулся на них Владик. – Не нравится играть, мотайте.

– Мяч общий же, а не ваш! – резонно сказал Тилька Чуваткин.

Я зашёл в лужу, вылез и неё, закатал штанины и побежал играть.

Игра началась заново. Как только мяч не пинали. И коленками, и ногой с разворота, и пяткой. Я вскочил на руки и сальтухой послал мяч в угол.

– Ай! – взвизгнул от боли Колян. Мяч попал ему в лоб.

– Извини, – виновато сказал я. Не любил я, когда кому-нибудь больно, особенно если причинил эту боль я. – Сильно болит?

– Щас как двину, будешь знать! – негодуяще воскликнул Колян.

И обозвал меня гадким словом. Я разозлился и ударил его ногой. Мы сцепились. Колян обзывался, я снова ударил, и мы покатались по траве.

– Пацаны, вы чё?! Мы же играем! – воскликнул Женька Плинка, и наконец ребята нас разняли.

– Я тебе как врежу, щека порванная! – кричал зарёванный Колян, которого держал Влад. – Так врежу раскладушкой, не узнаешь, чья она!

– У! – мыском ступни, с которой слетел кроссовок, я вделал ему по носу.

Колян взвизгнул и зажал нос.

– Отпустите, – сказал я мальчишкам и пошёл за мячом. Мяч я нашёл на другой стороне двора.

– Вьюжанин, опять дерёшься! – с укором сказала вездесущая Катя.

Колян никуда не ушёл. Он зажимал разбитый нос пальцами и морщился от боли. Ёжась на вечернем холодке у облицованной плиткой стены дома, мы стояли и со злостью смотрели друг на друга.

– Он первый драться лезет! – негодуяще проворчал я. – Чё я ему сделал?

– А он ногами пинается! – промычал Колян, зажимая нос.

– А он задирается! И обзывается плохими словами!

– Какими словаими?

Я сказал и смутился. Мне даже повторять их было противно.

– Чё ты врёшь! – возмутился Колян. – Я такими словами не обзывался!

– А вот и обзывался! – подхватили за мной Влад и Женька. – Мы слышали, докань пацаны?!

– Врёшь! – с непритворными слезами вскрикнул Колян. – Это ты обзывался! Ребят, докань?!

Катя разделалась с нами быстро. Колян шмыгал носом, кровь так и не останавливалась, я виновато смотрел на свои кроссовки.

– Вьюжанин, развяжи свой бинт, – попросила меня Катя.

– Зачем? – удивился я.

– Ну развяжи, надо, – непонятно ответила Катя. – Ты же видишь, кровь не унимается.

Я размотал бинт, который мне повязали, когда я поранил коленку, бегая с ребятами по двору. Катя сунула Коляну в нос мой бинт и повела в медпункт.

5

В пионерском клубе за нас взялись вожатые. Оказалось мы опаздали на занятия, и когда мы играли в нагонялы-сгонялы, весь отряд собирал мусор. Мы собирались во дворе, ёжась от холода. Все ребята были в пионерской форме, красные галстуки пылали на рубашках, сверкали на солнце значки.

– Безобразиями заниматься у вас времени хватает, – между тем отчитывала нас Лизавета, – а как пионерское задание вам дашь или уроки надо делать, вас не поймает! А потом пары в дневнике.

– Ну Лиза-а-а! – недовольно застонал я. – Какая ты вредина!

– Успеваемость у тебя, Вьюжанин хромает, – стала загибать пальцы Лиза, – поведение тоже, по перилам съезжаешь, дерёшься! Двойки по поведению каждую неделю, да ещё уроки не учишь! Что с тобой творится?

Терпеть не могу, когда мне напоминают об уроках, которые я забыл выучить, про то, что я, как наскипидаренный ношусь по школе и скатываюсь по перилам и только в отряде я вёл себя хорошо. А дерусь я, если меня обидают.

– А ну тебя! – разозлился я, ковыряя болячку на коленке. – Это ещё не известно кто больше отстаёт и дерётся.

– В школьной самодеятельности участвовать не хочешь, – продолжала перечислять Лизавета с невинным выражением лица. – Света, помнишь, мы его еле уговорили играть в постановке, а?

– Ага! – с готовностью ответила Светка Загremухина, бросив на меня выразительный укоряющий взгляд. – За уши пришлось тащить!

– Пацаны, да уймите эту вредину, пожалуйста! – взмолился я, а про себя хихикал, вспоминая как девочки из пионерской комнаты меня, ещё ноябрёнка тащили за руки и за ноги на репетицию, а я визжал на всю школу.

А Лиза тем временем взялась за мой внешний вид. Почему у меня пальцы в чернилах, и пионерский галстук мятый? Что я сделал со своей формой! Такое ощущение, что её крокодил жевал!

Я обещал привести форму в порядок, лишь бы она отвязалась.

– Хорошо, – сдержанно сказала Лиза, – а медаль свою чего не носишь?

– Какую? – растерялся я.

– Которую тебе пожарные дали прошлым летом, – напомнила Лизавета.

– Ну её, – раздражённо дёрнул плечом я. – Я, надену, и все мальчишки будут пальцем показывать и дразниться! И так учителя и вожатые замучали.

– Как же?

– Ну говорят, что огня не испугался, а двойки боюсь. И что я хулиганю...

– А ты бы не хулиганил!

Лизавета передохнула, поправила на мне галстук. Я потёр ногу об ногу и обещал, что не буду хулиганить, по крайней мере сегодня.

Начались занятия. Я потянул ногу на тренировке по ушу, влез на подоконник и стал слушать передачу из динамика на столбе за окном, и вертел в руке биток от соток. У нас таких динамиков на улице четыре, и радио играет весь день. Звук далеко разносится над лужайками.

– Иди сейчас в школу, – велела мне Лизавета, хлопнув меня по руке, когда я полез в нос. – Забери малышей с кружков и веди их сюда.

– Есть, – с готовностью отсалютовал я и пошёл в школу.

– Вьюжанин, – догнала меня Дашка Трепыхалина, – слушай, у нас концерт будет в школе и будет выступать хор... Ты будешь петь с мальчишками?

– Вот ещё! – дерзко сказал я.

– Но ведь у тебя пятёрка по пению!

– Не хочу!

– Вьюжанин!

– Отстать, вонючка с ванилью!

– А ты перечущий мальчик со сладкими перцами!

– Не-не-не! – показал я Дашке язык.

Дашка сказала с досадой, что я чудовище и вообще самый невозможный мальчишка во дворе и в школе, и удалилась с обиженным видом, а я шагал вдоль гаражей, вышел к детскому садику, где на лазалках бесилась малышня. Навстречу шёл большой мальчишка в джинсах и жёлтой кофте.

– Эй, пацан! – крикнул он мне.

Я насторожился. Мальчишка был старше, кто знает, что у него на уме?

Мальчишка был настроен серьёзно. Я мог бы дать дёру, но не стал.

– Это не ты сейчас помойку спалил? – строго спросил меня мальчишка.

– Какую помойку? – удивился я. – Ничего я не поджегал!

– Да тут во дворах одни подожгли, – непонятно сказал мальчишка, – а потом трава загорелась, мы еле потушили. А этих не поймали...

– А чё сразу на меня? – обиделся я.

– Да тут две девчонки видели пацана у помойки, – более миролюбиво сказал мальчишка. – Мы из юной добровольной пожарной дружины. Сейчас всякие хулиганы жгут костры... два пожара еле потушили! А ещё какая-то шпана в подъезде потолок подпалила.

"Наверное кто-то с летучкой баловался! – рассеянно подумал я. – А вдруг ещё наябедничают, скажут, что это я подпалил?"

– Я мусор выкидывал, – сухо ответил я, – а огнём я не балуюсь. Дурак я чтоль?

– Ладно, ты извини, – смутился мальчишка. – А я тебя помню! Мы с тобой прошлым летом играли. Я к Катке приезжал на лето!

– Лёша! – обрадовался я, узнав Каткиного двоюродного брата.

– Ага, – дружелюбно улыбнулся Лёша. – У меня родичи в экспедицию улетели, в арктику, а оставить меня не на кого. Я и прилетел к сеструхе...

– Жвачку хочешь? – спросил я Лёшу, совсем на него не обижаясь

– Хочу! – улыбнулся Лёша.

Я разделил пластинку и мы пошли вместе. Лёша мне нравился и я рассказал ему об отряде, и чем мы занимаемся.

– А ты куда сейчас? – спросил меня Лёша.

– За малышами, – утомлённо вздохнул я, – я с ними занимаюсь. Меня же их вожатым сделали, а ещё у нас в школе тимуровское движение...

– А пойдёшь с нами сегодня в патруль?

– Поджигателей ловить? – с пониманием спросил я.

– Ну да. Я с ребятами тебя познакомлю.

– Угу, – без раздумий согласился я. – А во сколько?

– В шесть вот здесь, у гаражей, – подумав, ответил Лёша.

– Ага! – кивнул я, улыбаясь. – Я прибегу с мальчишками!

Лёша помахал мне, и зашагал по улице, а я помчался в школу, с нетерпением дожидаясь вечера. Ведь у меня новый друг! На миг меня кольнула тревога. А кто эти мальчишки, которые сказали, что это я спалил помойку?

Глава VI

Юный огнеборец

1

Я бежал домой, показаться маме и попить. В кросовках хлюпало. Я умудрился два раза наступить в глубокую лужу между плитами. Кросовки были испачканы и дома мне здорово

за них влетит от мамы. Она и разрисованные кеды мне не забыла, а за мокрые кроссовки она меня вообще съест...

А на бетонке и на асфальте лежали круглые бумажки от мороженого и пробки от сидро и лимонада. Под ноги попала банка от пепси-колы. Вот здорово! Я пнул её и побежал. Гонял её по всей улице, пока на меня не заругались взрослые, требуя, чтобы я прекратил это безобразие. Я стряхнул с ног пыль и двинулся по улице. Все дворы и пустыри желтели мати-мачехой. Среди веток каштана, словно белое привидение трепетал пакет.

Мама дома уже не было. Я переоделся в каратистскую форму и начал заниматься. Играл приёмник. Устав, я пошёл попить.

– Вьютка, выходи гулять! – звали меня с улицы ребята.

– Я сейчас, пять минуточек! – отозвался я, выглядывая в окно.

Я открыл форточку и продолжил заниматься, и тут дверь открылась.

– Мама, это ты? – оглянулся я, но это была Лизавета.

– Вьюжанин, выручай! – сказала Лиза, ведя в комнату маленького Лерку. – Мне надо в райком комсомола, Таня тоже улетела, а его оставить нельзя. Два раза ловила на проспекте. А там ты знаешь, большое движение.

– Я сам сейчас уйду, – попытался отвертеться я. – Меня ребята звали.

– Ну и пусть он с вами играет, – упорствовала Лизвета. – Я честно, никуда не могу его пристроить, а то опять втянется в историю.

– Ладно, – неохотно согласился я, – оставляй.

Лизавета ушла. Лерка потоптался и полез в игрушки.

– Давай в вертолётчиков? – жизнерадостно предложил он.

– Я сейчас, Лерка, – с неловкостью сказал я, – пять минуточек.

– Ты делаешь зарядку?

– Да. У нас ведь скоро будут соревнования по плаванию.

Лерка достал вертолёт и принялся с ним играть.

– На, держи, – сказал я малышу, – это тянучка.

Лерка просиял и тут же сунул её в рот. Я поставил два стула и сел на них на шпагат. Лерка бегал по комнате с вертолётком в руках.

– Первый, я нашёл их! Они на дрейфующей льдине! – играл Лерка, пробегая мимо меня. Беготня разбудила Мурзика, который дремал на подоконнике среди мелких игрушек.

Лерка обрадовался и они с котёнком стали вместе бегать по комнате. И пробегая мимо меня он случайно ударил меня локтём и я полетел вниз.

– Ну ты! – резко вскрикнул я, вставая с пола.

– Прости! – испугался Лерка. – Я тебя сильно, да?

– Ничего, – небрежно сказал я, потирая шёку. Я взял второй вертолёт и мы вместе спасли Мурзика с дрейфующей льдины, которой был подоконник.

– А у тебя есть "Вредные советы?" – с надеждой спросил Лерка.

– Угу, – рассеянно ответил я. – А ты читать хоть умеешь?

– Мама учила.

– Ну давай читать.

Я снял с полки книжку Мы улеглись на диван и стали читать.

– Вьюжа, выходи! – засвистели мне с улицы Владик и Костя.

– Айда гулять! – жизнерадостно предложил я Лерке.

Мы оделись, вылетели на улицу и поиграли в маялки. Скоро кому-то пришло в голову играть в царя горы и началась куча мала. А потом во двор прибежали ребята с Фантомасом и стало совсем весело.

– Спорим, – с вызовом обернулся я к Владу, – я сейчас ему мысленно прикажу что-нибудь и он выполнит?

– Да ты чё, так не бывает! – замотал вихрастой головой Влад.

– Спорим?

– На что?

– На твой фонарик.

– Ну спорим... А ты мне что тогда дашь?

Я сунул руку в карман и вытащил пугач.

– Как бумкнет! – озорно рассмеялся я. – Я его переделал. Грохнет так, что вся улица оглохнет и испугается.

– Ну, приказывай!

– Угу!

И я поглядел на пса, стараясь сосредоточиться на том, чтоб мысленно отдать ему команду. Чтоб он пробежался до бойлерной и вернулся.

Но тут случилось то, чего я не мог предвидеть. Появилась Дашка, и пёс, который играл с ребятами, вдруг залаял и вцепился вожатой в авоську!

Я ахнул и чуть не слетел с бортика.

– Помогите! – испуганно завизжала Дашка. – Напомощь! Ай! Грызут!

– Фу Фантомас! – закричал я и поспешил напомощь.

– Серёньчик, ну ты даёшь! – с удивлением и уважением воскликнул Влад, ероша рукой мне волосы. – Вольф Мессинг!

А пёс всё тянул вожатую за авоську. Дашка вижала и махала руками, мальчишки смеялись, а я, спотыкаясь мчался к ним.

– Так тебе и надо, Дашка-какашка! – мстительно смеялись ребята.

– Фантомас, фу! Нельзя! Плюнь ты её! – кричал я на пса.

Но пёс не отпустил Дашку. Он упорно грыз её авоську.

– Фу! Плюнь ты её! Ещё отравишься! – сдерживая смех, сказал я.

– Это *ты* Вьюжанин мне отравил жизнь! – разозлённо завизжала Дашка. – Ты и твои братья, которые безобразничают едва научившись ходить!

Но говорила она это уже с безопасного расстояния. Дашка всегда обращалась со мной, Тимой и Даней, как с бомбой замедленного действия. Она была уверена, что от нас хорошего не жди. Так считали и все бабки у нас во дворе, которые не раз говорили, что с нами лучше не связываться.

Если бы Дашка знала, сколько неприятностей исходит от неё!

– Дай ты ему сардельку, или сосиску, – посоветовал ей Костик, – он и отвяжется!

– Он тебя потому и цапнул, – проникновенно сказал Антон Климов.

Дашка сердито засопела, готовясь вылить на нас целый водопад нравоучений, но вместо этого сунула руку в авоську и кинула Фантомасу здоровенную сардельку. Пёс тут же на неё набросился.

– Ешь Фантомас, ешь! – ласково гладил пса Костя.

Дашка убежала, жалуясь на жуткую жизнь, а мы зашагали по улице...

– Владька, домой! – позвала брата Лизавета. Она уже вернулась из райкома комсомола.

Остальные ребята тоже стали расходиться по домам. Игра закончилась, я пошёл на детский сеанс. Там крутили фильм про Робин Гуда.

– Снова пришёл? – усмехнулась белобрысая девушка в красной косынке.

– Ага! – жизнерадостно ответил я.

– Ты же смотрел его раз пять уже!

– Ну и что? Владюшка его смотрел вообще шесть раз!

– Ладно иди уж, беспокойная душа, – улыбнулась мне девушка.

Когда сеанс закончился я твёрдо решил сделать себе лук. Полазав на задних дворах у леса, я уже к полудню сделал его. Лук был из гибкой арматурины, которую я стянул у зазевавшихся сантехников, которой они прочищали трубы, с тетивой из толстой лески и стрелами из тонких колен удочки. Сколько старых удочек мы с мальчишками прошлым летом стащили с нижних балконов и из тамбуров для этого дела! И на конце каждой из них был гвоздь. А некоторые мальчишки приматывали не гвоздь, а делали наконечник из скрученных треугольничков, вырезанных из консервных банок.

Такая стрела проткнёт всерьёз и такие у нас во дворе были дороже, чем пульковый пестик! Несколько раз к ним приматывали петарды. Ими менялись, их отдавали за самые крутые сотки или чубриков, за заводные катера и самолёты. Можно было наделать стрел из прутьев или камышей. Но для камышей сейчас был не сезон. Старые, сухие не годились. Такая стрела жила всего один или два полёта, а потом рассыпалась.

Я выбежал на улицу и стал думать, куда бы пустить стрелу.

– Вьюжанин! – ко мне шла размашистым шагом Дашка Трепыхалина. – Ты что, сдурел?! Не вздумай пускать стрелы на улице!

– А где же ещё их пускать? – удивился я, на всякий случай отскочив от Дашки подальше. Мало ли...

– Где хочешь, только не здесь! – повысила голос Дашка.

Она протянула руку, чтоб вырвать у меня лук и стрелы, но я ловко увернулся, проскользнул под ней.

– Отдай!

– Фиг тебе, мочалка драная! Шемпанзе злое!

Дашка всё-таки меня схватила. Я стал выдираться.

– Зубы хоть чистишь? – выкрикнула Дашка, у которой я всё-таки отнял свой лук и стрелы. – У тебя изо рта несёт, как из помойки!

– А ты жаба! – огрызнулся я, отскакивая от вредной вожатой. – Дашка Трепыхалина, прекрасная корова! Сбежала из дурдома, украла миелофон!

– Ах ты сопля! – разозлённо взвизгнула Дашка, и снова попыталась схватить меня, но я увернулся и побежал по улице. – Всё твоей маме расскажу!

Возмездие настигло меня неожиданно и беспощадно. Меня обозвала хулиганом и окатила водой из окна какая-то тётка и я вымок до нитки...

2

Идея сделать луки озарила не только меня. Через два дня луки себе сделали все дворовые мальчишки. Дворы захватила волна. Миха с прителями тоже пускали стрелы и убили собаку. И два раза их стрелы попадали в людей, когда они баловались на улице. Они удирали и всё сваливали на нас.

Раненых стрелами увозили в больницу, а уличный комитет раз за разом обвинял в хулиганстве ребят из нашего пионерского клуба.

Но с тех пор, как управдом из девятиэтажки на Высоковольтной улице попал в больницу, когда его ранили такой стрелой, луки стали под запретом. Их прятали и стреляли уже тайно, чтоб взрослые не видели.

И в один из вечеров я искал стрелу, которую пустил из лука в сторону зелёных домов. Лук я прятал под курткой, которую дала мне мама, потому, что над головой хмурилось небо, готовое сплунуть дождём.

С танцплощадки слышалась музыка и я забыл о потерянной стреле.

"Танцуй без меня, нара-на-ра-на-на"

Целуй не меня, нара-на-на-на!

Танцуй без меня, нара-на-ра-на-на"

Целуй не меня, нара-на-на-на!"

Там шла дискотека, но пускали лишь тех ребят, кому было двенадцать, а мне двенадцать исполнится только в мае, перед летними каникулами...

Стрела воткнулась в землю возле трубы, из которой лилась вода. Здесь было сыро, росли мох и болотные растения, ноги вязли в грязи. На стене были всякие рисунки, кое-где отвалилась мозаика и там тоже рос мох...

Я спрятал стрелу под куртку и зашагал назад.

Возле подстанции я остановился. На покосившемся бетонном столбе с дырками за железяку зацепился белый целофановый пакет. Я поднял лук, натянул тетиву и пустил стрелу. Она перелетела двор, но в пакет не попала и пропала за домами, а со стороны танцплощадки раздался чей-то вскрик и музыка угасала, как в испорченном радио, и смолкла.

Я замер и меня обдала волна страха. Я оглянулся по сторонам, а за домами кто-то кричал. Что же делать?! А вдруг я ему стрелой глаз выбил?

На танцплощадке стоял шум и гам. Моя стрела воткнулась в магнитофон и из него валил дымок. Стиляги, которые здесь танцевали пялились на стрелу.

– Мамочки! – взвизгнула Дашка, вытаращившая от страха глаза. – Да когда же это наконец кончится?! Откуда они только берутся-то, хулиганы?!

Страх перебивался желанием рассмеяться. Дашку окружили большие девчонки и мальчишки, но никто ничего не мог понять.

– Что случилось? – голосила какая-то девчонка.

– Ничего! – дрожала от страха Дашка. – Только кассету хотели поменять, а она как прилетит, как воткнётся!

На улице появились ребята. Раздались смешки, а мне было не до смеха.

– Ребята, вот этот стрелок! – вдруг воскликнула из окна какая-то большая девчонка, заметив меня. – Я из окна видела, как он стрелы пускает!

– А ну-ка Робин Гуд, иди сюда! – угрожающе выкрикнули старшеклашки.

Я бросился бежать, они кинулись за мной. Дашка схватила меня за ворот куртки, отобрала лук и шлёпнула меня по мягкому месту.

Я вырвался, но меня поймал другой старшеклассник.

– Ай! Ой! – вскрикнул я и стал вырываться и лягаться. – Пусти штуша кутуша, индеец невоспитанный!

– А ну-ка вольный стрелок, пойдём к твоей маме! – сказал парень, похожий на панка, но с комсомольским значком на куртке.

– Её дома нет! – отчаянно выкрикнул я, пытаюсь его лягнуть.

– Значит к твоей вожатой! – безжалостно сказал панк.

– Пустите козлы! – бился я, пытаюсь вырваться.

Вырваться было нельзя, и я поплёлся за панком.

– Значит это он играет у тебя на нервах? – деловито спросил панк у Дашки, бросив на меня строгий, не предвещающий ничего хорошего взгляд.

– Это же Вьюжанин! – с раздражением закатила глаза Дашка Трепыхалина, выдёргивая из магнитофона мою стрелу. – Что вы удивляетесь? Он с братьями всё время чудят! Покоя от них нету!

– Ну теперь тебе достанется!

– Наконец-то мы разберёмся с этой хулиганской компанией!

– А ещё пионер!

– А сами-то, все панки и говнари!

А меня привели в наш отряд. Маминого наказания я не боялся, в отряде меня ждало и не такое! Танька пленных не берёт, съест и не подавится!

– Ну, где вожатые? – нетерпеливо и предвкушая моё наказание по пионерской линии, спросила меня Дашка.

– А вожатых нет, – огорошил её Сашка Жариков, который вёл фехтование у ребят и те замерли и удивлённо посмотрели на нас, опустив рапиры. Таня, следившая за занятием с тревогой на нас посмотрела.

– Что он опять натворил? – вздохнула она, предчувствуя недоброе.

– Дискотеку нам сорвал! – торжествующе воскликнул панк и он показал отобранные у меня лук и стрелы. – Стрелу пускал, хулиган! В прошлый раз одна такая мне прямо в окно влетела! Чуть не убила.

– Доигрались... – тяжело вздохнула Таня. – Так, отпустите мальчика.

– Не понял?

– Отпустите говорю сейчас же!

Панк отпустил меня, отдернув руки, словно обжёгся.

– Что он вам сделал? – звенящим от напряжения голосом, спросила Таня.

– В пакет хотел стрельнуть, который на столбе висел! – сунулась вперёд девчонка, которая кричала на меня из окна. – Сначала кто-то из этих на моих глазах крысу убил. И в бедную Дашу этот голоногий Робин Гуд тоже чуть не попал! Она всю дорогу плакала!

– Вьюжанин! – сокрушённо простонала Таня. – Ты настоящее бедствие! Жди меня в пионерской комнате, наказание ты моё...

Я ушёл в комнату и сел на подоконнике, дожидаться головомойки...

3

Нагоняй, который мне устроил совет дружины был как шторм. В этот раз досталось мне крепко. Хотели даже из пионеров гнать. И хотя были весенние каникулы, совет дружины собрали быстро и устроили мне головомойку.

– Ох горе ты моё, – нервно ходила у окна Таня. – Даша права, от тебя и твоих игр одни бедствия. Что же мне стобой делать?

– Можно конечно утопить в луже... – задумчиво сказал председатель совета дружины нашего отряда Илька Громов. – А то он ещё чего натворит...

– Это непедогогично, – возразила Лизавета, недобро сверкая глазами. – А зачем ты разбил позавчера лампочку, и ещё сбежал?

– Но это же не я разбил! – с отчаянием сказал я. – Я просто рядом играл...

– Давайте у него рогатку отнимем? – подала идею Ксюха Гордеева.

– Ага, небось сами стреляете во дворе! – вознегодовал я.

Ребята зашумели. Таньке еле удалось восстановить порядок в комнате.

– А правда, мальчики, – неожиданно согласилась она, – разве ни у кого нет рогатки или перочинового ножика? И вы не играете с ними на улице?

Ребята молчали. Рогатки и перочинные ножи были у всех мальчишек.

– Есть, – сказал за ребят Илья. – Разве что у девчонок нету...

– У девчонок тоже есть, – упрямо возразил я.

На этот раз зашумели девочки.

– Они же от скуки такое вытворяют, – глубокомысленно произнесла Лиза, обведя выразительным взглядом членов совета дружины. – У многих родители весь день на работе, а ребятам что делать? Вот они и находят себе игры...

– Игры, которые опасны для всего человечества! – вставила Катя. – Ну отнимем мы у них луки, ножики и поджиги, так они новые сделают!

– Что же нам делать, бедствие ты моё стихийное? – спросила меня Таня, продолжая ходить мимо окна, за которым догорал закат.

Снова поднялся шум. Наконец решили взять надо мной шефство. Лиза предложила не наказывать меня, а организовать секцию стрелков из лука.

– А кто будет вести занятия? – иронически спросила Катя.

– Вот Вьюжанин пускай и ведёт, – решительно ответила Лизавета, – раз ему так нравится из лука стрелять!

– Его?! – разинула в удивлении рот Ксюха Гордеева.

– А чё? Зато улицы будут спать спокойно.

А на линейке вожатые отняли у ребят все рогатки и другие штуки, которые грозили опасностью людям. Сдавали неохотно, сердито косясь на меня.

– А мы новые сделаем! – хитро улыбнулся Владик.

– Я тебе сделаю! – накинулась на него старшая сестра.

Владик засмеялся.

Линейка закончилась. Все были согласны, что лучников надо отловить по дворам и отправить в наш клуб. В это время вбежали малыши и сказали, что на пустыре горит трава. Мы помчались тушить пожар, а когда пожар потушили, приехала на велосипеде мама.

– Серёня, что ты опять натворил?! – звенящим от напряжения голосом, спросила она и я опустил голову, изучая свои коленки.

Ребята ушли смотреть мультики. Я вздохнул. Сейчас мама устроит мне!

– Идём домой! – велела мне мама. – Нам нужно серьёзно обсудить твоё поведение, а то о твоих подвигах говорят уже все улицы!

Она завела велик в подъезд, а я на ватных ногах поплёлся за ней...

4

Я сидел на подоконнике и смотрел в окно. В синее небо вздымались решотчатые ржавые башни высоковольток, выходя из сайвы и пропадая за горизонтом, где вздымались золотистые груды вечерних облаков.

– Серёня! – свистнули мне со двора ребята. – Вьютка, выходи!

Мама куда-то ушла, и я выбежал гулять. Во дворе собрались ребята.

– Пацаны, а давай в парк! – предложил Павлик. – Мороженого хочется!

Мы побежали в парк, да так и остались там до позднего вечера, забыв и про ужин, и про то, чтоб показаться родителям.

Взяли по мороженому и побежали кататься на карусели. Но попробовать мороженное у меня так и не вышло, потому, что когда мы крутились, оно выскользнуло у меня из рук и угодило в какого-то лысого дядю.

Угодило прямо в лицо...

Мы дали дёру с карусели и побежали качаться на качелях

– Мальчики, сколько можно вертеться и качаться! – в парк пришла моя мама, ведя за руль велосипед. – Домой-то идти собираетесь?

– Мы сейчас, только на той крутилке повертимся! – попросил маму я, показывая на другую карусель, куда убежали ребята.

А потом мы с мальчишками побежали заниматься в отряд.

– Идите с нами, – позвала нас Лизавета, бросив быстрый тревожный взгляд на наказанного индикатора. – Мы сейчас топаем в уличный бассейн.

– Купаться? – оживился я, спрыгивая с подоконника.

– Да, – кивнула Лизавета, – открываем сезон. У спортивной школы к нам ребята ещё присоединятся. Будем вместе плавать.

– А какие ребята? – рассеянно спросил я. – Космонавты?

– Угу, – ответил Костя Раскатов. – Мы сейчас туда на аэробусе полетим.

– Будем купаться в том, большом, на проспекте, – пояснил Влад, махнув в сторону далёких девятиэтажек проспекта. Между ними примостился Дом Пионеров с клубом "Космос", где у нас с прошлого лета было много друзей.

Из бассейна мы вернулись совсем поздно. Я не спешил домой и ходил по улице, думая как здорово сегодня искупались.

– Владь! – позвали мы друга. – Владюх, выходи!

– Я сейчас! – выглянул в окно Владик.

Он и вправду появился довольно быстро. На лестнице что-то загремело, кто-то ойкнул, а за тем Влад выкатил на улицу на роликовых коньках.

– Ух ты! – мы с Тимой и Даней обступили друга. – Ты же говорил, они тебе малы!

– Я новые сделал! – хвастливо сообщил Влад. – Только не говорите Лизе!

– А чё? – удивился Тим.

– Я коньки сделал из её сандалей! – горячо зашептал Владька. – Пока она в пинашку с девками играла, я у неё и стащил!

– Ну Лиза тебе даст по шее! – с полным одобрением сказал Тим, сидя на корточках и рассматривая Владькины роликовые коньки.

– Айда к школе! – нетерпеливо сказал Влад и чуть не упал.

– А прокатиться дашь? – прищурился я.

– Угу, – согласился Влад, – мы по-очереди будем!

И мы умчались к школе. А вечером я сидел на подоконнике в детской и клеил на руки и на ноги переводные картинки.

– Владик, где мои сандалии?! – раздался снизу крик Лизаветы. – Отвечай бессовестный, что ты с ними сделал?!

Я выбежал на улицу. Лиза воспитывала младшего брата.

– Да чё ты привязалась? – отбивался Влад. – Они же тебе всё равно малы!

– Что ты с ними селал, обормот?

– Ну понимаешь... – чуть замялся Влад. – У меня роликовые коньки стали малы, я и сделал новые из твоих сандалеток.

– Ты испортил мои сандалетки?! Ах ты Владька!

– А чё такого-то? Все мальчишки делают!

Лизавета готова была лишиться чувств.

– Владюшка, айда гулять! – свистнул я Владу.

– Угу! – улыбнулся Влад и подкатил ко мне на своих новых роликлвых коньках. Снял один и дал мне. Я нацепил его на ногу и мы погнали вверх по улице. Лизавета орала нам вслед, какие мы варвары и разбойники.

Мы домчались до гаражей и влетели в глубокую лужу.

А прибежав в школу я смотрел за малышами на внеклассных кружках.

Я только и делал, что доставал расшалившуюся малышню то со шкафов, то с окна, то гаялся за ними по партам.

Мы выходили на улицу и собирали мусор.

А когда мы возвращались в класс, я почувствовал, как в воздухе потянуло гарью. Я растерялся, но не испугался. Рядом был кабинет химии, там чего только не горит. Но вскоре раздались испуганные крики. Я бросился в ту сторону. Меня ослепило пламя, а едкий дым выдавливал из глаз слёзы.

"Кто-то кинул дымовуху! – догадался я. – Чёрт, они же так школу сожгут!"

Я на миг испугался, хотелось бежать, звать взрослых. Но огонь отрезал мне путь к выходу, а где-то кричали ребята. Дым ел глаза, жар опалял лицо.

– Боюсь! – кричал какой-то мальчишка.

Их было больше двадцати... Все спрятались по углам, натянув рубашки на лица и глазами полными страха глядели на меня.

– А ну быстро вниз! – скомандовал я, лихорадочно вспоминая, что я слышал на уроках ОБЖ. – В окна и вниз!

– Высоко! – крикнул какой-то рыжий мальчишка.

– Прыгайте! – дурным голосом закричал я, пробегая мимо окон и открывая их. – Подумай, ногу ушибёте! Прыгайте, а то сгорите!

Но малыши были слишком напуганы. Если б они знали, как испугался я!

– Прыгайте, не то схлопочете! – кричал я, и по одному стал выпихивать малышей из окон вниз.

Дышать стало совсем нечем, а пламя разгоралось всё сильнее и дым заволок всё, стелился по стенам и по потолку, где мигали лампы.

Малыши прыгали вниз, визжали и ойкали, и когда последний сиганул из окна, я закашлялся, взял в руки огнетушитель, и дёрнул за кольцо, как учили на уроках гражданской обороны и направил на огонь.

Из сопла вырвалась белая струя и пламя начало тухнуть.

Я сражался с огнём несколько минут. У меня кружилась от дыма голова. От страха ноги стали ватными, руки тряслись. Наконец я направил огнетушитель на горевший электрощиток, и пламя погасло.

– Вьюжанин! – раздался рядом полный ужаса Катькин голос.

– Это не я... – выпалил я первое, что пришло на ум. – Ты маме не говори...

Силы оставили меня, я выронил огнетушитель и сел на окно.

А потом у меня всё поплыло перед глазами.

– Вьюжанин! Вьюжанин!!

Сквозь бред я слышал сирену. Сверкали огни и до меня доносились чьи-то тревожные голоса.

– Он отравился угарным газом, – заключила врач. – Но жить будет. Пусть полежит в больнице три дня.

– Намучался, – с теплотой в голосе проговорила Катя. – Один против такого огня!

– Как думаете, кто баловался с огнём? – спросил пожарный.

– Нет, скорее кто-то опять кинул дымовуху, – растерянно произнесла Катя. – У нас если хотят сорвать урок так и делают. У одного мальчишки портфель сгорел... Другой раз такую штуку кинули в кабинет биологии...

– Это уже не важно, – заговорил пожарный. – Главное, что мальчик не растерялся, и потушил огонь. Кто знает, что было бы с вашей школой.

– Вот тебе и стихийное бедствие! – с чувством сказала Таня.

Я молча рассматривал ребят и вожатых.

– Стихийное бедствие спасло нашу школу! – с уважением заметила Света, болтая ногами на подоконнике. – А ты ему двойку по поведению вклепила!

А меня снова накрыл бред, жаркий, как огонь и удушливый, как дым...

Глава VII

Холодный запах весны

1

Вечером через три дня, меня выписали из больницы. Я сидел на подоконнике, изредка дохая и рассматривая ожоги на коже после пожара в нашей школе. Маме рассказали о пожаре и она ушла пить варельянку. Я пошёл заниматься на балкон, убрал разбросанные игрушки и побежал на улицу.

– Боюсь я тебя отпускать, – с тревогой в голосе говорила мне мама. – Я теперь не знаю, где в очередной раз ты будешь лазать... Кого снова бросишься спасать... А если тебя в следующий раз током ударит, или утонешь?

– А ещё можно насмерть простудиться, – весело подхватил я, – упасть с велосипеда, угодить в открытый колодец или поранить ногу о ржавую жеззку.

– Вот теперь мне ещё страхи! – полусерьёзно-полушутя сказала мама, бросив пылесос и обнимая меня. – Уходите на целый день играть на улицу, а что с вами-не знаю! Треплете вы нам нервы. Бегаете босиком...

Я поцеловал маму и выбежал на улицу. Мама крикнула мне из окна, чтоб я ей через час показался. Я сказал, что прибегу и закачался на качеле. Но то ли она совсем поржавела, то ли сегодня не было настроения качаться, но она подалась вниз, я спрыгнул с неё и окарябал коленку.

Солнце зашло за большое облако и всё вокруг потемнело. Травы и лужи на бетонке тоже стали тёмными. Сухая крапива и тростник закачались на ветру.

Во дворе ко мне опять пристала малышня.

– Серёня, покажи приёмчик! – кричали Славка и Сима.

– Отстаньте, – отмахнулся я. – В клубе надо заниматься.

– Ну покажи приёмчик! – схватил меня за рукав Славка.

– Серёнька! – на меня налетел мой лучший друг Владик.

– Владька! – обрадовался я и обнял друга.

Мы взяли за руки и отправились в отряд. Небо хмурилось тучами, обещая дождь, но зато сегодня в клубе показывали новые мультики!

Танька сосала порезанный палец.

– С вами не соскучишься, – со вздохом сказала она.

– А что случилось? – насторожились мы с Владом.

– Опять малышня на лампочках дралась. Я сейчас собирала.

– Где?

– Да во дворе. Нашли где-то лампы, мушкетёры...

Таня ушла к аптечке и зазвенела пузырьками с лекарствами. Мы с Владом влезли на подоконник и стали ждать, когда соберутся ребята.

– Страшно было? – спросила меня вдруг Таня.

Я дёрнул плечом. Сегодня на утренней линейке об этом уже говорили, а мне до сих пор казалось, что я чувствую едкий запах дыма...

– С каких это пор мальчики стесняются своих подвигов? – усмехнулась она, капая себе на порез йодом. Я заёрзал на подоконнике.

– Ну их эти подвиги! – вырвалось у меня. – Какой-нибудь дурак подожжёт электрощиток, а из-за него беда! Или прогонят мальчишку с гаража, он на крышу дома и лезет, а на крыше всё что хочешь случится.

– Да, это мы упустили, – озабоченно кивнула Таня и вдруг ахнула. – Да ты ободранный весь! Ну-ка стой, я сейчас тебе локоть йодом смажу...

– Ну его этот йод! – нервно дёрнулся я.

– В огонь залезть, чтоб малышей спасти ты смелый! – с лёгким укором и как ни странно с уважением засмеялась Таня. – А зелёнки и йода испугался!

– Смелый! – передразнил Таньку я. – Сам чуть со страху умер...

– Со страху... – задумчиво произнесла Таня. – Со страху люди дрожат, а ты за малышами в самый огонь полез, чтоб спасти.

– Вообще-то я очень боюсь огня, – честно признался я командору.

– Храбр не тот, кто ничего не боится, – наставительно возразила Таня, ласково глядя меня по макушке, – а тот, кто свой страх сумел в себе побороть.

Я не стал спорить и дал Тане обработать йодом царапины. Таня посмотрела на часы и заметила, что ребята опаздывают на линейку.

– Ну её эту линейку, – раздражённо дёрнул плечом я.

– Ладно, – примирительно сказала Таня, взяв меня за ногу и капая йодом на мою коленку и лодыжку, – ты не сердись. Мы недолго будем. У нас в отряде знаешь сколько дел? Я отойду на минуту, не скучайте мальчишки.

Танька ушла, а мы побежали играть. Родичи забрали нас домой, когда на улице уже стемнело, заявив, что завтра мы проспим занятия в отряде...

2

Настало утро, но в отряде и во дворе ещё не успели забыть, сколько бедствий я натворил, и утром я серьёзно решил исправиться и перестать быть уличным мальчишкой. Я решил первым прийти в пионерский клуб, убратся и больше не устраивать бедствий ни в отряде, ни в школе, ни во дворе.

Но из этой затеи ничего не вышло. Мама нашла в моём несчастном дневнике двойку по поведению и сказала, что терпение её лопнуло.

А ещё прибежала Дашка и наябедничала, что я изрисовал фломастерами всю стену бойлерной, написал там плохие слова, а в её подъезде весь потолок закоптил летучками, которые я и не думал пускать.

Мама сказала, что я чудовище, а я, сдерживая слёзы, убежал на улицу.

– Эй, Вьюжанин, ты куда? – догнал меня Димыч. – В школу чтоль?

– Никуда, – сердито дёрнул плечом я.

– Из дому бежишь?

– Тебе-то какое дело?

– Досталось от родичей? – с пониманием спросил Димыч, надувая пузырь из жвачки.

Я снова сердито дёрнул плечом.

– Лупят? – проникновенно заметил Димыч.

– Нас ни разу ещё не лупили.

– Значит без битья обижают?

Я остановился и сердито посмотрел на хулигна.

– Чё ты привязался? – недружелюбно спросил я.

– Да ничего... – пожал плечами Димыч. – Только зря ты убежать собрался. Вот меня мамка и ремнём лупила, и даже сумкой, а я всё равно живой. Мне может больше, чем тебе достаётся, я и то никуда не бегу.

И мне стало стыдно за свою обиду. Димыч врать не будет. Тем летом я видел, как ему попадало от матери. А мне даже подзатыльника ни разу не дали...

– Глупо, – урезонил меня Димыч и тут к нам подбежал Фантомас.

Пёс зевнул и сунул мокрый нос мне в карман.

Мы пошли по улице. Фантомас не отставал и всё совал нос в карман.

– Чё там у тебя? – с усмешкой, осведомился Димыч.

– Котлета, – уже не так сердито буркнул я.

– Ну дай, не жадничай, – озорно сказал Димыч.

– Я и не жадничаю, – обиделся я, достал из кармана котлету, разломил на три части. Одну дал псу, две других слопали мы с Димычем.

За тем съели хлеб и так дошли до гаражей.

– Ну ладно, мне в отряд надо, – потоптавшись, неловко сказал я.

– Выходи сегодня мяч гонять, – предложил Димыч, надувая пузырь.

– Угу, – согласился я и влез босыми ногами в лужу.

Димыч убежал, а я с тревогой думал, влетит мне ещё сегодня или нет...

3

Утреннее солнце заливало улицу, грело нам лица и макушки, сверкало в клубившейся над водой уличного бассейна дымке. Вода была тёплая и так и манила искупаться. Над лесом вставали оранжевые облачные горы, а по синему бархату неба уже чертили белые следы серебристые самолёты.

– Снова кто-то помойку поджог! – бушевала во дворе Лизавета.

– А чё мы сразу?! – ошетилились мы с Владькой.

– Зная вас, я ничему не удивляюсь! – едко фыркнула Лизавета.

– Серёнька не поджегал помойку! – заступился за меня Владик. – Он же сам пожар тушил в школе!

Влад сидел со мной на качеле и наши коленки и локти касались. Я оттолкнулся ногами и мы закачались. Качеля заскрипела.

А помойка слабо тлела, залитая водой мальчишками из пожарной дружинвы.

– Вот к чему приводят ваши игры со спичками мальчишки! – ходила вокруг нас сердитая Лиза, читая нам нотации и поглядывая на слабо дмящуюся помойку. – Все эти ваши дымовухи... Чуть школу не спалили!

– Это не мы, – резко сказал я. – Мы такими штуками не балуемся.

– Серёнь, а покажи ещё раз значок? – с интересом попросил меня Костя Раскатов.

Я сунул руку в карман шортиков и показал значок с золотистым пионером, который тушит синей водой из брандспойта красный огонь. На серебристом фоне внизу было написано:

"Юный огнеборец"

Мне его вручили пожарные на линейке у нас в школе.

– Кто же интересно кинул дымовуху... – задумалась Светка Загremухина.

– Да, – озабоченно кивнула Лизавета. – Может быть Тёмыч?..

Значок гулял по ребячьим рукам, а я снова стал ковырять боялвку.

– Даша приходила, – как бы между прочим заметила Лиза. – Сказала, что ты её достал.

– Дашка меня ещё больше достала! – с чувством ответил я.

– Вьюжанин...

Я раздражённо дёрнул плечом.

– Ну... Серёня...

Я повернулся к вожатой.

– Ну неужели это так трудно и зазорно? – проникновенно спросила она.

– Что? – насторожился я.

– Петь в хоре! – повысив голос, сказала Лизавета. – Просто спеть с ребятами весёлую песенку. У нас же в пятницу такой день...

– Концерт для малышей?

– Да. Так ты пойдёшь в хор?

– Нет, – упрямо отказался я.

– Изверг ты, – простонала Лизавета. – Мучение ты моё, бедствие всей улицы. Ну скажи мне, почему ты не хочешь? Может у тебя что-то случилось?

Я опустил голову и стал смотреть на носки кроссовок.

– Я стесняюсь... – отчаянно краснея, признался я, подняв на Лизу глаза.

– Он видите ли стесняется! – с досадой всплестнула руками Лизавета.

Мы пошли в наш пионерский клуб, но ребят ещё не было и мы как всегда бесились в зале, дожидаясь, когда себерутся весь отряд.

Я сидел на подоконнике и облизывал пораненную во время беготни руку и бросал то и дело взгляд в окно, за которым светило солнце и было весело играть. Жорик носился по залу с половой тряпкой.

– Ну, что у нас плохого? – вошла в отряд Катя.

В неё полетела тряпка.

– Жорик, вот я тебя! – погрозила индикатору Катя.

Не успели мы его уговорить, как в клуб ворвалась ватага ребят.

– Кать, мы робота сломанного нашли! – ликующе воскликнул Лёничик. – Сейчас починим, будет помогать дежурным по отряду!

Катя ахнула и отпрянула к окну. Мальчишки несли в клуб ржавого слабо перемигивающегося индикаторами робота.

– Где вы его нашли? – с оторопью выдавила из себя Катя.

– У высоковольток, где мы убирались, – непринуждённо ответил Лёня. – Он наверное с самой ядерной войны там лежит бедный...

– Мы его починим, – возбуждённо сказала Лёнькина сестрица Алёна, – и он вместе с ребятами будет нести вахты и убираться в отряде!

– Ребята, можно с вами? – попросился я, чтобы Лиза отвязалась.

– Идём, – дружелюбно махнул мне Лёничик.

Внесли робота к электроникам, и началась работа по его оживлению.

4

Позанимавшись с роботом, мы с мальчишками почесали на улице. Мы перелезли забор пошли на задний двор красной школы. Сейчас здесь никого не было и мы лазали по ржавой скрипучей железяке и прыгали с найденным на помойке зонтиком в бурьян, как парашютисты.

Высота была, просто жуть, особенно если смотреть оттуда, но прыгать было весело и страх давно прошёл. Несколько раз нас ловили за этим занятием взрослые. Я влез на вершину и посмотрел на наши дворы.

– Серёня, прыгай, я лезу! – крикнул снизу Даня.

Я раскрыл зонтик, прыгнул и приземлился в бурьян, встал, отряхивая с кофты сухие былинки и снова огляделся. Я дал брату зонтик. Даня полез вверх, а потом тоже спрыгнул вниз. И так мы прыгнули раз пять.

– А вдруг кто-нибудь увидит, как мы прыгаем? – встревожился Алька.

– Кто увидит? – усмехаясь, сказал я, вскакивая на ноги.

– Ну, а вдруг наши вожатые?

– Наши?! Чё им здесь делать, тут вообще не наша школа.

Отряхнувшись, я снова полез на железяку и спрыгнул. Дёмка взял зонтик, спрыгнул следом, и чуть не зашиб меня ногами. С него слетела кепка.

– Это что такое?! – бежала к нам какая-то тётка. – Вы опять с этой штуки прыгаете, поганцы! Из какой школы?

– Шухер, милиция, прячь таблетки! – крикнул Даня, хватая меня за руку.

– Головы-то у вас есть, с такой высоты прыгать?! – не унималась тётка.

Мы бросились бежать сломя голову, вниз по улице.

– Всё равно узнаю, где учиться! – крикнула нам вслед тётка и зашагала к школе, а мы свернули за угол и рассмеялись.

– Ну вы даёте! – с уважением выдохнул Тилька Чуваткин. – Я так бы не смог...

– Да хочешь, мы тебя научим так прыгать? – предложил другу я.

– Сразу конечно не получится, – заявил рассудительный Тим, – а потом сможешь, даже без зонтика.

И тут мы услышали голоса.

– Сил моих нет! – раздражённо говорила тётка, которая прогнала нас. – Уже четвёртый раз застаю их за этим занятием! Прыгают и прыгают!

– Я приму меры, – раздался решительный Дашкин голос.

Мы испуганно переглянулись и нырнули во двор, бросив зонтик.

А на столбе заиграло радио:

"В юном месяце апреле

В старом парке тает снег

И весёлые качели

Начинают свой разбег!"

Утопали в сухом бурьяне запущенные улицы города нашего атомного мира, так что казалось, что никого не осталось. Но откликались ребята из других пионерских отрядов по всему миру. Они выходили на связь и это значило, что планета была жива. Я улыбнулся. Сегодня в отряде "Космос" начнётся такая связь. У них была мощная радиостанция.

У нас её не было и мы шли на сеанс к ним и сидели там до темноты.

Вечером я забежал домой и чуть не стукнулся о велик. Где-то работал приёмник, а по телевизору шли "Спокойной ночи малыши", которые мы раньше не пропускали, звонил телефон, а за стенкой спорили родители.

Спорили конечно обо мне и о том, что четыре дня назад случилось в школе.

– Мама, папа, я вернулся! – крикнул я, вбегая в квартиру.

Из комнаты родителей доносилась песня:

"Такая удача, такое веселье

Если хозяин с тобой!"

"Значит папа уже дома, – догадался я. – Он любит смотреть "Дог шоу", когда удаётся пораньше вернуться с атомной станции..."

– Прибежал, – устало вздохнула мама, – где тебя носит, моя радость?

– Мам, я только попить, – торопливо ответил я, заглядывая в комнату родителей. Так и есть, папа смотрит свою любимую передачу.

"Но такая тоска и такое мученье

Если хозяйка нет..."

– Знаешь, что твой сын натворил в школе, Владик? – нервно спросила мама папу.

– Знаю, – серьёзно ответил отец, ласково ероша мне волосы, – не у всех бы хватило смелости спасти малышей из огня! Мне их вожатая рассказала.

"И можно совсем не бояться мороза, если хозяин с тобой! – играла музыка в телевизоре. – И вытащить даже из лапы занозу, если хозяин с тобой!"

– Сам чуть не помер от страха... – пробормотал я, глядя на свои поцарапанные коленки

– Ещё один такой его подвиг, – простонала мама, – и меня хватит удар!

"Но вечер тосклив, как осенняя муха

Если хозяйка нет..."

Папа стал смотреть телешоу, мама ушла вешать бельё на балкон.

На кухне гремел и подвывал обклеенный вкадышами от жвачек холодильник. Раньше, до того, как я врезался в него, когда зимой гонял по квартире на велике, он гремел потише и не выл вообще. На дверце до сих пор красовалась вмятина от моего велика...

– Серёнька! – вбежал в тамбур Влад, когда я пил. – А Серёнька выйдет?

– Сейчас, он пьёт, – откликнулась мама с балкона.

Зазвонил красный телефон. Мама уверяла, что красным он стал, когда ещё в детском саду я обозвал звонившую нам домой Дашку дурочкой с маком и вонючкой с ванилью. Мама тогда сказала, что телефону сделалось стыдно из-за того, что я так разговариваю с девочками.

Мама сняла трубку с задрожавшего от страха телфона.

– Что, опять все стены разрисовали? – слышался её усталый голос. – Я же вчера всё смыла! Ладно, еду...

– Айда на карусельку! – позвал меня Владик.

– Ага! – улыбнулся я. Мы попили воды и выбежали на улицу.

Не успели мы выбежать в заросший сорняками двор, как нас окатили водой из лужи. Мы завизжали и через миг во дворе уже брызгались все мальчишки и даже девчонки. Весёлая игра захватила всю улицу...

5

Закончив брызгаться, мы двинулись берегом озера. В воде отражалось солнце и жёлтые облака. Солнце светило сквозь ржавые решотчатые башни высоковольток и голые ветки. На берег падали длинные тени. Сверкала дымка над водой и среди деревьев. На плотине играли старшеклашки.

– Илья спрашивал, – задумчиво поглядел Владька на старшеклашек, – можно кого из них к нам, в отряд?

– Миху было бы здорово, – тоже бросив на старшеклашек быстрый взгляд, ответил я. – Или Димыча...

– Миху?! – удивился Влад, взглянув на меня, как на чёкнутого.

– А чё, – хмыкнул я, глянув на старшеклашек. – Илья же сам говорил, чтоб мы их перевоспитывали. К тому же им дома знаешь как достаётся...

Я дал Владу жевательную конфету мамбу и влез на трубу.

– Они хулиганят, потому, что им скучно, – рассудительно сказал я. – Чем им заниматься? А то они устроят чего. Похуже пожара будет...

Влад кинул камень в воду.

– Всё ведь из-за скуки, – увлечённо продолжал я. – Такого можно натворить... А ещё из-за родителей. Димыча мама лупит ремнём. Если бы их всех в отряд, чтобы они дома меньше бывали, где им достаётся...

– Ладно, – вдруг спохватился Влад, – мне домой пора, вечером выйду.

Мы зашагали обратно. Начинались мультики.

– Артём, ты же обещал! – раздался укоризненный Дашкин голос.

– Ты тоже обещала! – выпалил какой-то мальчишка. – Мне надоело уже бармалеев всяких играть! – и передразнил её. – Я злой разбойник, я Бармалей!

– Тёма, пожалуйста, спасай! Никто ведь не сумеет.

– Сумеют. Мальчишек полно.

– Тёма, ну хочешь я тебя от физкультуры и труда освобожу?

Мальчик и девочка начали спорить.

Я вышел из-за дома и увидел их. Это были Тёмыч и Дашка. Дашка уже успела замучить не только нас с ребятами...

– Ладно, но только в последний раз! – нехотя согласился Тёмыч. Он был в куртке металлистов с блестящими на солнце клёпками. – Красная шапочка...

Дашка ушла, вздёрнув нос. Тёмыч вздохнул и привалился к стене дома на берегу озера, там, где klokотала вода, закручиваясь в водоворот.

– Чё, в металлисты записался? – осторожно спросил я Тёмыча.

– Какие металлисты! – отрывисто махнул рукой Тёмыч. – Это костюм Глота с планеты Катрук. Ну из "Алисы" короче. Мне ведь скоро в школе выступать. Будет представление. Я ведь в театральный кружок хожу, с осени...

И отвернулся.

С прошлого лета, когда я проткнул хулигана шпагой, мы старались обходить друг друга стороной. И сейчас я чувствовал неловкость.

– А чё к тебе Дашка пристала? – заинтересованно спросил я.

– Да она ко мне второй день пристаёт, – судорожно вздохнул Тёмыч. – Хочет, чтоб я этого Глота играл... В прошлый раз я был злым роботом... Считает, что я только и нужен, чтоб играть бармалеев всяких...

– А ты бы сам не был бармалеем, – насупился я. – Не обижай малышей...

– Да я давно никого не трогаю! – обиделся Тёмыч. – А все всё равно считают, что я не могу исправиться...

Я смущённо опустил голову.

– Прости, – попросил я. Не хотелось мне обижать Тёмыча. – Дашка вредина, мы ей крысу подсунем. Она их знает как боится!

– А... – расстроенный Тёмыч махнул рукой. – Её не переспоришь. А тебе хотелось бы выступать?

– Я стесняюсь... – честно признался я. – Меня в хор агитировали вступить, так я песню позабыл, когда мы пели. А потом я с ними больше не связывался.

– А что за песня? – поинтересовался у меня Тёмыч.

– Да помнишь, мы пели в школе той весной? Про всяких там двоечников и прогульщиков, шпарталочников. Ну короче про неучей.

– А-а-а, – неопределённо протянул Тёмыч, улыбнулся, и из хулигана, сразу превратился в обычного мальчишку. – И как? – заинтересовался он. – Ругались наверное, за то, что ушёл?

– Не, – небрежно мотнул головой я. – Просто сказали, что я несознательный и вклеили двойку по поведению...

Мы пошли к молодёжному клубу "Энергетик" и влезли на бетонный заборчик, под которым росли молодые лопухи и крапива..

– Серёня! – позвала меня из окна мама. – Домой сейчас же, гулёна!

– Ну вот... – вздохнул я и невесело опустив голову, провёл ногой по пыли. – Тём...

– Чего?

– Давай дружить, и чтоб больше не драться, а?

– Ну давай! – просиял Тёма и несмело, но дружелюбно улыбнулся.

С минуту повисло неловкое молчание. За тем мы посмотрели друг на друга и обнялись как друзья, которые никогда и не ссорились.

– Не верь никому, что ты бармалей, – дружески посоветовал я Тёме. – Ты хороший!

И побежал домой, обрадованный тем, что смертельный враг стал другом.

6

Я ушёл показаться маме, а потом побежал на пустырь. Там, под балконами трёхэтажки и в трещинах в асфальте пробивалась молодая травка, кустики крапивы, лопухов и матыма-чехи. Я срывал их, жмурясь от бьющих в глаза солнечных лучей и наступая на тёплый асфальт босыми ногами.

– Для гербария собираешь? – появилась откуда ни возьмись Светка Крапива.

– Угу, – простодушно кивнул я. – А ты чего здесь?

– Я здесь рисую.

– Покажи!

– Пожалуйста.

Я посмотрел. На асфальте цветными мелками были нарисованы девочки, красивые домики, самолёты и сказочные звери.

– А можно с тобой? – с лёгкой неловкостью спросил я Светку.

– Ага! – обрадовалась Светка и дала мне мелки.

Нарисовали вдвоём крокодила. А потом лицо плаксы Ромика. Очень похоже получилось. Я хотел приписать к нему пару плохих слов, но Светка была девочкой, а при девочках говорить и писать плохие слова было нельзя.

– Чё делаете? – к нам подошли Тим и Ваня Спицын.

– Рисуем! – жизнерадостно сообщили мы со Светкой.

Вчетвером рисовать стало веселее.

– Пацаны, айда за мной! – к нам подошёл звёздочка отряда Сашка Жариков. – Дело есть.

А дел было много. Мы собирали металлолом и другой хлам, накачали воду из водопровода и хорошенько полили из шлангов высаженные нами прошлой весной деревья. Закончилось это костром, и в него покидали всякий мусор, который нашли на лужайках и на задних дворах у леса. Мы развели его на берегу пожарного пруда рядом с лесным забором, где лежала зыбкая тень.

Мы сидели у костра приткнувшись друг к другу, слушали приёмник и разговаривали. Я мечтательно смотрел на пятиэтажки вдали.

– Газировку будете? – спросил Тим, протягивая нам лимонад.

– Ага! – обрадовались мы с ребятами.

Когда костёр потух, мы пошли к молодёжному клубу "Энергетик" и заспорили, какие мультики будут показывать на детском сеансе.

А спустя час, после сеанса, мы шли по улице и шлёпали поцарапанными в уличных играх босыми ногами по лужам...

– Какие же вы грязнули! – неодобрительно фыркнула Катя.

– Не-не-не! – передразнили мы вожатую и обрызгали её водой.

А утром мы играли в каплашки возле бойлерной.

Лизавета ещё раз попыталась меня подловить, чтоб я пел в пионерском хоре и выступал в пятницу вечером. Я спасался от неё бегством...

А весна всё больше гнала холода. Солнце запуталось в ветках, на которых уже распустились почки. Пахло тополями, в лужах плавала пыльца с ёлок, желтела матымачеха, зеленела трава и лопухи в стыках бетонных плит.

– Мальчики, завтракать! – позвала нас с Тимой и Даней мама.

– Щас! – откликнулись мы, вылезли из лужи и пошли мыть руки.

Мама дала творога. Я его терпеть не мог, но тут у меня возникла идея. Я тихонько сбегал в комнату и прибежал на кухню с пистолетом, который стрелял маленькими шаприками. Съев немного творога, я запихал остатки в пистолет.

– Поели? – это вернулась мама.

– Угу! – невинным голосом ответил я.

Мама объявила, что мы можем гулять. Я выбежал на улицу.

– Куда стрельнём? – озорно улыбаясь, спросил Даня. – В столб?

– А давай кому-нибудь окно залепим? – подал идею Тим.

– Не, так не интересно, – возразил я братьям.

Мы гуляли по улице. Навстречу шёл управдом, ведя за ухо мальчишку.

– Отпусти! – отчаянными слезами хныкал Лерка. – Пусти, я больше не буду!

– Отпусти его, ты, щека порванная! – встал я на пути управдома.

– Ты как со старшими разговариваешь?! – оборвал меня управдом.

Они прошагали мимо. Я подбежал и пнул управдома по мягкому месту голой ступнёй.

– Ах ты паршивец...

Но он не договорил. Я поднял пистолет и залепил Леркиному мучителю всё лицо творогом. Управдом вскрикнул и отпустил малыша.

– Сматываемся! – крикнул я, хватая Лерку за руку.

Мы дали дёру и остановились только на нашей улице.

– А чего он к тебе пристал? – удивлённо спросил я Лерку.

– Я ему окно разбил, – виноватым голосом ответил Лерка. – Я не нарочно... Мы играли, я пнул мяч, а он ему в окно, как стукнет!

Лерку позвали ребята, а мы зашагали к озеру.

– Пепси хочется! – засопел Тим, когда мы шли мимо молодёжного клуба.

– Давай по мороженному? – предложил Даня.

И как раз раздался скрип тележки мороженщицы. За ней уже шли весело гомонящие и звонко смеющиеся ребята.

– Ты вода! – озорно хлопнул я Тима по плечу и побежал.

И мы помчались за мороженщицей по лужам, жёлтым от ёлочной пылицы, не боясь, что промокнут ноги в расхлябанных кроссовках...

7

Пепси не было, зато каждому досталось по пломбиру. Но морожница сказала, что где-то по проспекту сейчас ходит девушка и наливает всем ребятам газированную воду с сиропом, и если мы поторопимся, то можем её догнать возле института. Мы решили тут же бежать на аэробус, чтоб быстрее домчаться до института, и в этот миг во дворе нас поймала мама.

Вид у неё был серьёзный и решительный...

– Мальчики, – серьёзно сказала она, – идём в "Детский мир", посмотрим вам кроссовки, а то вы вон во что старые превратили.

– Не, – запротестовали мы с братьями, – нам и в этих нормально.

– И такими чучелами я вас отпущу в школу? – не терпящим возражений голосом проговорила мама. – Вы что, опять по лужам бегали?!

– Ну мы просто торопились... – виновато протянул Даня. Мама застонала, а через пять минут мы сели на аэробус и вскоре остановились у "Детского мира" и невольно засмотрелись на витрины с ракетами, самолётами и роботами.

– Идём-ом, – с ласковой улыбкой потянула нас за руки мама, – если будете себя хорошо вести, возьму вам по роботу.

– А точно возьмёшь? – с надеждой спросил Тим.

– Возьму. Или вы что-то другое хотите?

– Ну... – замялся Тим. – Человека-паука, как у Андрюхи!

– А мне динозавра! – подхватил Даня.

– А мне чубрика-фломастера! – попросил я.

– Чтоб вы потом на стенах рисовали?

– Честное пионерское, это не мы!

– Ладно, возьму мальчики.

Это немного обрадовало. Мама дарила нам маленьких пластмассовых роботов за хорошее поведение. Этих роботов можно было вешать на шею, а если отвинтить им голову, получался фломастер.

– О, что-то вы зачастили к нам! – встретила нас продавщица.

– Да, – весело хмыкнула мама, – не успеваю брать им кроссовки. То они убьют их, да так, что склеить нельзя, то просто из них вырастают...

Мама нашла нам новые кроссовки, но тут Даня законючил, что хочет те белые, с огоньками, потому, что у всех ребят во дворе такие.

И мама взяла, бормоча под нос о том, что такие кроссовки превратят нас в стилиг, но мы клятвенно обещали маме, что стилигами не станем.

Самим противно!

А девушку-сиропщицу мы поймали возле большого уличного бассейна с фонтанами в виде лягушек на кувшинках перед спортивной школой. Сиропа осталось на один стакан, но нам хватило и его. А во двор мы вышли в новых кроссовках на голые ноги и с новыми игрушками.

– Пацаны! – к нам бежал разгорячённый и взволнованный Влад. – Сейчас в клубе "Приключения Электроника" крутят!

– Где? – оживился я.

– Да в "Энергетике", новая серия, – горячо сказал Владька, – бежим скорее, уже начинается!

И мы побежали в молодёжный клуб. Вышли через два часа и нас загнала домой мама. А вечером я первый вышел на улицу.

Мама велела мне выбросить мусор.

– Сыграем в ножички? – подошёл ко мне Владька.

– Ага, – сказал я, доставая из рукава перочинный ножик.

Но долго играть не вышло. Поднялся сильный ветер, а потом ни с того ни с сего хлынул сильный холодный дождь.

– Бежим ко мне! – крикнул Влад, решительно потянув меня за руку.

Десять минут мы ждали, когда кончится дождь, а потом вышли на улицу.

Я пустил в воду пробку и её понесло потоком вниз. Влад тоже пустил свою, и мы побежали за ними.

И слепящее солнце, отражавшееся в лужах и на плитке домов, и вода, словно уносили грусть и тревоги. А ветер обдувал нас холодным запахом весны.

Глава VIII

Враг не уйдёт

1

На следующий день, после мультиков, я вышел во двор самым последним, попросился к игравшим в прятки ребятам и конечно же стал водить, а во дворе мне были известны все закоулки и я быстро всех нашёл.

Мы погоняли мяч. Я побежал домой попить.

– Мальчики, спасайте! – к нам прибежала взволнованная Лизавета. – Жорик хулиганит и дразнится! А нам клуб убирать.

– А ещё вожатые! – с укором ответил я и мы с ребятами побежали в клуб.

– Сегодня вы рано, – встретила нас Катя. – Скоро жить будете в отряде.

– Мама так и сказала, – ответил я, жизнерадостно улыбаясь, – чтоб я здесь оставался жить, а то от меня одни бедствия.

– А как в школе, с учёбой? – сощурилась Катя.

– Арифметику не выучил, – честно признался я, влезая на подоконник, – а то спросят и влепят единицу!

– В огонь полез без страха, – засмеялась Катя, – а единицы испугался! И пожар тушил, и малышей спас...

– Это я от испуга... – пробормотал я, смущённо глядя себе под ноги.

– Ладно, пожарный, – примирительно сказала Катя. – Жди, сейчас ребята прибегут и начнём. И индикатора не видно, как бы он чего не натворил...

Жорика нашли быстро. Шаловливый индикатор скакал по шкафам и шваброй выметал пыль нам на голову.

– Мы хотели его научить, – виновато сообщил Лёня, – чтоб он нам убираться помогал, а он сначала гонялся за мухой и разбил лампочку...

– Во псих! – рассмеялся я, вспомнив, как Жорик прошлым летом тоже гонялся за мухой. – Жорик, слезай сейчас же, а то разберу на транзисторы!

Жорик не слез, а продолжал дразниться.

– Муха улетела, а он влез на шкаф, – вздохнула Алёна, – и сметает пыль нам на голову, да ещё и дразнится!

Жорика мы ловили по всему отряду и в наказание поставили в угол. За тем мы быстро убрались в клубе, вымыли полы под музыку из радиоприёмника, который скакал вместе с нами по залу, сели на нагретый солнцем подоконник и стали мастерить самолёт.

Солнце висело над крышами пятиэтажек. На полу и стенах с рисунками звездолётов, космонавтов и планет, с пионерскими плакатами, знаменем, транспорантами, и большой картой мира дрожали тени.

Я побежал к ребятам. Они возились с велосипедом.

– Ух ты, это ваш велик?! – спросил их я. – Дадите прокатиться?

– Не, – захихикал Тяпа Михеев. – Мы у одного пацана стащили!

– Зафиг?

– А так ему и надо! Мы просили у него лединец, а он не дал.

– И ногами ещё пинается!

– Ща он такой выйдет, сядет на велик... – сказал Тяпа и затрясся от смеха.

– Костей не соберёт! – злорадно хмыкнул Стасик.

Я насторожился, внутри у меня всё похолодело, ведь пацан, у кого они взяли велик, может так грохнуться с него, что загремит в больницу на неделю.

Но не успел я кинуться на них и дать им по шее, как раздался крик:

– Ребята, срочно дайте велосипед!

Мы испугались, но это бежала к нам Дашка.

– Мальчики, я одолжу его у вас, а? – спросила Дашка. – Мне срочно в школу надо на педсовет, а я с девочками заговорила.

– Бери... – оторопело сказал Тяпа.

– Спасибо мальчики! – обрадовалась Дашка и села на велик. – Верну через час!

И поехала по улице...

Не успел я крикнуть Дашке, чтоб он слезла с опасного велика, как полетело в сторону заднее колесо, отвалился руль и вожатая с треском и звоном загремела в канаву. Только ноги сверкнули в сухой крапиве.

– Мотаем отсюда! – крикнул Стасик и они с Тяпой исчезли за углом.

Я бросился напомощь вожатой. Насилу вытянул из канавы.

– Что ж вы хулиганите, обормоты?! – стонала она. – Я же чуть не убились!

– Велик был сломан, – соврал я. – Они его портили, а тут ты... Я даже не успел тебе крикнуть, чтоб иы на нём не ехала...

И сам сморщился от досады. Хулиганов-то я не отлупил...

А ещё тот мальчик придёт, спросить, что с его великом. А я был с этими гадами и теперь все ребята скажут, что я вместе с ними портил велик.

Я отвёл Дашку в поликлинику, а сам вернулся во двор, сел на качелю и хотел зареветь от отчаяния.

– Серёнька, ты не видел, кто мне велик сломал? – окликнул меня Никита Мухоморов.

Я не знал, что и сказать. Как я мог ему объяснить, что не портил его велик?

– Это он Никитос! – крикнул бессовестный Стасик. – Это он твой велик сломал!

И рассказал, как всё было. Стасик врал так убедительно, что Никита ему поверил и мы чуть не подрались. Я был так подавлен, что чуть не заревел. Не ожидал я такого вероломного предательства!

– Если чё, можешь с нами теперь играть! – сказал Стасик и убежал, довольный тем, что поссорил Никиту и меня.

Никита перестал разговаривать со мной

– Я думал мы друзья, а ты... – с болью сказал он и плюнул в пыль.

Я закрыл лицо руками.

"Лучше б он мне по шее надавал! – с отчаянием подумал я, когда Никита ушёл, пыля по бетонке. – Ну гады, я вам вделаю!"

Хулиганы ушли, а я остался во дворе, глотая слёзы.

– Серёня! – догнали меня Тим и Данька. – Серёнька, ты чего?!

– Со мной всё нормально, – соврал я.

– Айда с нами, – Тим взял меня за руку. – Вожатые нас убрать просили.

Я нехотя пошёл, хотя идти в клуб не было никакого желания. Не потому, что я боялся сбора, на котором все узнают, что я наделал. Никита не такой человек, чтобы жаловаться и ныть зря. Просто тошно будет и стыдно перед другом и ребятами. И никто не узнает, что я не ломал велик...

2

В отряде было много хлопот с шаловливым индикатором. Он прыгал, дразнился и пролил ведро с грязной водой, когда дежурные мыли зал. А потом с грязной тряпкой носился за малышняй, как в игре в заразки. А когда занятия закончились, мы с мальчишками разошлись по домам смотреть мультики или читать заданные на каникулы книжки. А дома меня ждал сюрприз.

– Серёнька, а у нас гости! – воскликнул, вылетая в тамбур Тим, и я увидел улыбающееся лицо нашей тёти Кати. – Мы уже хотели тебя искать!

– Здравсте! – сказал я тёте и улыбнулся. – А вы к нам надолго?

– Нет Серёнечка, только до утра, – улыбнулась тётя, обнимая и чмокая меня в макушку. Когда она улыбалась, у неё были те же ямочки на щеках, как у нашего папы и у меня с братишками. – Я хочу на недельку оставить у вас Владю, а то я улетаю в тайгу, а его не на кого оставить, просто беда. А он и так целыми днями во дворе, того и гляди беспризорником станет...

Владя был наш двоюродный младший братишка. Нам скоро будет двенадцать, а ему ещё только девять. Владя здорово походил на нас, только глаза у двоюродного братишки были не зелёные, а карии. Он выглядывал в тамбур, поджимая ноги с непривычки на холодном кафеле.

– Привет! – улыбнулся я братишке. – Игрушки наши видел?

– Нет ещё, – мотнул головой Владя.

– Айда покажем! – сказал я и снова обнял тётю Катю, согнув одну ногу.

– А вырос, – заметила тётя. – Чем ты его кормишь, Регина?

– Вот именно, что в него только силой что-нибудь запихнёшь! – иронично фыркнула мама, бросив на меня выразительный взгляд. – Я их троих не могу увести со двора, чтоб хотя бы поели. Каждый раз с боем! Малоешки...

– Давно босиком бегаешь? – спросила меня тётя Катя.

– Так жарко же! – жизнерадостно улыбнулся я.

– Это тебе, – тётя Катя дала мне игрушечный вертолёт.

– Серёня, айда Владе наш змей покажем! – крикнул из комнаты Даня.

Мы пошли смотреть змей.

– У нас пионерский отряд тут, во дворах, – сообщил я Владе. – Сегодня поведём тебя туда, посмотришь, чем мы занимаемся.

– Безобразиями вы занимаетесь! – нравоучительно сказала мама.

Но долго мы в комнате не просидели, устроили возню. Владя тоже знал приёмчики, и возня была весёлой.

– Вот что, мальчики, выметайтесь гулять и играйте на улице! – накинулась на нас мама, когда шум от нашей возни разлетелся по всей квартире. – Вы весь дом раскурочите своими играми!

– Айда к ребятам! – предложил я, усаживая Владю себе на закорки.

Владя завизжал от восторга и мы вылетели в тамбур. Мы показали братишке, как надо слетать по перилам вниз, и вылетели на улицу.

3

Вечером мы с мальчишками примчались к нам во двор из пионерского клуба взволнованные и радостные. Сегодня у ребят нашего отряда соревнования по каратэ среди пионеров, в спортивной школе на проспекте!

Тим первым влетел в тамбур. Даня чуть не сбил со стены санки, а я влетел в них, и мы завозились на полу. На шум возни и наши возгласы пришла мама и заявила, что своим безобразием мы подаём плохой пример ребятам.

– Вымойте руки, мальчики, и идите есть, – велела нам мама. – И оденьте другие кроссовки, а то эти вы уже совсем измачалили.

– Мам, нам некогда, – нетерпеливо сказал я, – у нас соревнования через час, нас ребята ждут...

– Знать ничего не знаю, – отрезала мама, – вы и так весь день не ели.

Мы помыли руки и побежали в комнату.

– Ну как, понравилось у нас в отряде? – откликнул я Владю.

Владя сидел на подоконнике и играл с котёнком. Мурзик прыгал за солнечным зайчиком, сваливая расставленные на подоконнике мелкие игрушки.

– Ещё бы! – горячо ответил Владя. – А вы куда сейчас бегали?

– Мы малышами занимались, – бесхитростно ответил я. – Они там такое устроили!

– Идите есть, мальчики, – позвала нас мама.

Мы нехотя сжевали по котлете, выпили компот и пошли играть в детскую.

– Мальчики, – вбежала к нам Лизавета, – собирайтесь, скоро соревнования.

– Мам, можно Владя с нами пойдёт? – попросил я маму.

– Хорошо, только следите за ним, – согласилась мама.

– Айда с нами! – улыбаясь, позвал я Владю. – Сейчас такая заваруха начнётся!

– Выметайтесь пираты, – снисходительно фыркнула мама. – Тима, Даня, где вы покарябали локти и коленки? И во что вы превратили свои рубашки? Ну-ка идите сюда! И не надо вздыхать, это совсем не больно.

Тим как всегда заныл, что мама вечно к нему придирается. Данька больше молчал, но сопротивлялся не меньше брата.

Наконец мы вылетели в тамбур.

Владя лихо скатился по периллам вниз.

– Ну вот, а ты боялся! – обрадованно сказал я Владе.

Мы вышли на улицу.

– Привет, братишки! – подошла к нам весёлая Сашка Панкина.

– А как ты узнала, что мы братишки? – сощурился я.

– А он на вас очень похож, мальчишки, – проникновенно ответила Сашка с интересом изучая Владю. – Двоюродный?

– Ага, – недоверчиво глядя на Сашку, подтвердил Владя. – Серёня, а что это за девочка?

– Да ты её видел, – улыбнулся я Владе. – Она наша, из отряда.

– Смотрите, что она с нами сделала! – вылетели на улицу Тим и Даня, и показали перепачканные йодом коленки и локти.

Сашка прыснула. Владя засопел. Он тоже боялся йода.

– Айда в отряд, – поторопил я Владю, взяв его за руку, – наши наверное уже собрались...

На соревнованиях я как-то сумел побороть всех ребят и последний мой бой был с большой девчонкой лет четырнадцати. Девчонка была сильная, но не такая быстрая, как я, и мне то и дело удавалось ударить её ногой.

– Ну-ка дай ей! – подбадривал меня Владик.

– Бей же, чего ты стоишь? – подбадривала девчонку Катя.

– У тебя ноги длинее, держи его на расстоянии! – советовала девчонке Таня.

Но девчонка не могла меня достать и получала очередной удар. Я крутнулся на мыске и влепил ей пяткой в бок, увернулся от её ноги, согнул свою и вделал ей ступнёй по щеке, за тем по носу и наконец она упала.

– Вьюжанин, ты победил! – обрадованно воскликнули ребята.

Девчонка кое-как встала, и мы поклонились друг другу.

– Ну Вьюжанин, ты мастер! – обрадованно воскликнул Илья.

Я получил первое место в соревнованиях и золотую медаль с почётной грамотой, а ещё замечательный заводной танчик, и впервые вожатые сказали, что я вовсе никакой не баловник.

– Здорово было, правда? – спросил я Владю, ласково взъерошив ему волосы.

– Угу! – улыбнулся Владя, и влез в лужу. За ним влезли Тим и Даня.

Я тоже влез в лужу и началась весёлая борьба.

И кончилась она тем, что наши ноги переплелись и мы упали в лужу, посмотрели друг на друга, задрыгали ногами и весело рассмеялись.

4

На дворе был сухой и тёплый апрельский вечер. Над телебашней висела розовая луна, солнце бросало красноватые отсветы на заростающий молодой весенней травой сухой бурьян. У железнодорожных путей поднималась сухая полынь. Мы шли по откосу, кидали на рельсы камни, пару раз обстреляли товарняки и возвращались на нашу улицу.

– Как ты их всех пятками отлупил! – с уважением сказал мне Владя, вспоминая соревнования. – Научишь?

– Если будешь себя хорошо вести, – сказал я братишке Лизкиным голосом.

– Чесное ноябрятское!

– Да ладно, научим, не бойся.

Впереди показался полустанок из бетонных плит. На полустанке сидели двое парней в рубашках и рваных джинсах-клёшах. Один был белобрысым, другой рыжим. Они пили из бутылки.

– Опять эти стилиаги! – фыркнул Тим, неприязненно глянув на парней.

– Дураки, – с чувством сказал я, – нашли, где пить эту гадость!

– Пойдём быстрее, а то мама опять ругаться начнёт, – поторопил нас Даня. – Мы и так два часа не показывались...

Рыжий стилиага встал и направился к рельсам. А к полустанку двигалась электричка. Качались и стучались друг о друга провода, звенели рельсы.

– Чё он гикнулся, чтоль?! – воскликнул я. – Его же поезд размажет...

А им навстречу вышла какая-то большая девушка в джинсах, в беретике, из-под которого свешивались две рыжие косички. Махнула рукой и зашагала к полустанку. И вдруг встала на путях.

– Ребята, помогите, я застряла! – в испуге крикнула она парням.

– Выбирайся быстрее, поезд рядом! – крикнул они.

– Я застряла! – захныкала девушка.

– Хватит прикалываться, лезь к нам! – закричал белобрысый парень.

Они звали её, но с места не тронулись, только ещё дальше отошли от края платформы, а девушка уже плакала. У меня сердце заглохло от страха.

"Ссыкло! – скривился я от отвращения. – Чё они встали и смотрят?!"

А стучавшая по рельсам электричка была совсем рядом, засигналила протяжным, зычным зловещим гудком, но девушка не двинулась с места, дёрнула ногой, не смогла ступить и шага, и упала.

– Юлька! – воскликнул я, вдруг узнав девушку.

Парни что-то кричали ей, а Юля пыталась освободить ногу.

– Юлька, беги, поезд! – крикнул я, бросаясь к полустанку.

– Не могу! – в панике крикнула Юлька, а электричка двигалась на неё и подавала гудки, а за тем раздался скрежет.

Электричка тормозила, но не смогла сбивить ход и неслась на Юльку...

– Серёнька, ты куда?! – судорожно крикнул Данька.

Я выскочил на пути, обхватил Юлю руками, дёрнул, но ничего не вышло.

У меня стучало сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди от охватившего меня страха. Никогда я ещё так не боялся, даже, когда лазал на заклиневшее колесо обозрения. Сейчас поезд раздавит нас в лепёшку...

– Быстрее, она уже рядом! – крикнул Тим, хватая Юльку за руки.

Даня схватил девушку за ногу. Она застряла между рельсами. Даня дёрнул её, а поезд уже подъезжал к полустанку.

– Владя, беги! – крикнул я двоюродному брату, который пытался дёрнуть застрявшую девчачью ногу и мальчик улетел в канаву.

– Ну же! – мы рванули что есть мочи и Юлькина нога выскользнула из кроссовка.

Над нами нависла кабина поезда, но мы бросились в сторону и полетели в канаву, в тот самый миг, как электричка с шумом прогудела по рельсам.

Солнце просвечивало сквозь окна. На нас смотрели бледные лица перепуганных пассажиров.

Электричка пролетела, исчезла вдали и мы вылезли из канавы.

– Мальчики, вы... – отрывисто произнесла Юлька, и поцеловала нас.

Мы с мальчишками обалдело переглядывались. Поцелуи мы считали девчачьими штучками, но сейчас даже плевать не стали. Я полез на пути и принёс девчачий кроссовок.

– Вот, ты потеряла, – дрожащим от напряжения голосом сказал я Юльке.

– Спасибо мальчишки... – нервно икнула Юля и сунула ногу в кроссовок и тут к нам вылез зарёванный Владя. – Ой, это кто тут такой маленький?!

– Живы! – всхлипнул Владя обхватил нас руками и прижал свою голову мне к груди, вздрагивая от всхлипов. – Я думал он сбил вас насмерть!

– Тихо ты, не реви, – ласково погладил я Владю по стриженной макушке.

Владя немного успокоился. Мы вылезли из канавы и зашагали к полустанку.

– Юлька, иди к нам! – свистнули девушке парни.

– Гуляйте! – неприязненно глянув на парней, сказала им Юля.

– Юль, ты чё?! – удивились парни. – Пошли гулять!

– Я с трусами не гуляю! – беспощадно сказала им Юля.

Парни остолбенело глядели на девушку. Юля потянула нас за руки и мы прошли мимо, пересекли рельсы и нас отрезала от них другая электричка...

5

Юля привела нас на свою улицу, по которой шли высоковольтки. Мы взяли с неё честное комсомольское, что она не разболтает о случае на железной дороге никому, ведь тогда нам влетит и от мамы, и от вожатых. Девушка засмеялась и обещала не рассказывать. Владя тоже обещал не молчать маме, что с нами случилось, но вышло так, что мама уже знала о случившемся.

– Изверги вы, мальчишки! – в который раз с чувством сказала она, дрожащей капая себе варельянку. – Моё наказание!

Мурзик крутился у неё под ногами и мяукал. Ему тоже хотелось хоть капельку, а мама заявила, что к ней приходил сосед-машинист, который не просто видел нас на железной дороге, но и чуть нас не сбил.

– Вы опять там гуляли и безобразничали? – отрывисто спросила мама.

– А что мы сделали? – ошетинился я.

– Играли, – робко признался Тим.

– Камнями в поезда кидались? – посуровела мама, которая знала, что за нами водится такое хулиганское развлечение. – Вон какие длиннющие выросли, а всё балуетесь, как маленькие!

– Они не баловались, – вступился за нас Владя.

– А ты не питюкай, – осадила его мама. – Катя ещё не знает, в какие игры ты здесь играешь. А с этими разбойниками надо осторожнее.

Мы сидели на подоконнике, болтали ногами и изучали свои успевшие перемазаться в грязи коленки.

– Ну, что молчите? – с осуждением спросила нас мама.

– Мы больше не будем... – виновато промолвил я.

– Слышала это от вас уже не раз, – сухо сказала мама. – Я бы вас оставила дома до конца каникул, но это бесполезно... Опять сбежите.

– Сбежим! – хитро глядя на маму, подтвердил Тим.

– Ну, что у нас плохого? – сказал отец, входя в тамбур.

– Знаешь, Владик, что твои дети начудили? – ироническим тоном поинтересовалась мама.

– Уже слышал от вожатой, – улыбнулся отец и на щеках его заиграли ямочки, как у нас с Тимой и Даней. – Они её спасли из-под колёс электрички...

Но было видно, что он сам побледнел от страха.

– Девочки все одинаковые, – с досадой вздохнул я, плюнул себе на коленку, и стал тереть. – Язык за зубами не держат...

– В храбрости нет ничего зазорного, – значительно сказал отец, обнимая нас.

– Если б они так же храбро ели! – кисло заметила мама. – Вчера утром я им творог дала, а Серёня взял и выстрелил им в управдома!

Мы ушли в свою комнату. Родители включили телевизор. Мы устроили возню, но прибежала мама и разняла нас.

– Чему вы учите младшего братишку? – язвительно спросила нас мама.

– Честное пионерское, ничему хулиганскому.

– Сомневаюсь...

– Сдаёшься? – хитро глянул на маму Даня.

– Выметайтесь гулять, – сказала мама, выпив варельянку, – и смотрите, чтоб через час показались! И без бедствий.

– Улица может спать спокойно! – засмеялся я, ероша Владе волосы.

– Пока вы сами не спите, – проворчала мама, – ей ложиться рано...

– Почему это?

– Не безопасно.

Мы засмеялись, обняли маму и побежали на улицу.

– Айда в отряд, – предложил я. – Сейчас Лёнька дежурит. У него пылесос живой есть, здорово, да? – подмигнул я Владе. – Он такое выкомаривает!

Лёня и правда дежурил, воевал с роботом-пылесосом Тошкой, но в отряде он был не один...

– Что вы натворили? – встретила нас Танька.

Весь день она где-то ходила и нами занимались вожатые.

– А чё сразу мы? – запротестовал я.

– А кто чуть под электричку не попал? – с нажимом спросила Таня.

– Юлька проболталась? – насупился Тим. – Девчонки все одинаковы!

– Какая Юля? – спросила Таня и нахмурилась.

– Девчонка, большая, из осоавиахима.

– Зато вы, мальчишки вечно ищите приключения, – фыркнула Таня и пошла капать себе варельянку. – Я уже хотела сюда, к вам, а меня догоняет машинист, и говорит, что вы чуть под поезд не сыграли.

– Баловались как всегда? – подошла встревоженная и бледная Катя.

– А вот и не баловались! – возразил маленький Владя. – Они Юлю спасали, от электрички! У неё нога застряла, а они её спасли!

– Это правда? – повернулась к нам Таня.

– Не баловались мы, – машинально сказал я и стал тереть коленку.

Таня рассмеялась и взъерошила мне волосы.

– Ладно, играйте, – снисходительно разрешила она. – Лёня, угомони ты свой пылесос, а то от него столько шума!

– Как его угомонишь? – раздался усталый Лёнькин голос. – Он же играть хочет!

Но на улице нас ждала неприятность. У входа в наш отряд о чём-то бубнили тётки из уличного комитета и местный управдом.

– Вот они! – воскликнул управдом, тыкая в нас пальцем. – Кто-то из них мне творогом в лицо и стрельнул!

– Кто, опять они? – выдохнула низенькая, толстая тётка в очках.

– Да врёт он всё! – воскликнул Тим. – Не стреляли мы!

– Слышит звон, да не знает, где он! – воскликнул Даня.

Тётки подняли крик, но мы показали им язык и убежали играть в маялки.

Играя в маялки, мы успели переполошить всю улицу, но тут прибежали ребята и сказали, что пылесос опять сбежал и безобразничает где-то во дворах, и мы побежали его

искать. Нашли его у девятиэтажки. Он гудел и засасывал бельё, а рядом вопила, как сиреня тётка и отчаянно пыталась выдернуть из него простыню. И кое-как справившись с пылесосом, мы отняли у него бельё. Но узнав, что пылесос наш, тётка накинулась на нас и обозвала хулиганами. И тогда уже мы спасали озорной пылесос от неё и побежали к бойлерной.

У статуи пионера, возле нашей школы крутились хулиганы. Миха расстегнул ширинку и под общий хохот своих приятелей написал на ногу статуи. Я решительно подошёл к нему и дал коленкой в ногу.

– Ай! – вскрикнул Миха и осел на землю.

– Ещё раз такое сделаешь, – угрожающе сказал я, – я так вделаю, что у тебя мозги из носа полезут!

– А ты догони! – воскликнул Андрюха Квакин и демонстративно налепив жвачку статуе пионера на нос, отбежал в сторону.

Старшеклашки бросились бежать и мы бы их отлупили, если бы не Дашка, которая накинулась на нас и начала орать, как сирена...

А на следующий вечер мы собрались во дворе играть в чикку.

– Мальчики! – поймал нас с Тимой, Даней и Владей вожатый Илья. – Таня срочно в отряд зовёт на линейку.

– Опять? – недовольно простонал Тим.

– Это не мы! – машинально вывернулся я.

Илька засмеялся и успокоил, что нас ругать не будут и велел одеть пионерскую форму и разгладить пионерские галстуки, вернее те красные мочалки, которые мы носили уже несколько нелель, как неряхи.

Во дворе клуба уже собрались все ребята из нашего отряда.

– Они пришли! – обрадованно возвестил Владик Сакурин.

– Вон они, герои, – иронично фыркнула Светка Загребумкина.

– Это они? – спросила Таня девушку в целинке и берете. Это была Юля.

– Они, – улыбнулась Юля.

– Вьюжанины, выйти из строя, – с нажимом велела нам Таня.

– А чё мы сделали? – вырвалось у меня.

По строю ребят прокатился дружный смех.

Таня заявила, что никто нас не станет наказывать, а наоборот, мы четверо получаем по пионерской медали за отличие.

Илька подошёл к нам и прицепил к нагрудным карманам блестящие медали с мальчишкой в будёновке. Вот этого мы совсем не ждали!

– Вчера трое ребят и их маленький братишка возвращались с соревнований, – торжественно объявила Таня, – и увидели, девочку, которая попала в беду. С ней были два её друга, они были совсем большие, учились в институте. Но её друзья струсил. А девочка могла погибнуть и тогда мальчишки бросились на помощь и спасли её от ужасной гибели.

Ребята в строю зашумели. Многие радовались и махали нам, другие смотрели с изумлением, третьи с завистью...

– А я вас уличным бедствием называла! – виновато сказала Лизавета.

– И беспризорникаками! – вторила вожатой Светка Загребухина.

– И уличными пиратами, – улыбнулась Ксюха Гордеева.

Линейка окончилась и мы пошли гулять.

Я бежал домой, отнести медаль. Мы собирались играть в футбол и во время игры медаль запросто можно потерять.

На трубе возле бойлерной сидели двое. Это были те парни с полустанка.

– Герой сопливый! – презрительно сплюнул белобрысый

– Может по шее надаём? – деловито спросил его рыжий приятель.

"Чё им надо? – напрягся я и посмотрел на них. – Что я им сделал?"

– Не, – возразил белобрысый. – Ничего, ещё своё получит!

И тогда я догадался, от чего они такие злые. Они смотрели на меня со злостью и завистью. Вернее не на меня, а на мою медаль.

Я показал им язык. Хулиганы засмеялись и пошли по улице. Я положил медаль на подоконник и побежал к ребятам, которые собирались во дворе.

У гаражей кто-то плакал и мы поняли, что случилась беда. Мы с Владькой насторожились, и не долго думая побежали на помощь, ведь если кто-то плакал, значит ему плохо. У гаражей хныкали двое ребят.

– Кто вас? – настороженно спросил я.

– Никто... – всхлипывали ребята.

– Бросьте врать, – твёрдо сказал Влад. – Кто?

– Вы их не знаете, – всхлипнул один из ребят, белобрысый, в спортивном костюмчике. – Они вообще не из наших дворов.

– Они нас бьют всю весну! – сквозь всхлипы сообщил другой.

– За что?! – вскипел я, сразу забыв о своих тревогах, о Никите, который со мной больше не дружит, ведь горе этих ребят было куда сильнее моего.

Мальчишки не ответили. Я повёл их в отряд, ведь нужно обработать им синяки и ссадины, и думал о тех, кто избил ребят.

Всю весну! А мы ничего не знали! И не замечали...

Лишь сейчас я осознал, что появился ещё более подлый и коварный враг, перед которым меркнут выходки наших хулиганов.

Но теперь мы и всадники знаем о нём и враг не уйдёт!

Глава IX

Врать нехорошо

1

Все наши бедствия начались с крысы. Дашка так достала нас, что другого способа её проучить не нашлось. Дашка боялась крыс до смерти и мы поймали одну на помойке, когда искали пробки, и сунули ей в портфель. Напуганная и рвущаяся на свободу крыса в поисках спасения прыгнула из портфеля на вожатую и та в истерике завизжала на весь двор. Крыса убежала на помойку, а мы помчались в отряд. Сегодня была моя очередь дежурить. Во дворе мы встретили Никиту. Он пинал мяч об стену. На ребят даже не взглянул.

– Никита, привет, айда с нами! – завлекаяще крикнул ему Влад.

Никита не ответил, тут его позвали ребята и он помчался играть к ним.

– Чё он дуется, не ты же велик курочил! – рассердился Тим.

– Скажи ему, кто сломал велик, – пихнул меня локтём в бок Владька. – Они же на тебя ябедничали!

– Нет, – упрямо мотнул головой я. – Ещё скажут, что я ябеда...

И огорчённо вздохнув, я зашагал по двору, чувствуя, как скребёт в горле.

В отряде я надел на рукав красную повязку дежурного, зашёл в пионерскую комнату и увидел вожатых. Лиза растерянно осматривалась по сторонам, словно кого-то искала среди ребят.

– А тебя Дашка искала, – сообщила мне Лизавета. – Что ты опять натворил?

– Ничего я не натворил! – сразу вспыхнул я.

– Ах не натворил? А кто на неё живую крысу напустил?

– Да она сама крыса.

– Пойди и извинись.

– Не пойду.

– Пойдёшь!

– А что я сделал?! – ещё сильнее вспыхнул я.

– Хулиганский поступок, – в тон мне ответила Лизавета. – Где она сейчас?

– На дискотеке, – ехидно фыркнул я. – Она от "Нанайцев" тащится, а сегодня как раз их музыку крутят.

– Вот и пойдёшь, извинишься, – строго велела Лизавета. – Тебе скоро двенадцать, в шестой класс переходишь. Надо уже учиться хорошо себя вести.

После занятий я зашагал к танцплощадке. Дискотека кончилась. На мозаичной стене висел выцветший плакат с четырьмя длинноволосыми парнями в блестящих костюмах. Парни держали гитары...

Дашка уже ушла и я отправился домой и вынес рогатку. Рогатки были у всех мальчишек, и без них выходить на улицу просто неприлично.

Раньше так было с ножиками. Кто не играет в земнляки и в любую игру, где нужен ножик, тот либо трус и девчонка, либо дурак...

Я сел на качелю и стал играть с рогаткой.

– Я так и знала, – откуда ни возьмись появилась ехидная Ксюха Гордеева, – что совет не оказал на тебя воспитательного воздействия!

– А чё, я же лампочки больше не бью, – рассудительно ответил я.

Я прыгнул с качелей и зашагал по улице.

– Все вы мальчишки хулиганы, – поджала губки девочка и пошла рядом.

– Жвачку хочешь? – спросил я подругу.

– Хочу, – обрадовалась Ксюха.

– Лимонная.

– Угу!

Мы прошли до второй бойлерной, жуя жвачку.

– А ты точно не будешь стекла бить? – ревниво спросила меня Ксюха.

– Честное пионерское! – ответил я и х хитро улыбнулся.

Я вынул изо рта жвачку, натянул резину и пустил жовку в окно ненавистного управдома. Ксюха разинула рот. Она была потрясена моим поступком до глубины души.

– Ты что сделал...

– Да тихо ты, не бойся!

Стекло не разбилось, но жвачка сидела на нём.

– Дай свою, – попросил я Ксюху.

– Зачем?

– Ну дай. Жалко что ли?

Ксюха вынула жвачку изо рта, я сунул её в резинку рогатки.

Окно открылось и выглянул управдом:

– Это что за хулиганские выходки...

Я натянул резинку и звезданул управдому жвачкой в нос.

– Бежим! – схватил я Ксюху за руку.

Остановились мы возле бойлерной.

– Сумасшедший! – ошарашенно выдавила из себя Ксюха. – Что нам теперь будет из-за твоих штук!

– Это что! – снисходительно хихикнул я. – Вот одни мальчишка ему паука к очкам прилепили, а он здоровый, как слон!

– Хулиган ты, Вьюжанин, – проникновенно сказала Ксюха и ушла.

Я показал девочке язык, и вспомнив, как зафенделил жвачкой управдому по носу, засмеялся и помчался по улице, разбрызгивая воду из луж.

2

Утром выйдя во двор, я снял кроссовки и босиком пошёл по траве. Трава приятно холодила мне кожу. Тихо гудела бойлерная. Девчонки играли в классики, гоняя по разрисованным мелом плитам пинашку.

– Вьюжанин, будешь с нами? – окликнула меня Светка Загremухина.

– Вот ещё! – фыркнул я, потому что презирал девчачьи игры.

У клумб тоже играли девчонки. Озорно глядя на меня и других мальчишек, которые играли в картошку общим дворовым мячом, потрёпанным в играх, две девочки что-то закапывали в землю.

"Секретики! – догадался я, вспомнив эту девчачью игру, в которой девочки закапывали в землю фантики со стёклышками, пингвинчиков от киндеров или мелкие игрушки от чупа-сюрпризов. – Тоже мне!"

– Вьютка! – свистнули мне Владька и Костя с детской площадки.

– Серёнь, давай солнышко сделаем? – возбуждённо предложил Костя.

– Да, Серёнь, выручай, – к нам подошёл Ваня Спицын, – а то девки совсем достали, говорят, мы и два раза не сможем!

– Это кто это не сможет? – хмыкнул я, снимая куртку и садясь на качали.

– Фи! – посмотрела на меня сидевшая на других качелях Сашка Панкина.

Я сел на качели и мальчишки стали меня раскачивать. И я сделал десять оборотов вверх ногами, на два больше, чем девчонки.

– Подумаешь! – заносчиво сказала следившая за этим Ксюха.

На детскую площадку пришёл мальчишка с магнитофоном.

Он оставил его на скамейке и стал играть с ребятами в галю. Магнитофон был старый, как наш и хрипел песню:

"Подожди, дожди, дожди!"

Я оставил любовь позади!"

У скамейки остановился длинноволосый парень в полосатом свитере и джинсах-клёшах, драных снизу, в сердечках и заплатках. Удивительно, как они вообще не развалились! Парен воровато оглянулся и взял магнитофон.

Я сунул свой ножик в рукав и пошёл ему наперерез.

– Чё надо? – спросил парень, когда я загородил ему путь.

– Слышь, консервированный грязнуля, – сдержанно казал я. – Верни магнитофон, он не твой!

– А чей же?! – презрительно фыркнул хулиган. Он видно не воспринимал всерьёз одиннадцатилетнего мальчишку. – Смойся, пока по шее не получил.

И ринулся на меня. Но тут же в нерешительности замер. Обернулся.

– Тебе же сказали, – угрожающе заговорили Костя и Ваня, – верни магнитофон и чеши отсюда, пока цел!

– Я щас друзей позову! – занервничал хулиган. – Они вас отметелят!

– Зови! – недобро сказал Влад и решительно шагнул к нему. – А мы тебя за это время по асфальту размажем.

Парень снова воровато огляделся и вся его смелость сразу исчезла. Со всех сторон его окружили ребята в красных галстуках.

– Пацаны, да вы чего... – нервно произнёс хулиган. – Это мой магнитофон... Я его у друга взял! Мне вернуть его надо!

– Врать не хорошо, – наставительно сказал Тим. – Давай сюда.

– Верни магнитофон, ты, щека порванная! – резко выпалил я.

– Ну? – произнёс Влад и протянул руку.

Парень испугался. Ребята окружили его со всех сторон.

– Да ладно, ладно! – дрожащим от страха голосом выдавил он. – Заберите!

– И пусть чешет отсюда, пингвин в кастрюле! – взвинченно сказал я.

Хулиган бросился бежать, а я взял магнитофон и поставил на ту скамейку, где его оставил мальчишка.

– Идём мальчишки, в отряд! – махнул я ребятам рукой.

И мы, как ни в чём не бывало зашагали по улице, прямо по лужам.

Был уже вечер и мы с ребятами шли из отряда в кино. Было сухо, как летом и мы пылили по дороге расхлябанными кроссовками и кедами. Мои промокли, когда я во время игры с банкой наступил в лужу. Наконец банка была закинута в мусорку, а возле "Энергетика" уже собирались ребята на детский киносеанс, пили газировку и жевали жвачку.

– Вьюжанин, ты пойдёшь купаться в бассейн? – спросила меня Светка.

– Не, – невесело вздохнул я, – мне арифметикой заниматься надо... Дашка наядбедничала маме, что у меня двойки!

– Невезуха! – посочувствовал Влад.

– Не то слово! – угрюмо фыркнул я. – Вам хорошо, не вас мучают арифметикой! А мне сегодня в школу тащиться на занятия... Дашка заставила... Сказала Ююкину, чтоб со мной занимался!

Мы пересекли двор и подошли к молодёжному клубу. Возле него оставил свой аэромобиль тот дядька, которому мы клеили вкладыши.

– Опять он здесь! – злился Лёня. – Тут и так играть негде...

– А давай его... – озорно улыбаясь, предложил Серёня Зуев.

И расстегнув ширинку, полил аэромобиль. Тим рассмеялся и тоже полил ненавистную железяку, а за ними и мы с ребятами.

– Есть ещё идея! – таинственно сказал Даня и куда-то убежал.

Вернулся с куском пластилина.

– А это зачем? – удивились мы с Тимом.

– Увидите! – довольным голосом сказал Даня и запихнул пластилин в воздуховод.

И мы стали ждать, что будет. Дядька скоро вышел, но не заметил, что мы описали аэромобиль, сел в кабину. Мы тихо захихикали.

Аэромобиль загудел но никак не заводился. Антиграв ревел и подвывал, а мы с ребятами тряслись от смеха. Наконец антиграв взревел, из воздуховода со смачным чпоком вылетел пластелин и размазался на стене дома.

Мы с мальчишками надрывались от смеха.

– Это что! – наконец сказал Максим Девяткин. – Вот Стасик один раз слепил из пластилина пискью и сунул учителям на педсовет!

Мы снова засмеялись. А на улицу вышел парень в осоавиахимовской форме с играющим магнитофоном на плече:

"Скоро-немного терпенья,

Скоро-всему вой черёд!

Скоро-порою мгновенье,

А бывает и месяц и год..."

Я тёр обожжённую радиоактивной крапивой поцарапанную коленку.

– Айда к нам, у нас жвачка есть! – предложил Тим.

– Да ну её, эту жвачку! – отрывисто отмахнулся я.

У меня было много причин не соваться домой. И мокрые ноги были только самой безобидной. Если мама узнает про крысу...

– Вьюжанин! – ко мне бежал через весь двор Андрей Ююкин, которому велели взять меня на буксир по урокам. На его лице читались досада и раздражение. – Где ты был? Ты забыл, что нам арифметикой надо заняться?

Я страдальчески засопел. Все ребята на сеансе, а мне учить арифметику!

"Свалился ты на мою голову! – рассержено подумал я. – Из-за тебя такое пропущу, а до школы ещё три дня!"

– Идём, – повелительно сказал Андрей Ююкин, взяв меня за руку.

Я глянул на крыши домов, над которыми парил змей и зашагал в школу.

4

В школе сейчас занимались на кружках ребята. Изредка по бетонке, которая шла мимо пятиэтажек проносились играющие в галю мальчишки. В пионерской комнате мы просидели час, и вышли на улицу.

Пили из одной бутылки газировки.

– Эй, пацан, стой, дай глотнуть! – окликнули меня какие-то мальчишки.

Их было трое, они сидели на трубах.

– Да не бойсь, не возьму! – сказал один с нагловатой ноткой, и вразвалочку направился ко мне, пыля клёшами по беонным плитам.

Мальчишка глотнул газировки и плюнул.

– Вы чё, писали туда? – скривившись, спросил он и бросил бутылку. Меня окатило газировкой, под общий хохот его дружков.

Я не выдержал и звезданул его кулаком в глаз. Хулиган упал на землю.

– Ты чё творишь?! – с труб проворно спрыгнули его друзья.

Началась драка, а бутылка газировки улетела в лужу. Один из хулиганов обхватил меня сзади, прижав мои руки к телу. Его приятель нанёс удар мне по лицу, но я увернулся и его кулак звездану в глаз тому, кто меня держал.

– Ай-й-й! – взвизгнул он, а я согнул ногу в коленке и яткой что есть сил вделал ему в спину. Мой обидчик вскрикнул и отпустил меня.

Всё так же стоя к нему спиной, я согнул ногу и сбил на землю ударом ступни по лицу. Хулиган заревел, зажимая разбитый нос.

– Дураки, – с неодобрением сказала какая-то рыжая девочка.

Но я её не слушал. Враги теснили меня к стене дома, но вскоре упал сначала один, потом съёжился и заплакал другой, а третий и вовсе убежал. Я погнался за ним и тут кто-то схватил меня за руку.

– Стой крысёныш! – взбешённо проорал он. Это был вредный управдом. – Я тебе покажу, как бить моего Митьку!

– А-а-а! Пошёл ты! – крикнул я, развернулся и вделал ему тыльной стороной ступни по шее, за тем в бок и звезданул врага коленкой между ног.

Управдом отпустил меня, а я погнался за обидчиком. Я загнал его в к стене дома и хотел вделать по лбу, но тот разревелился.

Лупить его сразу расхотелось. Нельзя было драться, если твой противник плакал, этот дворовый закон знал каждый мальчишка.

– Андрюшка... – крикнул я назад и осёкся.

Андрея нигде не было. Он исчез!

И я сразу всё понял. Мне стало тошно и я пошёл куда глаза глядят.

Я привалился к стене и мне самому захотелось зареветь.

– Струсил! – шмыгнул носом я. – Убежал...

– Кто струсил? – подошла ко мне какая-то девочка.

– Никто, – рассержено махнул рукой я. – Ну и наплевать! Я с ним больше не играю!

И зло пнув валяющуюся на асфальте пустую пивную банку, я побрёл по улице, вернулся во двор и полез на лазалку.

Владя играл с местными малышами возле бойлерной. Он водил в жмурки и ловил приятелей. Я улыбнулся, радуясь за братишку. Владя сначала стеснялся играть с нашими ребятами, но не прошло и трёх дней, а уже подружился с ними.

Я спрыгнул с лазалки прямо в лопухи и побежал в отряд.

В зале собрались ребята. Прохладный ветерок дул в форточку, которую всегда перед занятиями распахивали настежь, даже если было холодно.

– Дети, собираемся на уборку территории! – вошла в зал бодрая Таня.

– Даня, слезай! – зашептал Влад, с беспокойством оглянувшись на шкаф.

– Угу! – Даня спрыгнул со шкафа, но Таня это увидела.

– Выужанин, ты убиться хочешь? – осуждающе спросила она моего брата.

– Ни чуточки! – замотал головой Данька и его длинные каштановые волосы заколыхались из стороны в сторону. – Я свой самолётик искал!

– Ещё раз увижу, что ты на шкаф залез, маме скажу, – пригрозила ему Таня.

– Я больше не буду, – лукаво улыбнулся Даня, – правда-правда!

Даня влез на подоконник, а я успел заметить, что брат держит за спиной пальцы крестиком и улыбнулся. Даньку не переделаешь, как лазал везде, так и будет лазать. И даже мама с ним не справится.

– Ну хорошо, – согласилась Таня и сразу забыла про Даньку, который тем временем тёр рукой коленку. – Вы подождите, я сейчас узнаю план работ. К моему возвращению, я надеюсь, клуб останется целым.

– Танька, не бойся, – хитро улыбнулся Влад, – мы не будем сильно громить наш отряд, да ребята?

– Ты не разнесёшь отряд, я знаю, – сдержанно улыбнулась Таня, – но в наш отряд ходит мальчик, которому это по силам.

Данька обиженно вздохнул и стал копаться в карманах. Я прыснул. Тима о чём-то весело зашептался с Ксюхой и оба засмеялись.

– А ещё у него есть два несносных брата! – иронично сказала Таня и вышла из зала, а я ещё больше развеселился и кинул самолётиком в Тиму.

– Вот из-за баловства вы и учитесь на двойки! – осуждающе фыркнула Ксюха и начала заплетать себе косичку.

– Не люблю учица, я тупица! – выдал Тим.

По всему залу прокатился смех.

– Как маленький! – выразительно закатила глаза Лиза и с осуждением покачала головой.

– Тим, ты вода! – хлопнул я Тиму по коленке, спрыгивая с подоконника.

Таня вернулась быстро. Она окинула взглядом физкультурный зал, за тем нас, и убедившись, что клуб цел и невредим, облегчённо вздохнула.

– Вот что ребята... – серьёзно сказала она. – Вьюжанин, хватит бегать! Так вот, практику мы будем проходить в лагере. Летим в мае.

– Ура-а-а! – громко отозвался весь отряд.

Тане еле удалось нас унять и мы побежали на улицу убирать мусор...

5

Уборка мусора закончилась через час. Я слонялся по улицам, пинал банку, дёрнул двух девчонок за косички и снова заглянул в отряд, расспросить командора о нашей смене в лагере. Вдруг мы полетим на водохранилище?

– Вьюжанин! – окликнули меня.

– Чего? – обернулся я и увидел Катю.

– Вьюжанин! – строго сказала Катя. – Ты опять дерёшься!

– А чё я? – сразу ошетинился я. – Это они первые полезли.

– Всегда у тебя так, – не без ехидства усмехнулась вожатая. – Всегда драку начинает кто-то другой, а ты и рад этому!

– Ничего я этому не рад! – разозлённо сказал я. – Я их за дело. Разве честно чтоб трое на одного?

– А вот Андрей мне другое сказал, – покусав губу и бросив на меня недоверчивый и красноречивый взгляд, возразила Катя. – Он прибежал ко мне, белый, как мел... и сказал, что ты их lupишь.

– Ну его! – зло бросил я и стал носком кроссовка возить по пыли.

Мы вошли в клуб. Ребята занимались фехтованием.

– Почему? – удивлённо спросила меня Катя. – Разве вы не должны вместе заниматься арифметикой? Скоро в школу...

– Я с ним не дружу, – раздражённо буркнул я.

– Вот заявочки! – всплестнула руками Катя.

– Он ссыкло! – гневно и с презрением выпалил я. – Когда я с этими дрался, он убежал, а мог бы помочь!

– Вот и научи его быть смелым! – после долгого молчания, велела мне Катя.

– Как? – беспомощно всплестнул руками я. – Как этому учатся?

"Этому не учатся, – вспомнил я слова комсомолки Алисы. – Это каждый человек с пелёнок должен знать!"

В это время прибежали машыши на детский сеанс. Вожатым стало не до нас и они бросились унимать визжащую и орущую ребячью ораву.

– Серёня, чё без нас убежал? – крикнули Тим и Даня, вбегая в отряд. Они знали, что если меня нет на улице, значит я в клубе. – Идём, а то мама волнуется.

– А где Владя? – с тревожной ноткой спросил братьев я.

– С мальчишками играет, – бесхитростно ответил Даня.

– Сегодня пойдём его забирать, – вторил Даньке Тим.

Ребята разошлись по домам. Мама поймала нас и повела в ванную.

– Мальчики, сколько можно шляться по улицам? – воспитывала нас мама, опускаясь на корточки и внимательно разглядывая ранки, царапины и ушибы на моих ногах. – У вас уроки не готовы!

– Мы с мальчишками играли, а ещё убирали мусор, – оправдывался я и зевнул, уставясь на свои царапины. – Уроки не волк, в лес не убегут.

– Зато всякие пиратики на улицу убегают, только отвернись! – заметила мама, схватила меня за руки и насильно усадила на край ванной. – Сядь, я твои раны промою и йодом помажу. Вечно с тобой что-то случается.

– А чё сразу я? – насупился я.

– Тима и Даня так себя не ведут, – наставительно сказала мама.

– Ты их мало во дворе знаешь!

– Сиди и не дрыгайся!

– А можно без йода?

– Одиннадцать лет, а всё йода боишься!

– Тебя бы йодом!

Мама в ответ включила воду и стал поливать мне на ноги.

– Ай щипет, щипет! – зашипел я, когда мама начала промывать мне ранки и царапины. Я пихался ногами, но мама ловила их и промывала.

– Не дрыгай ногами, а то гулять не выпущу! – пригрозила она мне, нещадно поливая мне ноги ледяной водой и смывая с кожи грязь.

Я сердито посмотрел на маму и хмыкнул.

– Ну всё, вытирайся, и пойдём в комнату, – мама выключила воду, вытерла мне ноги, вывела меня из ванной и стала обрабатывать ранки йодом.

Я визжал на весь дом и брыкался.

– Ух, еле справилась! – устало вздохнула мама, закрывая пузырёк с йодом.

– Еле удержали! – вторили маме Тима с Даней.

– Я вам ещё это припомню! – с чувством бросил им я. – А ещё братья!

Мы выбежали во двор, а по улице скрипела тележка мороженщицы...

6

Каникулы заканчивались, впереди нас ждала школа. Я шагал по улице, пиная пивную банку и думая о том, как несправедливо устроена жизнь школьника. Уроки, домашка, утренние линейки, совет дружины, на который тащат тебя из-за какой-то двойки. Двойки конечно были разные. За невыученный стих, или арифметику. У меня их было немного, и то в основном за поведение. А ещё скоро начнутся соревнования по плаванию.

– Еште и не возникайте, – строго сказала мама утром, дав Тиме, Дане, Владе и мне тарелки с творогом. – И чтоб вылизали их! Да, вылизали! Еду надо класть в рот и жевать, а не стрелять ею в людей.

И мама нехорошо и нравоучительно посмотрела на меня, будто я один был виновником всех бедствий у нас дома и на улице.

– А чё мы сделали? – заныли мы с Тимой.

– Будто не знаете! – притворно удивляясь, сказала мама. – Вчера управдом из двенадцатого дома приходил, жаловался, что вы его достали.

– Да врёт он всё! – возмутился Даня и закашлялся. Мы с Тимой и Владей стали хлопать его по спине. – Это не мы!

– Во время еды нужно молчать! – одёрнула Даню мама.

Владя почти вылизал свою тарелку. Творог он не считал гадостью.

– Ты молодец Владя, ешь, – ласково погладила его по макушке мама, – а вот в этих всё надо впихивать силой! И то не известно, куда это улетит...

Управдому мы в этот же день отомстили.

Владя занимался в отряде, а мы пускали в луже кораблики. Данька влез в лужу с ногами. Тим играл на углу дома. Я старался отмыть фломастер с новеньких кед. Мама заявила, что не пустит меня домой, пока я их не отмою.

– Он идёт! – горячо воскликнул Тим.

Управдом шагал по улице, мы спрятались за угол.

– Что вы тут устроили? – накинулся он на ребят, которые играли в клёк.

– Отдай, мы же играем! – послышались возмущённые мальчишечьи голоса, а управдом что-то проворчал и прошёл мимо нас. Данька подкрался к нему сзади и отвесил пинка мокрой ногой.

– Ай! – вскрикнул от неожиданности управдом. – Кто это хулиганит!

– Отдай биток мальчишкам, ты, чебурашка! – воинственно крикнул управдому я.

– Ку-ку! – хихикнул Тим и ударил управдома между ног.

Злодей выронил биток и его тут же подобрали мальчишки.

Даня вделал ему по мягкому месту.

– Ну вы, малолетние хулиганы! – разозлённо закричал управдом, но мы уже бежали вниз по улице по струящимся по бетонным плитам ручейкам.

– Опять прорвало трубу, – догадался я.

За углом захихикали девчонки.

– Чё вы смеётесь? – ревниво спросил я девочек.

– Максим кинул Викин портфель в аквариум! – возбуждённо сказала нам с братишками Светка Крапива. – А в нём лежали все её учебники и тетрадки!

– И она ныряла за ним, представляете мальчишки?! – с восторгом объявила Ксюха Гордева, еле сдерживая смех.

– Да это всё фигня! – снисходительно приснула Алёна. – У неё стенгазета там была. Она хотела нести её в клуб, а Максим и её утопил тоже!

Я бросился сломя голову в отряд. Вика ревела. В клубе не было никого, кроме нас.

– Может тебе помочь? – осторожно спросил я девочку.

Максимова сестра отчаянно пыталась исправить стенгазету.

– Все вы мальчишки вредные! – обиженно шмыгнула носом Вика.

– Ну давай помогу, – решительно сел к Вике я.

Вдвоём мы справились за два часа и повесили стенгазету в физкультурном зале.

– Максима увидишь, – сказала повеселевшая Вика, – передай ему, что он бармаглот! И если ещё раз такое учудит, я сама его утоплю!

В это время в пионерскую комнату влетел шаловливый индикатор и принялся скакать по шкафам...

– Ну как вы тут, ребята? – вошла к нам Таня.

– Ничего, – ответили мы с Викторией.

– А уроки вы сделали? А то вам скоро в школу...

– Школа, школа! – с досадой бормотал я. – Спать бы эту школу!

А ещё мне в пионерский патруль сегодня вечером топать. Надень повязку на рукав и вперёд, смотри, чтобы ребята не хулиганили и не устраивали бедствий, разнимай дерущихся малышей...

– А что ж ты тогда схватился за огнетушитель, когда она горела? – не то шутя, не то всерьёз поинтересовалась у меня Таня. Пожар полыхнул при мне. Наверное кто-то кинул дымовуху и чуть не спалил школу.

– Не знаю, – сердито и неловко дёрнул плечом я. – Испугался...

А через два дня мы с ребятами пошли в школу. Начались уроки. В первый же день учёбы я схватил двойку по поведению.

– Что на этот раз? – устало и раздражённо спросила в пионерской комнате Катя.

– Он тряпкой в меня кинул! – зло раздувала ноздри Дашка Трепыхалина.

– За что?

– Она обзывается.

– За дело! Они с этой тряпкой баловались!

– Нет с вами покоя, – судорожно вздохнула Катя. – Вьюжанин, ты после уроков убираешься в классе. И смотри у меня, ещё раз помоешь доску шваброй, я тебе такое устрою, обор-мол!

Я клятвенно заверил её, что шваброй мыть доску не стану и убежал.

Тим и я вымыли полы, доску и парты в классе и пошли на улицу.

– Пойдём, мяч погоняем? – к нам подошли Тяпа, Стасик и Колян с ободренным в дворовых переделках белый мяч.

Мы покидали портфели у забора и побежали гонять мяч. И два раза чуть не подрались. А всё из-за Коляна, который начал спорить, был гол или нет.

– Да чё ты врёшь! – возмутился я. – Та не было гола!

– Был гол! Он за черту залетел! – спорил Колян. Мы сцепились.

Колян схватил меня за рукав. Рука у него была вся изрисованна чернилами и фло-мастерами.

– Отпусти, – раздражённо потребовал я у хулигана.

Колян за эту неделю успел меня достать. Во всех играх он лез драться и сейчас я схватил его руку и вывернул.

– Пацаны, вы чего?! – вмешался удивлённый Стасик.

– Отпусти, – сдержанно сказал я. – И будешь драться, получишь сдачи.

– Больно нужно с тобой связываться! – фыркнул струсивший Колян.

– Да ладно, чё ты, панатри его трогаешь! – заступился за меня Тяпа. – Ему и так достаётся от мамы за двойки по поведению...

– Ну и мне достаётся от моей. Я же не реву!

– Ты его маму не знаешь, – проникновенно возразил Тяпа. – Я как-то бабахнул петарду, так она меня мокрой тряпкой по шее!

Мне стало тошно, как если бы я сам кого-то обидел, довёл до слёз.

"Врёт он всё! – как за спасательный круг схватился я за эту мысль. – Врал же он про велик. И сейчас соврал. Мама никого не обижает!"

Но откуда это мучительное чувство тревоги? Почему так щипет в глазах?

– Серёня, ты куда?! – удивлённо закричали мне вслед ребята.

Я их не слушал, забыл об игре. Схватил портфель и побежал во дворы.

Глава X

Уличное бедствие

1

Уроки сегодня закончились быстро, потому, что отменили арифметику, и мы с ребятами побежали смотреть мультики. Лизавета чистила зубы, потому, что мы налили ей в пепси чернил и её зубы стали синими. Влад то и дело совал в дверь ванной свою ехидную физиономию и корчил старшей сестре рожи.

– Отвянь, – раздражённо щёлкнула брата по носу Лизавета. – Если я узнаю, кто мне налил чернил...

– Лиза, ну ты долго? – нетерпеливо ныл под дверью Влад. – Мы же из-за тебя линейку прогуляем!

– С каких это пор вы, мальчишки сами идёте на линейки? – с иронией спросила Лизавета, недоверчиво оглядывая нас с ребятами.

– Так сегодня арифметики нет!

– А, ну тогда понятно...

– У-у-у-у! – влез я и показал Лизавете язык.

– Вот я тебя шваброй! – пригрозила мне вожатая.

Владик взял тюбик с зубной пастой и заинтересовался колпачком. Я тоже глянул и подумал, что такой хорош для игры в пробки.

– Вот если бы его тайком стянуть... – мечтательно прошептал Влад мне на ухо.

Мальчик свинтил колпачок.

– Не трогай колпачок! – заметила это Лиза и потянулась к тюбику. – Вам, мальчишкам только баловаться!

– Бежим! – засмеялся Влад и потянул нас с ребятами на улицу. Колпачок был зажат у него в кулаке. Лиза кинула в нас мокрой тряпкой.

Мы выбежали на улицу. Навстречу шёл Миха. Его клёши подметали пыль на разогретых солнцем плитках. У подъезда он огляделся и пнул урну.

Урна с грохотом покатилась, из неё вывалился мусор.

– Слышь ты, зараза из унитаза! – окликнул Миху я. – Сунь мусор назад!

– Вот ещё! – нагло усмехнулся Миха.

Миха хотел пройти, но я толкнул его и прижал ногой к стене дома.

– А чё я тебе сделал?! – забился Миха.

– Ещё раз намусоришь, – угрожающе предупредил я, нажимая Михе ногой ниже пояса, – мы тебя мусор счавкать заставим!

Убежал он потрёпанный, со слезами, спотыкаясь и грозя нам кулаком.

Я забежал домой попить. Мама возилась со стиральной машиной.

– Мама, – произнёс я с неловкостью, переступая с ноги на ногу на холодом кафеле. – Один мальчик во дворе сказал, ну что ты его ударила... – я закусил губу, – и довела до слёз...

– Он хулиганил, – сухо ответила мама, – я его тряпкой и шлёпнула...

– Значит ты его по-правде ударила? – дрожащим голосом прошептал я.

Мне стало тоскливо и больно, как если бы я сделал что-то плохое.

– Зачем?! – дрогнувшим голосом выкрикнул я и вообразил, как мама бьёт Тиму, Даню, меня...

– За дело, – как-то холодно ответила мама.

Я отвернулся и, пытаюсь проглотить противный комок, застрявший у меня в горле, направился в комнату, всё ещё не веря услышанному.

– Серёня! – крикнула мне вдогонку мама.

У меня защипало в глазах, как всегда, когда я сталкивался с несправедливостью и жестокостью. Я забежал на балкон и рванулись слёзы...

Слёзы быстро кончились. Я вытер их рукавом и побежал играть с мальчишками во двор. Мы стянули кроссовки и поиграли в луже в ворону, потом в вышибалы с подсералом, и мы пошли к нам домой смотреть мультики...

А когда они закончились, я убежал на занятия, а потом вышел во двор играть с мальчишками в пристеночек на жвачку. Я выиграл пять пластинок бумера и баблгاما, и две дал Владу, но тут снова разгорелся горячий спор, кто как кинул монетку. Колян опять полез драться.

– Да чё ты к нему лезешь? – раздражённо спросил приятеля Димыч.

– А чего он Миху отлупил?! – с нажимом осведомился Колян.

– Миха сам виноват, – неожиданно вступился за меня Тяпа. – Помнишь, как мы один раз помойку подожгли, а попало Вьюжанину. Сказали, что это он. А когда какой-то дурак мусор разбросал, потом всех заставили собирать!

– Ладно, я сейчас домой, меня сеструха просила убраться, – объявил Влад, когда мы остановились у бойлерной. – Давай вечером в нагонялы-сгонялы!

– Угу! – кивнул я, влезая босыми ногами в лужу.

Влад ушёл, а я потоптался босиком в луже и побежал по улице.

– Вьюжанин! – догнала меня Лизавета. – В отряде опять разгром!

– А что случилось?

– Жорик и другие роботы хулиганят вместе с малышнёй. Из окна людей дразнят, ворону до хрипоты довели! Помоги, а?

– Ладно, идём, пока моя мама не видит! – сказал я, с опаской оглядываясь на окно своей комнаты. – А то ещё есть загонит...

И взявшись за руки, мы со всех ног, прямо по лужам помчались в отряд...

2

Индикатор и другие наши роботы скакали по шкафам и дразнились. С ними бесилась малышня и нам еле удалось их всех успокоить. Начались занятия, а после них я выбежал а улицу и стянул кроссовки.

Я зашлёпал босыми ногами по нагретым солнцем изрисованным бетонным плитам и сосал чупа-чупс, внутри которого была жвачка. Впереди показались гаражи. У гаражей меня ждал Лёша из пожарной дружины.

– Чё не выходил? – с укором спросил он. – Мы тебя звали...

– Мама наказала, – вздохнул я. – За то, что мы управдому пинка дали.

– Обижал вас, да? – сочувственно спросил Лёша.

– Я дерусь только если обижают, – серьёзно ответил я.

– Идём, – потянул меня за руку Лёша, – тут опять какие-то заразы траву подожгли, а потом мусор загорелся!

Пожар тушили водой из бутылок и топтали ногами. Серёня тушил огонь из водяного ружья. Пожар мог перекинуться на мусор, сваленный на задних дворах и лес, и тогда бы началось бедствие, пострашнее, чем в школе.

Ребята знали про тот случай в школе, когда я бросился тушить пожар и вожатые то и дело мне об этом напоминали, когда я играл с огнём.

"Такой подвиг совершил, – то и дело с укоризной говорила Лизавета, – а ты безобразничаешь! Да ещё с огнём играешь!"

Мы тушили пожар и подошвы наших кроссовок и кед оплавились, зато огонь погас и мы собрались у гаражей.

– Как мы теперь домой? – уныло произнёс Максим Девяткин, разглядывая свои почерневшие кроссовки. – Меня сеструха отлупит!

– Нам тоже устроят головомойку, – озабоченно заметил Тим.

– И Лёшке тоже достанется, – заметил кто-то из ребят.

– Лёшке ничего не будет, – возразили ему. – У него родители улетели в экспедицию в тайгу.

– Чё делать будем? – озабоченно спросил Серёня.

– Видели, кто поджегал? – спросил ребят я.

– Да пьяницы какие-то! – с негодованием ответили ребята. – Они уже второй раз, как напьются, траву жгут.

– А где они сейчас?

– К продмагу ушли.

Испорченные кроссовки сразу забылись. Все ребята обсуждали пьяниц.

– Только вышли из трамвая, – весело произнесла Сашка Панкина, – глядь: на улице пивная. В окнах яркий свет горит, алкоголиков манит!

– Как их проучить, чтоб траву не жгли? – задумался Лёша.

– Есть идея! – ухмыльнулся я. – Они же пьяные её подожгли. Выпьют эту гадость и хулиганят на улице. Бутылки бьют, обзываются плохими словами...

– Ну? – спросили заинтригованные мальчишки.

– Мы им в бутылку мыла нальём, – улыбнулся я. – Они выпьют и...

Я захихикал, воображая, что тогда начнётся.

– Ещё одеколону можно! – подал идею прибежавший к нам Влад.

– Где ты одеколону возьмёшь? – с сомнением фыркнул Максим.

– У нас, – озорно улыбаясь, сказал Влад. – Пошли Серёнька сбегает!

Через минуту мы уже выглядывали из-за угла гастронома.

– Вон они! – шепнул Серёня, вцепившись мне в руку. – Как их отвлечь?

– Есть идея, – тут же нашёлся Тим. – Максим, айда со мной!

Мальчики обошли продмаг и показались с другой стороны.

– Дяденьки, помогите! – сказал взволнованно Тим. – Мой брат катался на самокате и ногу вывихнул!

– Так вам и надо, беспризорники! – прохрипел один из пьяниц.

– Тупорылая свиньица упилась и в блюдо дрищет! – фыркнула Сашка Панкина. – Что стянула из-под носа шелудивого барбоса.

– Тихо ты! – зашипел на неё Даня.

– Ну помогите, жалко вам что ли? – вторил Тиму Максим.

Пьяницы забубнили что-то, но всё же пошли за мальчиками.

– Скорее! – толкнул меня Влад.

Мы подбежали к бортику, где стояли забытые ими бутылки и от души влили в них одеколону и мыла. В конце улицы раздались крики пьяниц и ребячий смех. Пьяницы скоро вернулись, недовольно бубня.

– Щенки сопливые! – сплюнул один. – Драть их надо за такие шутки!

И глотнул из бутылки. За ним глотнули и остальные. Мы тряслись от смеха, зажимая себе рты, наконец пьяницы допили всю дрянь и мы стали ждать.

Отрава подействовала довольно быстро. Один схватился за живот, замычал и исчез за углом. Оттуда донеслись звуки, как-будто выходит воздух из воздушного шарика, а остальные двое захрипели. Их начало рвать.

– Ес! – обрадовались мы с Владом и дали друг другу пять.

– Ну как? – это прибежали Тима и Максим.

– Смотрите! – захохотал я, указывая на пьяниц.

Двое поливали рвотой асфальт, третий мучался за углом в кустах.

– Так им и надо! – мстительно усмехнулся Лёша.

Мсть была совершена и мы разбежались по домам.

– А потом со стула, с лету пьяной мордую в блевоту! – засмеялась Сашка.

Где-то звенела тихая весёлая музыка:

"Ма-ма, первое сло-ово,

Главное сло-ово, в каждой судьбе!

Ма-ма, жизнь подари-ила

Мир подари-ила, мне и тебе!"

Я лёг на зелёный диван с учебником и меня сморило.

– Прости меня, Серёнька... – сквозь дрему услышал я мамин голос. – Я больше так не буду. Я не ударю ни вас, ни других ребят!

Мама чмокнула меня в лоб.

– Я знаю, мамочка... – пробормотал я сквозь сон.

А когда я проснулся, никого уже не было, лишь сквозняк гулял по комнате, а по стенам с каравеллами металась световые пятна и тени...

3

В форточку несло запахами трав, воды и нагретого битума. Ребята два раза пробежали под окнами и звали играть. Я не выходил, боясь нарваться на вожатых, которые уже знали о нашей диверсии. Но уже приближались занятия, я вышел к ребятам и мы двинулись в отряд. И в отряде нам влетело от вожатых.

– Скажите честно мальчики, – строго поинтересовалась у нас Катя, – это ваша работа?

– Пьяницы? – небрежно спросил Тим.

– Да, – с нажимом ответила Катя. – Их сейчас скорая увезла с отравлением. О чём вы думали, когда им эту дрянь давали?!

– А нечего пожар устраивать! – негодуя воскликнул Максим. – Они, когда пьяные, хулиганят и траву жгут. Так им и надо!

Катя закатила глаза и обозвав нас отравителями, погнала на улицу.

Вечером об этом случае знали все дворы.

– Днём он ещё был, а сейчас пропал! – раздался голос Владькиной мамы.

– Одеколон? – спросила моя мама.

– Что же ещё! Лизавета не возьмёт... Владьке тоже не интересно...

– Они знают! – тревожно зашептал я, и мы с Владом насторожились.

Наши мамы шли рядом. Моя вела за руль велосипед. Владькина размахивала авоськой с хлебом. Нас они ещё не видели.

– А у меня мыло пропало, – жаловалась моя мама. – Тоже днём было, а сейчас гляжу: исчезло, и стирать уже нечем! Мои каждый день прибегают грязнее грязи. Что они во дворе делают, что такими пачкулями прибегают?..

– А, мальчики, уже здесь! – заметила нас мама Владика. – Домой.

– Мы сейчас, – сказал Влад, мы сели на качелю. Моя коленка дёрнулась, навверное от предчувствия того, что нас ждало.

– Пацаны, слышали, этих в больницу увезли! – подбежал к нам Максим.

– Кажется я что-то об этом слышала... – задумчиво произнесла моя мама.

Меня бросило в жар. Мама посмотрела на нас и ахнула.

– Мальчики, это вы взяли мыло? – оторопело спросила моя мама.

– Одеколон тоже вы стащили? – сурово спросила Владькина мама.

Влад и я вцепились друг в друга, зная, что мы втяпались всерьёз...

4

Мама всё узнала и второй раз за вечер пила варельянку. Утром мы убежали в школу, боясь попадаться взрослым на глаза. Ребята нас дразнили отравителями. Вся улица знала, куда делись одеколон и мыло для стиральной машинки. Взрослые были возмущены нашей проделкой, вспомнили, как мы стреляли творогом, и ещё они наврали, что это мы устроили пожар. Но все дворовые ребята были на нашей стороне. И в отряде нас не ругали.

– Пацаны! – прибежали встревоженные ребята с Фантомасом. – Помогите нам его спрятать, а то нас так взгреют...

– Зачем? – удивился Влад.

– Он из столовой колбасу стянул! – с гордостью сообщили ребята. – А уборщица его увидала и шваброй. Короче спасайте.

– Ну стянул, и что?

– Он у всех еду берёт. Он же дворовый... Вдруг кто-нибудь отравит?

Фантомас в это время зевнул.

– Ладно, будем учить его поведению, – со значением сказал Тим, поглаживая Фантомаса, а пёс жмурился на солнце.

Влад закинул ногу и сел на пса. Фантомас ловко вывернулся и Влад упал на мягкое место. Ребята все как один расхохотались. Влад встал и потёр локоть.

– Дрессировать? – озадаченно спросил Егор. – А как?

– Ну как нас вожатая воспитывает, – рассудительно ответил Алька.

Мимо прошли большие мальчишки с радиоприёмником.

"Тюльпаны, тюльпаны на южной границе! – разносилось по двору. – И горы суровы, как долг, и как долг высоки-и-и!"

– Ага, сделаем из него воспитанного пса! – рассмеялся Тилька Чуваткин.

Два дня мы с мальчишками мучались, стараясь сделать Фантомаса воспитанной собакой. Давали ему команды, показывали, как прыгать, как лаять, кидали ему палку, но пёс больше интересовался котлетами и сосисками.

Фантомас дурашливо носился по двору, гоня голубей.

– Не станет он воспитанным, – огорчённо вздохнули мы с Тимой. – Он такое вытворяет, что скоро и его будут называть уличным бедствием...

– Станет! – решительно сказал Влад. – Фантомас, голос!

Пёс залаял, и снова принялся носиться.

– Он не слушается, потому, что маленький, – рассудительно заметил Даня.

– Пацаны... – прибежал во двор взволнованный Тилька. – Я у мамы короче спрашивал... Мы совсем не так его дрессируем! Вот он и дурачится.

– А как его дрессировать? – ревниво спросил Сашка Жариков.

Тилька принёс детскую книжку про пограничников. Мы сели на трубы и быстро её прочитали. Фантомас совал к нам любопытную морду.

Нос у пса был оцарапан.

– Кто это его? – испугался Тилька.

– Кошка, – небрежно ответил Влад. – Сидела на трубе, он сунулся, она его и оцарапала.

– Страшнее кошки зверя нет! – хихикнул Алька.

– Надо его к ветеринару, – посерьёзнел Даня. – Вдруг заражение?

Фантомас зевнул и уставился на нас.

– Точно, айда к ветеринару! – решительно сказал я, вскакивая с трубы. – На аэробусе быстро домчимся.

И мы потянули пса на проспект. Влезли в аэробус.

– С собаками нельзя! – запротестовали какие-то бабки.

– Не бойтесь, он не укусит! – возразил им я.

– Не укусит, а грязи нанесёт!

– Ишь хулиганы!

– Сами вы грязные! – огрызнулись мы. – Пошли Фантомас.

Бабки брюзжали всю дорогу до ветклиники. У ветеринара пёс вёл себя, как воспитанный школьник и дал обследовать свой нос.

– Ничего страшного мальчики, – успокоил нас ветеринар. и открыл какой-то пузырёк. – Сейчас мы выличем ему нос, сделаем прививку и можете гулять.

Фантомас настороженно понюхал и чихнул. Лекарство ему явно не понравилось. А врач начал наполнять им шприц. Пёс боязливо покосился на иглу и заворчал. Я хорошо понимал его страх. Кому нравятся уколы!

5

Обратная дорога была веселее. Фантомас не пропустил ни одного столба, сунул нос в лужу, попил воды, потом погнался за бабочкой, остановился возле колодца, но он ему не понравился. А за тем его заинтересовала урна.

– Фантомас фу, нельзя! – прикрикнул на пса Даня.

– Он же ещё щенок, пусть бесится! – снисходительно засмеялся я.

Мы вернулись во дворы.

– Вьюжанин, – нагнала меня Лизавета, как всегда серьёзная и решительная. – Через час у нас линейка. Надень пожалуйста свою медаль.

– Зачем? – прищурился я.

– Надо, – сказала, как отрезала Лизавета. – К нам прилетят ребята из осоавиахима.

– Скажут, что выпендриваюсь, – недовольно пробормотал я.

– Ну что ты кочевряжешься? Это надо.

– Угу...

Лиза отцепилась у подъезда, я вбежал к себе, приколот к карману медаль.

– Серёня, сходи за хлебом и молоком, – попросила меня мама.

– Угу! – кивнул я и побежал к продмагу.

Навстречу катила синюю тележку мороженщица и через минуту я шагал по улице, облизывал мороженное и жмурился на солнце.

У гастронома никого, сегодня был рыбный день, да к тому же обед. Я поглядывал на окна с нарисованными на них колосьями и ждал. В продмаге дребезжали и гудели холодильники, слышались чьи-то голоса.

Я взмахнул авоськой, проглотил последний кусок пломбира и поглядел на блестящую медаль на кармане рубашки.

Пионерская медаль за отличие. Нам дали их на сборе, за то, что мы вытянули Юлю из-под поезда. Когда мама узнала про то, что случилось в тот вечер, она долго пила варельянку.

Дверь гастронома открылась, вышла продавщица тётя Галя:

– Всё стоишь?

– Угу, – простодушно ответил я.

– Заходи уж, мятежная душа, – улыбнулась она. – Хлеб в конце зала.

Я сунул в авоську два батона, пакет молока и вышел на улицу. На бортике сидели те двое парней, которые были на полустанке.

– Слышь пацан, иди к нам, разговор есть, – сказал белобрысый, с прокуренными красными глазами.

Меня кольнуло беспокойство, но вспомнив, как эти двое тогда перетрусили, я пере-силлил свой страх и подошёл к парням.

– Слышь, дай свою медаль на три дня? – спросил рыжий веснушчатый парень с синяком под глазом. – К нам девчонки прилетают из института.

"Ясно, – с неприязнью подумал я, – перед девками хотят выпендриться!"

– Да ты не бойсь, не заберём! – лениво зевая, успокоил меня белобрысый. – В воскресенье они уже улетают, в понедельник отдадим.

– Мальчик, не давай им! – вдруг воскликнули двое ребят на велике. Один был из класса четвёртого, а второй совсем малёк-ноябрёнок. – Они у тебя её заберут, а потом ею в каплашки играть будут. И по шее надают!

Я разинул рот и уставился на мальчишек. Это были те мальчишки, которых я встретил за гаражами. Те, которых избили неизвестные хулиганы.

– Слышь ты малявка, чеши отсюда, пока по шее не дали! – выкрикнул белобрысый. Улыбка и дружелюбие сползли с него, как чернильная клякса.

– Мотайте отсюда, пока мы добрые! – вторил его рыжий приятель.

– Это они вас? – звенящим голосом спросил я мальчишек.

– Они... – почти прошептал напуганный ноябрёнок.

И в тот же миг я получил сильный удар по затылку.

– Андрюха, хватай медаль! – крикнули у меня над ухом.

Меня толкнули, дали два кулаком по лицу и я успел увидеть только кроссовки, да джинсы-клёш, которые мелькнули за углом. А у меня перед глазамиплыли круги и сверкали искры.

– Мальчик, ты как? – наклонился надо мной старший мальчишка.

У меня всё плыло перед глазами. Мальчишка куда-то ушёл, но быстро вернулся и прыснул на меня водой. Я очнулся, круги и искры пропали.

– А кто это был? – в недоумении спросил я мальчишек, поднялся и сморщился от боли.

– Это гады, – с чувством сказал маленький. – Они всех обижают...

– Куда они побежали?! – спросил я, вскакивая на ноги.

– На Высоковольтную... А тебе зачем? Они тебя разделают.

– Да не боюсь я их... Ну ударят, так не убьют ведь!

– Кто их знает...

– Мы ещё сможем их догнать, – заметил большой мальчишка. – Ты сядь на заднюю сидушку, а ты Санька на раму.

Мы сели на велик и помчались в погоню.

Выехали к высоковольткам, но врагов и след простыл. Через час мы уже искали их вместе с ребятами, которых мы встретили у остановки аэробуса.

– Не, они не выйдут, – печально вздохнули мальчишки. – Они же трусы, только к маленьким лезут! Может завтра их где-нибудь подкараулим?

– Нет, – замотал головой я. – Не надо. Я сам с ними разберусь.

– Отрываешься ты от коллектива, Вьюжанин – с укором сказал Саша Жариков, и поглядел на горящий над лесом закат.

– Моя же медаль, – возразил я другу, – мне её и отбивать.

– А мы твои друзья, – резонно возразил Владька Сакурин. – И ты забыл, как у нас, в отряде? Один за всех и все за одного!

– Найдём и вклеим! – зловеще сказал Тим, бросив недобрый взгляд на дома.

– Не уйдут! – утешил меня Данька, повиснув у меня на шее.

Я ещё раз бросил взгляд на улицу и мы с ребятами пошли в отряд...

6

Неделю мы искали хулиганов, неделю ходили по улицам, но враги словно испарились. Двоюродный братишка Владя улетел, обещав встретиться с нами в пионерском лагере, а вечером я мотался по двору, как неприкаянный, стараясь не зареветь. Мальчишки звали гонять мяч, но мне было тошно и тут под ноги попался красный пионерский барабан. Он лежал под кустом, и первой мыслью было забрать его себе, но тут я вообразил, как будет грустно и обидно тому мальчишке, который его потерял и я решил его вернуть.

И я зашагал по дышащей зноем, ёлками и лопухами улице в поисках мальчишки, который потерял барабан.

– Серёня! – меня догнал раскрасневшийся от бега Колька. – Ой, да это мой барабан! Где ты его нашёл?!

– В кустах валялся, – бесхитростно пожал плечами я. – А ты чего такой растеряха?

– Да это не я потерял... – замялся Колька и нерешительно посмотрел на меня, кусая губу и возя чешкой по пыли. – Я гулял, а *эти* подошли и отняли...

– Кто? – насторожился я, и внутри у меня всё напряглось.

– Да какие-то верзилы... Ещё по шее дали.

– А где ты их видел?

– Они к высоковольткам пошли.

"Нашли, с кем справиться, герои! – вскипела во мне злость. – Колька же совсем малыш, разве он им даст сдачи?!"

– Беги домой, – ласково сказал я, возвращая Кольке барабан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.